

Индекс **П8643**

3
2023

РОССИЯ XXI 2023 3

РОССИЯ XXI

3. 2023 май – июнь

Ярлыки и мифы

Геннадий Костырченко

Венгрия – 56 в судьбе Юрия Андропова
и в свете еврейского вопроса _____ 6

Дмитрий Рублев

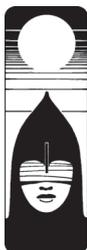
Анархист, дипломат, директор архива:
жизнь и общественно-политическая
деятельность И.М.Гейцмана _____ 40

Ресурсы нации

Сергей Козлов

«Каждый успех в промышленности... есть
драгоценное приобретение для общества»:
Ефим Степанович Карнович (1793–1855) _____ 78

Национальная доктрина

Александра Бахтурина

Варшавский генерал-губернатор Г.А.Скалон
и правительственная политика в Царстве
Польском начала XX в. _____ 114

Страницы истории

Дарья Сазонова

Особенности становления кафедр
русской истории в столичных
университетах при Николае I _____ 130

Ангелина Рогожина

Продовольственная политика России
второй половины XIX в.:
проблемы и решения _____ 146

Актуальный архив

Олег Чернов

Дипломат на войне: Н. В. Чарыков
и русско-турецкая война
1877–1878 гг. _____ 166

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного педагогического университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Когда море спокойно, всякий
может быть кормчим.

Публилий Сир

Дух разрушения есть дух
созидающий.

Михаил Бакунин

Любая политика лучше
политики колебаний.

Отто фон Бисмарк

Жизнь: сделай свое дело
и уходи!

Лешек Кумори

Геннадий Костырченко

**ВЕНГРИЯ – 56
В СУДЬБЕ
ЮРИЯ АНДРОПОВА
И В СВЕТЕ
ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
929

Антикоммунистическая общественная активность в Венгрии, подпитываемая еврейской проблемой и переросшая осенью 1956 года в массовое, отмеченное кровавыми событиями восстание, не только предельно обострила ситуацию в этой стране, но и явилась серьезной угрозой глобальной геополитической стабильности. Однако этот катастрофический и чреватый мировым ядерным катаклизмом сценарий, к счастью, не реализовался, причем благодаря как решительным мерам, принятым руководством СССР, так и инициативным действиям отдельных ответственных лиц, в том числе советского посла в Будапеште Юрия Андропова.

Anti-communist public activity in Hungary, fueled by the Jewish problem and escalated in the fall of 1956 into a massive uprising marked by bloody events, not only extremely aggravated the situation in this country, but also posed a serious threat to global geopolitical stability. However, this catastrophic and fraught with a global nuclear cataclysm scenario, fortunately, was not realized, and thanks to both the decisive measures taken by the leadership of the USSR and the proactive actions of individual responsible persons, including the Soviet ambassador in Budapest Yuri Andropov.

Ключевые слова: восстание в Венгрии в 1956 году; Хрущев; Юрий Андропов; еврейский вопрос.

Key words: the uprising in Hungary in 1956; Khrushchev; Yuri Andropov; the Jewish question.

E-mail: genkost@mail.ru

**Венгерско-еврейский вопрос:
в стране и компартии**

Когда задаешься вопросом о том, на каком карьерном этапе началось формирование Юрия Андропова как крупного политика, способного возглавить такую мировую державу, как СССР, на ум приходит прежде всего то суровое жизненное испытание, через которое ему пришлось пройти в 1956 году в Венгрии и которое стало для него судьбоносным – совсем как по Тютчеву: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!».

При нахождении его в этой восточноевропейской стране в качестве советского посла там произошло событие – без натяжки глобального геополитического масштаба – разразилось массовое и унесшее множество человеческих жизней антисоветское антикоммунистическое восстание. Причем одним из детонаторов этого социального взрыва стал пресловутый «еврейский вопрос», чье обострение началось задолго до этого, с созданием в марте 1919 г. Венгерской советской республики во главе с такими коммунистами еврейского происхождения, как Бела Кун, Дьердь Лукач, Тибор Самуэли, Матьяш Ракоши, Эрне Гере и др. Почти все они приобщились к большевизму в России, где попали в плен во время Первой мировой войны, служа в австро-венгерской армии.

После падения коммунистической власти в Венгрии и установления в марте 1920 г. долголетнего авторитарно-консервативного правления (регентства) Миклоша Хорти в стране был введен 5-процентный лимит приема евреев в высшие учебные заведения. С выходом в 1938–1941 гг. серии расовых законов начинается квотироваться 20% представительство евреев в сфере так называемых свободных профессий, а общая трудовая занятость в народном хозяйстве сократилась до 5%. К концу 1930-х гг. почти 250 тысяч евреев оказались безработными и лишенными средств к существованию [37, кол. 640–645].

В 1941 году в Венгрии, ставшей союзницей Германии во Второй мировой войне, ввели новую правовую дефиницию – «еврей», в которой упор делался уже не на религиозный критерий, как прежде, а на расовый. В результате численность населения, официально причисленного к еврейству, существенно возросла, составив примерно 800–820 тысяч человек. После оккупации Венгрии гитлеровцами в марте 1944 г. все они подлежали изоляции в срочно создававшихся гетто и последующей отправке в лагеря смерти, преимущественно в Аушвиц. А когда в октябре 1944 г. Хорти посмел приостановить истребление евреев и заключить

перемирие с СССР, Гитлер сместил его, заменив лидером фашистов Ференцем Салаши. После чего в Венгрии возобновился Холокост, который всего унес в этой стране примерно 565 тысяч человеческих жизней [37, доп.2, кол. 269–273].

Окончание войны не принесло выжившим евреям полной безопасности. Теперь они оказались во власти страха перед спорадически возникавшими стихийными погромами. Такого рода brutальные эксцессы растрavляли и без того глубокую и болезненную рану только что пережитой национальной катастрофы, значительно стимулировав еврейскую репатриацию из Восточной Европы. Поскольку она практически не ограничивалась властями, там за счет средств Джойнта, Еврейского агентства, а потом и Израиля легально действовали вплоть до лета 1949 г. многочисленные сионистские организации (40-тысячный Венгерский союз сионистов и др.) и так называемые палестинские офисы. В итоге из уцелевших после войны в Венгрии 255 тыс. евреев к началу 1950-х гг. в стране осталось не более 100 тыс. [4, д. 86, л. 34–51].

К тому времени коммунисты уже монополизировали власть в Венгрии и, проведя по директиве ЦК ВКП(б) пропагандистскую кампанию против «космополитов» и сионистов, ликвидировали в стране почти все еврейские национально-культурные организации, в том числе образовательные и благотворительные. Но парадокс ситуации заключался в том, что функционеры еврейского происхождения продолжали оставаться на ключевых партийно-государственных постах, и это подспудно разжигало антисемитизм. И не только низовой, общественный. Даже в верхах руководимой Ракоши Венгерской партии трудящихся (ВПТ), что возникла после объединения в июне 1948 г. коммунистов с социал-демократами, было немало недовольных «еврейским засильем». В связи с этим один венгерский дипломат так высказался в конце 1956 г. в доверительной беседе с сотрудником центрального аппарата МИД СССР К. А. Крутиковым: «Реакционные силы всегда использовали антисемитизм в своих целях. После войны большое число евреев вступило в партию и заняло очень много руководящих постов во всех звеньях партийного и государственного аппарата. Очень много евреев было среди... руководителей Венгрии: Ракоши, Гере, Фаркаш, Лукач, Санто и другие. Много евреев было в ЦК, правительстве и в качестве руководителей на местах, что очень болезненно воспринималось венграми. <...> Это явление вызывало всеобщее возмущение, однако оно игнорировалось партийным руководством» [5, д. 479, л. 76].

Но подобные упреки были не совсем справедливы, особенно применительно к первому секретарю Центрального руководства (ЦР)¹ ВПТ Ракоши. Этот достаточно опытный и образованный политик (в совершенстве знал пять европейских языков [16, с. 47–48]) вполне осознавал, что властное доминирование какого-либо нацменьшинства в стране, в которой еще вчера этнонационализм титульного народа служил основой официальной идеологии, не может не быть социально взрывоопасным. Еще 19 мая 1945 г. он направил Георгию Димитрову в Москву то соображение, что популярности компартии Венгрии «наносит вред совершенно необычное явление – массовое проникновение в партию евреев, служивших в трудовых ротах, это серьезно угрожает партии... полиция на местах также насыщается такими элементами» [2, д. 783, л. 30].

Матьяш Ракоши

Что касается отношения к еврейской проблеме другого лидера венгерских коммунистов Яноша Кадара, возглавившего в ноябре 1956 г. Венгерскую социалистическую рабочую партию (ВСРП, бывшая ВПТ), то он несомненно лукавил, когда, признав летом 1956 г. в беседе с Микояном, что «антисемитизм действительно существует

¹ Аналог Центрального комитета.

в Венгрии даже среди рабочих», которые в 1947 г. «пытались учинить еврейские погромы», утверждал, что сразу после войны ничего подобного в правящей партии не было. И, переводя стрелку на ненавидимого предшественника, пояснил: «...В то время, когда не было еще произвола со стороны Ракоши, в партии никто не обращал внимания на то обстоятельство, что в руководстве партии находится много евреев. Имелось общее доверие к руководству. После расправ и произвола над многими честными венгерскими национальными кадрами настроения многих коммунистов повернулись против евреев, находящихся в руководстве партии» [8, с. 120–121].

На самом деле антисемитизм в той или иной степени всегда существовал в компартии Венгрии, он просто резко возрос в ней к концу 1940-х гг. вследствие наката политических репрессий, тем более, что их непосредственной организацией занимались этнические евреи Габор Петер, руководивший управлением госбезопасности, и его куратор в Политбюро ЦР ВПТ, министр обороны Михай Фаркаш. И хотя и этими «силовиками», и всем высшим руководством Венгрии дирижировали прикомандированные советники МГБ СССР М. Т. Лихачев и Н. И. Макаров, даже в знавших об этом верхах страны циркулировали толки о захвате власти «еврейской кликой Ракоши». Эти закулисные разговоры настолько досаждали советскому руководству, что первую попытку избавиться от «венгерского Сталина» оно предприняло уже спустя несколько месяцев после смерти самого великого «вождя народов». Поскольку Венгрия переживала в 1953 г. серьезные экономические трудности, вызванные послевоенной форсированной индустриализацией по советскому образцу, Ракоши и члены его узкого руководства – Эрне Гере, Фаркаш, Йожеф Реваи – были подвергнуты разностной критике на переговорах в Москве 13–16 июня. Произошло это с подачи Л. П. Берии, настаивавшего на назначении новым лидером Венгрии Имре Надя. Однако, возвратившись в Будапешт и покаявшись на пленуме ЦР ВПТ за свой «культ личности» и прочие «ошибки», Ракоши смог удержать пальму политического первенства. Правда, чтобы нейтрализовать уже открыто звучавшее в то время обвинение его в создании «клики» [17, с. 151], ему, кроме того, пришлось кое-чем и кое-кем поступиться: передать один из занимаемых постов – председателя Совета Министров, основному своему конкуренту Имре Надю, а также отправить в отставку лично преданного силовика Фаркаша и несколько задвинуть главного идеолога партии Реваи, лишив портфеля министра просвещения.

Но отстоять такой малой кровью свое лидерство Ракоши удалось не только благодаря политической изворотливости. Больше всего ему помогли везение и благоприятное стечение обстоятельств: 26 июня 1953 г. был арестован его главный недоброжелатель в советском руководстве Берия. После чего Ракоши смог еще три года продержаться на самом вер-ху, даже вопреки все нараставшему отторжению венгерским обществом.

Кроме того, этот умудренный богатым жизненным опытом венгер-ский лидер, который, хорошо зная кремлевскую политическую кухню, искусно лавировал между все более интенсивно интриговавшими друг против друга хрущевско-сусловской («цековской») и маленковско-мо-лотовской («совминовской») группировками, смог в апреле 1955 г. за-ручиться согласием Москвы на лишение И.Надя кресла премьер-мини-стра и вывод из Политбюро и ЦК ВПТ, а в декабре и вовсе исключил его из партии. Этому неудачливому реформатору Ракоши вменил в вину не только правый оппортунизм, но и отставание приоритетного в срав-нении с тяжелой промышленностью развития сельского хозяйства и про-изводства товаров ширпотреба. Показательно, что практически за то же самое Хрущев добился в феврале 1955 г. низложения Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР.

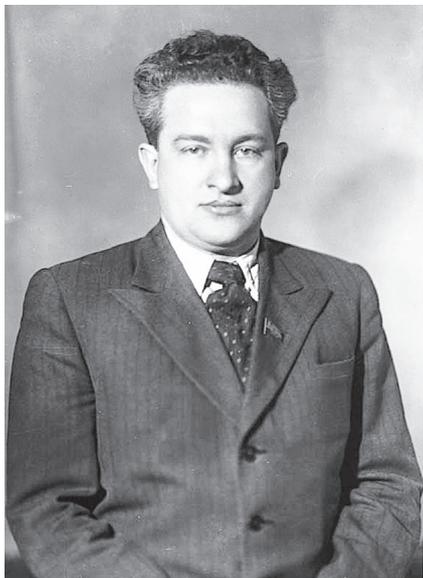
Копируя действия Хрущева, Ракоши вместе с тем испытывал к нему стойкую неприязнь, с брезгливостью отметив потом в мемуарах, что тот «оперировал каменным топором там, где нужно было применить тон-чайший медицинский ланцет... и [допускал] тяжелые неуклюжества... в любом вопросе, за который... брался» [10, с.120–121]. Разумеется, эта личная антипатия искусно камуфлировалась. Так что пребывавший в не-ведении Хрущев продолжал поддерживать «венгерского Сталина» и да-же после развенчания «культы личности» в СССР.

Карьерная предыстория Андропова перед назначением в Венгрию

Учитывая, что этот видный политик с предположительно еврейскими корнями сыграл в венгерской драме 1956 г. достаточ-но важную роль, необходимо отдельно остановиться на его карьере в предшествующее пятилетие². Но прежде следует особо отметить тот важный момент, что еще работая с лета 1940 г. в Карело-Финской

Как представляется, такая «безот-ветная любовь» во многом стала возможной под влиянием совет-ского посла в Будапеште Ю.В. Ан-дропова.

² См. о биографии Андропова в более ранние годы, а также начиная с 1965 г.: [27, с.217–294; 28, с.50–73].

Юрий Андропов. 1950 г.

ССР – сначала 1-м секретарем ЦК республиканского комсомола, а с января 1947 г. 2-м секретарем ЦК КП(б) КФССР, Андропов уже располагал тесными связями в ЦК ВКП(б), заручившись поддержкой главным образом двух партсановников:

– Н. С. Патоличева, который покровительствовал Андропову еще в бытность в конце 1930-х гг. первым секретарем Ярославского обкома партии и особенно после войны, когда в 1946–1947 гг. последовательно занимал должности начальника управления по проверке партийных кадров и секретаря ЦК ВКП(б);

52

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Допускает к работе лица **ПТС**

№ С-т **572/8-гс** **СТРОГО СЕКРЕТНО**

21.У1 / **951** з.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СЕКРЕТАРИАТА протокол № **572** § **8** от **21.У1** 19**51** г.

О т. Андропове В.В.

Утвердить т. Андропова В.В. инспектором ЦК ВКП(б) освободив его от обязанностей второго секретаря ЦК КП(б) Карело-Линской ССР.

СЕКРЕТАРЬ ЦК. *Малеев В.*

Послано: в личное дело.

Подлежит возврату во 2-й этаж тех. с-та ОБ через 7 дней со дня получения (пост. ОБ ЦК ВКП(б) от 29/III—38 пр. № 93/53)

Перевод Ю.Андропова в центральный партаппарат. Июнь 1951 г.

– С. Д. Игнатъева – первого заместителя Патоличева по указанному управлению и к тому же «человека» Маленкова.

Став в 1950 г. заведующим отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов (ОППиКО), Игнатъев добился перевода в него Андропова, которого отрекомендовал Маленкову «как политически подготовленного, опытного и перспективного работника» [3, д. 419, л. 42]. В своем отделе Игнатъев поручил Андропову, утвержденному 21 июня 1951 г. в должности инспектора ЦК [3, д. 419, л. 41], курирование парторганизаций северо-западного региона РСФСР и республик Прибалтики. При этом карьера самого Игнатъева круто пошла в гору. Продолжая возглавлять ОППиКО, он в июле 1951 г. был направлен в МГБ СССР как представитель ЦК ВКП(б), а в августе Сталин вообще сделал его главой этого силового министерства.

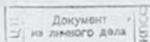
На новом месте Андропов быстро приобрел репутацию организованного и интеллектуально продвинутого функционера. Поэтому после того как территориальные сектора ОППиКО были преобразованы 22 мая 1952 г. в подотделы, Игнатъев уже в сентябре ходатайствовал о назначении Андропова заведующим одного из них. Однако в силу полной тогдашней сосредоточенности верхов на подготовке XIX партсъезда это представление оказалось в долгом ящике. Ну а когда съезд завершил свою работу, уже самому Игнатъеву совсем было не до продвижения подчиненных: в середине ноября Сталин так грубо разнес его за допущенные в расследовании печально знаменитого «дела врачей» «мягкотелость» и «чистоплюйство» [15, с. 140–141] (имелось в виду неприменение жестких пыток), что тот надолго слег с сердечным приступом. Ко всему прочему Игнатъев вскоре лишился должности заведующего ОППиКО. А об Андропове вспомнил, только после смерти Сталина, став секретарем ЦК КПСС и добившись 24 марта 1953 г. повышения своего протеже до руководителя подотдела ОППиКО по Литовской ССР [30, с. 56; 23]. Правда, уже 5 апреля Игнатъев был по настоянию Берии изгнан со Старой площади, после чего там не смог удержаться и Андропов. Свою руку к этому приложил и М. А. Сулов, который, по свидетельству тогдашнего инструктора отдела науки и культуры ЦК КПСС И. С. Черноуцана, питал «настороженное и ревнивое отношение» к карьерному росту Андропова и, будучи сам в 1944–1946 гг. председателем Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР, придрался к нему, обвинив в «неправильной оценке» руководства Компартии Литвы по главе со А. Ю. Снечкусом [32, с. 6].

Для дальнейшего трудоустройства Андропова направили на Смоленскую-Сенную, в МИД, чьи кадровики, принявшие во внимание его прежнюю работу в КФСР, в конце мая 1953 г. определили будущего дипломата стажером в 3-й Европейский отдел, занимавшийся наряду с Германией и Австрией также Финляндией и другими странами Северной Европы. Между тем с подачи Берии Президиум ЦК КПСС принял 12 июня постановление «Вопросы Белорусской ССР» [11, с. 61–62], предусматривавшее замену на ближайшем республиканском пленуме первого секретаря этой республики Н.С. Патоличева на М.В. Зимянина. И так как последний в связи с этим был освобожден 25 июня от должности заведующего IV европейским отделом МИДа (ведаль восточноевропейскими странами «народной демократии»), вместо него назначили Андропова, правда пока в статусе исполняющего обязанности. Казалось, что Андропову вновь улыбнулась Фортуна. Однако уже на следующий день Берия был арестован, после чего инициированная им «белорусская» кадровая комбинация распалась. В итоге Патоличева оставили руководить БССР, а Зимянина возвратили в Москву с тем, чтобы восстановить в прежнем должностном качестве. Тем не менее 1 июля в МИДе как бы по инерции вышел приказ о назначении и.о. заведующего IV европейским отделом Андропова полноправным его руководителем. Конечно, это фантомное распоряжение вскоре отменили, а Андропова, убрав из отдела, отправили в резерв главного управления кадров МИД СССР.

Так полный сил и амбиций тридцатидевятилетний политик оказался не у дел. Продолжавшееся в течение нескольких последующих месяцев подвешенное состояние не могло не восприниматься Андроповым, потерявшим с опалой С.Д. Игнатьева надежную опору в высших номенклатурных сферах, как реальная угроза карьерному росту. Поэтому, когда после томительной неопределенности ему в октябре 1953 г., наконец, предложили стать советником-посланником в посольстве в Венгрии, он, похоже, испытал большое облегчение, даже несмотря на то, что ранее ему, вроде бы, обещалась должность посла в Дании. Точно известно лишь то, что «предложил Венгрии» будущему генсеку ЦК КПСС сам министр иностранных дел В.М. Молотов [20, с.89].

В Венгрии

Оказавшись в Будапеште фактически в роли заместителя посла, Андропов возглавил посольскую группу экспертов, занимавшихся подготовкой информационных обзоров о событиях и процессах в ин-

Ц К К П С С

Товарищ Молотов В.М. внес предложение об освобождении т.Киселева Е.Д. от обязанностей посла СССР в Венгрии в связи с длительным сроком пребывания на заграничной работе, утвердив его заведующим Протокольным отделом МИД СССР. На пост посла СССР в Венгрии предлагается назначить т.Андропова Ю.В., освободив его от обязанностей советника того же посольства. Одновременно внесено предложение о присвоении т.Андропову Ю.В. дипломатического ранга Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Тов.Андропов Юрий Владимирович 1914 года рождения, русский, член КПСС с 1939 года, образование незаконченное высшее. Имеет опыт руководящей партийной работы: был вторым секретарем Петрозаводского горкома партии, вторым секретарем ЦК КП/б/ Карело-Финской ССР, с 1951 по 1953 год работал инспектором ЦК КПСС. В мае 1953 года т.Андропов постановлением ЦК КПСС был направлен в распоряжение МИД СССР для использования на руководящей дипломатической работе. С июля того же года он является советником по делам СССР в этой стране. Зарекомендовал себя политически подготовленным и серьезным работником. С возложенными на него обязанностями справляется успешно. МИД СССР считает, что т.Андропов по своему опыту руководящей партийной работы, а также опыту работы в качестве советника посольства вполне подготовлен и может быть назначен послом СССР в Венгрии.

Тов.Киселев Евгений Дмитриевич 1908 года рождения, русский, член КПСС с 1938 года, образование высшее: окончил Московский институт народного хозяйства и Институт дипломатических и консульских работников НКВД СССР. Знает английский и немецкий языки. В системе МИД СССР т.Киселев работает около 17 лет, с 1949 года он является послом СССР в Венгрии.

Отдел ЦК КПСС поддерживает предложение МИД СССР о т.т.Андропове и Киселеве.

Заведующий Отделом
ЦК КПСС

(Бараненков)

" " июля 1954 года.

п-2

Э. Бараненков
6 июля 1954

Назначение Ю.Андропова послом в Венгрии. Июль 1954 г.

теллектуально-гуманитарном сегменте (литература, философия, история и т. п.) венгерского общества. Случайно или нет, но уже через несколько месяцев от подчиненных Андропову сотрудников пошли жалобы в МИД и ЦК КПСС на посла Е. Д. Киселева, якобы недооценивавшего значимость аналитической работы [5, д. 158, л. 20]. Возможно, именно эти сигналы и обусловили наряду с прочим его отзыв 14 июля 1954 г. в Москву. Во всяком случае, одновременно произошла его замена Андроповым. Это назначение произошло, конечно, при решающем участии все того же Молотова, который как министр лично обеспечивал утверждение кандидатур послов в ЦК КПС с последующим изданием соответствующих указов Президиума Верховного Совета СССР.

Показательно, что внешнеполитическая малоопытность Андропова несколько не смутила Молотова. И не только потому, что тот сам не был карьерным дипломатом. Просто высокий профессионализм не очень-то и требовался тогда от послов в полностью зависимых от Кремля странах Восточной Европы. Рассуждая задним числом о практиковавшейся в отношении них директивной дипломатии, Молотов отмечал, что «в большинстве случаев послы – передатчики, что им скажут, они только в этих пределах действуют» [20, с.95].

Делая выбор в пользу Андропова, Молотов припомнил еще и такое немаловажное обстоятельство: «Во внутренних событиях Венгрии не ждали чего-либо неожиданного и плохого. Спокойно было» [20, с.89].

Разумеется, став послом, Андропов старался подстроиться под эту доминировавшую в кремлевских кругах иллюзию полной политической стабильности в Венгрии и, учитывая скандальное смещение в начале 1954 г. советского посла в Варшаве Г.М. Попова (за критику польского лидера Б. Берута), в свою очередь не настроен был негативно информировать центр о Ракоши. Не исключено, что именно поэтому Хрущев, который решительно зачищал политическую элиту Польши и других соцстран от евреев, все же сделал исключение для Венгрии, полагая, что Ракоши там на месте и, крепко держа бразды правления, надежно обеспечивает интересы СССР. Подобная иллюзия, таившая, как оказалось, серьезную геополитическую угрозу, возникла во многом потому, что советское руководство долго не желало замечать подспудную энтропию режима Ракоши, запущенную после смерти Сталина. В качестве главного фермента усиливавшегося в стране социального брожения выступила столичная творческая интеллигенция, чья протестная активность особенно возросла с созда-

нием в 1954 г. при Союзе писателей Венгрии (СПВ) неформального молодежного дискуссионного сообщества либеральной направленности под названием «кружок им. Петефи» (далее – клуб Петефи). Именно с подачи этой структуры, ставшей авангардом общественной оппозиции, СПВ, устроив 30 марта 1956 г. партсобрание, обвинил Ракоши в игнорировании решений XX съезда КПСС по реабилитации жертв политических репрессий. Тем самым был запущен механизм формирования оппозиционного движения, которое, радикализируясь, все настойчивей требовало демократических преобразований в стране и все сильнее влияло на власть.

А в конце апреля Ракоши подвергся резким выпадам уже со стороны большинства членов Политбюро ЦР ВПТ, которое приняло решение о расследовании его соучастия в незаконных репрессиях, организованных куратором органов госбезопасности Фаркашем (изгнан тогда же из Политбюро), и вводе в свой состав открытых противников первого секретаря в лице прежде преследовавшихся им партидеолога Йожефа Реваи (выставлен в 1952 г. из Политбюро как «работник невенгерской национальности») и секретаря Пештского горкома Яноша Кадара (находился под арестом в 1951–1954 гг.). Об этом выпад венгерской партэлиты против фаворита Кремля Андропов проинформировал Москву 29 апреля: «Приняв решение о введении Реваи и особенно Кадара в состав Политбюро, венгерские товарищи, по нашему мнению, делают серьезную уступку правым и демагогическим элементам...» [8, с.106–107].

К опасению Андропова Хрущев отнесся серьезно: отправил в Будапешт многоопытного секретаря ЦК по международным вопросам Суслова. А тот, прибыв в начале июня 1956 г. на место, пообщался как со сторонниками, так и с противниками первого секретаря ЦР ВПТ, после чего посоветовал «венгерским товарищам» «не раздувать дела Фаркаша», которое, как показалось кремлевскому эмиссару, «недовольные коммунисты в Политбюро... имели намерение использовать... для атаки на т. Ракоши». В результате Фаркаша пока не арестовали (это произойдет 13 октября 1956 г.), а ограничились исключением из партии и лишением генеральского звания [8, с.110].

Столкнувшись вместе с тем в Будапеште с массовыми проявлениями социального недовольства, в том числе в виде упорных толков о захвате власти в стране «еврейской кликой Ракоши», Суслов так по телефону доложил 13 июня в Москву о кадровой ситуации в венгерском руководстве: «По моим наблюдениям здесь в этом отно-

шении большие ненормальности. Больше того, под флагом привлечения к руководству более авторитетных и опытных кадров, среди которых большинство составляют товарищи еврейской национальности, имеется тенденция еще более отодвинуть от руководства более молодые кадры венгерской национальности» [8, с.110].

Хотя Суслов, по всей видимости, сильно сомневался в политической долговечности Ракоши, однако, вынужденный считаться с симпатией к последнему Хрущева и следуя оппортунистическому совету Андропова, он все же поддержал «венгерского Сталина». Но сделал это без особого энтузиазма, пойдя – уже вопреки рекомендации Андропова – на компромисс с большинством венгерского Политбюро, настаивавшем, как упоминалось, на вводе в него Реваи и Кадара. Сославшись «на необходимость более смелого выдвижения на руководящую работу национальных кадров венгров», Суслов особенно ратовал за Кадара, заверяя тогда же 13 июня Кремль, что введение того в венгерское руководство «значительно успокоит часть недовольных, а самого Кадара морально свяжет» [8, с.109].

Совершенно не осознавая объективного императива хотя бы минимального реформирования венгерских властей и продолжая упорно поддерживать Ракоши, Хрущев вызвал его в Москву, чтобы наряду с другими руководителями стран «народной демократии» призвать 24 июня к завинчиванию гаек: «Нельзя забывать, что к врагам мы должны применять власть. Нельзя властью злоупотреблять, как это делал Сталин, но употреблять» [33, с.500, 501, 536].

Эта остротка явно перекалилась с исполненной тревоги совершенно секретной телеграммой Андропова в МИД от 26 июня, гласившей, что «враждебные оппозиционные элементы... начинают вести себя недопустимо нагло», а Ракоши и другие «венгерские товарищи не принимают решительных мер против этих нездоровых проявлений». «Даже органы госбезопасности, – возмущался Андропов, – не проявляют должной решимости против контрреволюционных элементов» [26, с.248–250].

Тем временем в клубе Петефи прошли 27 июня откровенно антиправительственные дебаты по свободе печати, транслировавшиеся по радио на более чем семитысячную аудиторию. На следующий день, 28 июня, в польской Познани начались массовые рабочие волнения, повлекшие гибель десятков людей. Это сильно встревожило советское руководство, которое, опасаясь, что эпидемия кровавых беспорядков может перекинуться и на Венгрию, потребовало принятия жестких

мер к тамошней несистемной оппозиции, квалифицировав дискуссии в клубе Петефи как «Познать без выстрелов» [8, с.126].

Между тем Ракоши, продолжая колебаться, так и не прибегнул к репрессиям. Значительно опережая Хрущева по уровню интеллекта и поэтому в полной мере осознавший, что время безнаказанности властного террора а-ля Сталин ушло безвозвратно, он совсем не желал брать на себя неблагоприятную роль Мавра, который, сделав свое дело, сразу станет козлом отпущения. Единственное, на что хватило охранительного энтузиазма Ракоши, было составление черного списка из 400 подлежащих первоочередному аресту «контрреволюционеров» и объявление 30 июня запрета на легальную деятельность клуба Петефи. Однако, оставшись на бумаге, эти распоряжения оказались мертворожденными и лишь способствовали усилению протестной активности [33, с.501; 26, с.251].

И вот тогда до Хрущева стало, наконец, доходить, что Ракоши – битая карта и дальнейшее пребывание во власти этого хитроумного политика, запятнавшего себя в недавнем в прошлом кровавыми репрессиями, лишь еще больше дискредитирует коммунистический режим в Венгрии, превращая эту страну в слабейшее звено Варшавского военного договора. Полностью разочаровавшись в Ракоши, Хрущев публично пенял потом бывшему любимцу, обзывая «дураком», который «расклеился»: «Надо было бы двух – трех писателей арестовать из клуба Петефи в Будапеште... не хватило духу, это значит плохой руководитель... у Сталина этого духу немножко больше было, чем нужно...» [12, с.453].

Тем самым судьба Ракоши была решена. Теперь от него, не способного защитить партию от «поднявших голову контрреволюционеров» и при этом компрометирующего ее соучастием в сталинском терроре, Хрущев хотел срочно избавиться, заменив кем-то другим. Для выполнения этой задачи он и направил в Венгрию ментально гибкого Микояна, которому поручал обычно самые сложные и деликатные миссии, требовавшие принятия самостоятельных решений «по обстановке», на что, скажем, отличавшийся исполнительской ригидностью Сулов способен не был.

Как только 13 июля 1956 г. Микоян прибыл в Будапешт, Андропов организовал в посольстве его встречу с венгерским руководством. На ней, как и следовало ожидать, Ракоши дал ясно понять посланцу Кремля, что «наводить порядок» твердой рукой он не собирается, сказав в свое оправдание, что «положение настолько усложнилось

и напряжение так усилилось, что аресты не помогут» [8, с.111]. После этого наделенному широкими полномочиями Микояну не оставалось ничего другого, как предложить Ракоши добровольно уйти в отставку «по состоянию здоровья». Поскольку тот с готовностью согласился, эмиссар Хрущева посоветовал венгерским коллегам избрать новым первым секретарем ЦР ВПТ находившегося тут же Андраша Хегедюша. Однако Хегедюш, который, сменив в 1955 г. Имре Надя, занимал пост премьер-министра, решительно отказался, сославшись на молодость и неопытность. Вместо себя он предложил кандидатуру первого заместителя председателя Совета Министров Эрне Гере. Но и тот взял самоотвод, напоминая на то, что у него плохо со здоровьем и «он – еврей, а было бы правильнее и политически необходимо, чтобы венгр был первым секретарем» [8, с.112]. В качестве оптимального претендента Гере назвал Кадара, чье выдвижение поддержал и Ракоши. Однако кандидатура этого умеренного реформиста не устроила Кремль и, скорей всего, под влиянием ориентировавшегося на догматическо-консервативное крыло венгерского руководства Андропова, которому Хрущев всецело доверял, отзываясь впоследствии очень лестно: «С посольскими делами он (Андропов. – Г.К.) справлялся хорошо и отлично разбирался в других событиях. Он докладывал нам обо всем со знанием местной обстановки и давал полезные советы, вытекавшие из сложившейся ситуации» [19, с.253].

Правда, по Кадару все же был достигнут компромисс – ввести в Политбюро в качестве второго секретаря ЦР, что и было утверждено 18 июля пленумом ЦР ВПТ. Одновременно этот партфорум принял отставку Ракоши (с лишением членства в Политбюро), избрав новым первым секретарем ЦР партии первого заместителя председателя Совета Министров Гере, которого в конце концов удалось уговорить [8, с.113–124]. Сразу после этого Ракоши отбыл в СССР на специально присланном Хрущевым самолете [8, с.124–128; 19, с.252].

Низложенный «венгерский Сталин» никогда более не ступал на родную землю, проживая до конца дней в Советском Союзе, сначала – в Краснодаре, потом, по заочному исключению в 1962 г. из ВСРП, – в Токмаке (Киргизия), а смертный час встретил в Горьком.

Однако устранение Ракоши с политической арены фактически мало что значило, ибо властные рычаги в Венгрии продолжали оставаться в руках сталинистов, вызывавших в венгерском обществе все более нарастающую идиосинкразию, что, в свою очередь, активно использовали радикальные противники режима. К тому же замена Ракоши на такого же,

как и он, еврея Гере не могла устроить Хрущева в сколько-нибудь стратегическом плане и рассматривалась как промежуточное решение, продиктованное отсутствием в кадровом резерве надежных, в понимании лидера СССР, кандидатов коренной национальности. Ведь, как упоминалось, даже Я.Кадар пока не пользовался полным доверием в Москве, не говоря уже о И.Наде, вообще считавшимся там радикалом, чрезмерно увлекшимся в 1953–1955 гг. либерально-демократическим обновлением Венгрии.

О временном характере лидерства Гере и взятии Хрущевым курса на коренизацию венгерских руководящих кадров свидетельствовал и явно принятый с его подачи 13 июля 1956 г. следующий пункт решения Политбюро ЦК ВПТ: «Подготовить предложение о пополнении состава ЦК молодыми кадрами венгерской национальности, хорошо показавшими себя в борьбе с оппозицией и связанными с массами» [8, с.117].

Морально пришибленный этой установкой и совершенно непопулярный в народе Гере ощущал себя, судя по его тогдашним заявлениям, кем-то вроде калифа на час. Он явно не рассчитывал задержаться на высшем посту и исполнял новые обязанности спустя рукава. Сразу по назначении на него он, мало заботясь об охваченной тяжелым кризисом стране, выехал отдыхать на два месяца в СССР. А когда осенью 1956 г. возвратился в Венгрию, общественно-политическая ситуация там уже подходила к точке кипения.

Начало восстания

Роль спускового крючка в этом стремительном нарастании антиправительственного протеста сыграла стотысячная манифестация в Будапеште на перезахоронении 6 октября останков министра иностранных дел Ласло Райка и других венгерских политиков, расстрелянных по сфабрикованному обвинению в 1949 г. Встретившись 12 октября с Андроповым, венгерский первый секретарь заявил, что «обстановка в стране исключительно серьезная и продолжает ухудшаться» и «ни он, ни другие товарищи пока не видят выхода из положения». Сообщая об этом в Москву, советский посол отметил, что «из беседы с т. Гере... создалось впечатление, что он довольно сильно нервничает и растерян». Но формулируя свое видение резкого погружения Венгрии в пучину всеохватного кризиса и политической нестабильности, Андропов проигнорировал такие глубинные

причины, как инерция сталинизма в управлении страной и дефицит модернизационного ресурса. Зато в который раз посетовал на «нерешительность» венгерского Политбюро и «ряд беспринципных уступок» с его стороны, призвав московское начальство усилить контроль за ситуацией в Венгрии, все более усугубляемой тамошней антикоммунистической оппозицией [8, с.131–135].

На этом фоне кажется странным решение Президиума ЦК КПСС от 20 октября отозвать из Венгрии советников КГБ. Тем не менее тревожные депеши Андропова все же возымели какое-то действие, несомненно повлияв если не на политическое советское руководство, то во всяком случае – на военное. В противном случае, например, командир дислоцировавшегося в Венгрии Особого стрелкового корпуса генерал-лейтенант П.Н. Лашенко не провел бы 21 октября проверку его частей на соответствие составленному еще летом 1956 г. спецплану «Компас» по «восстановлению общественного порядка в Будапеште и на всей территории Венгрии». Это была более чем насущная мера, правда, уже определенно запоздалая.

Уже с 22 октября венгерская столица стала стремительно погружаться в хаос антиправительственной митинговой активности. Тогда стало известно, что студенты Будапештского строительного-технического института намерены продемонстрировать завтра солидарность с польскими реформаторами (отважились в пику Москве вновь сделать Гомулку национальным лидером) и потребовать аналогичной независимости для Венгрии [13, с.966–967].

Так что 23 октября протестные выступления в Будапеште достигли кульминации. В 12–30 Андропов телеграфировал в МИД, что «оппозиционеры и реакция... активно подготавливают перенесение борьбы на улицу». Скептически оценивая способность венгерского руководства самостоятельно справиться с ростом социального напряжения, советский посол также утверждал, что «в создавшейся обстановке венгерские товарищи вряд ли смогут сами начать действовать смело и решительно без помощи им в этом деле» [34].

Тем самым недвусмысленно намекалось на необходимость военного участия СССР в нормализации местной ситуации.

А спустя еще два часа в историческом центре города Буда началась акция будапештских студентов. Массово сконцентрировавшись, несмотря на запрет властей, они вскоре перешли на другой берег Дуная, где у здания парламента поначалу довольно спокойно обсуждали даже такие острые вопросы, как отставка Гере, демократизация

режима власти, возможный ввод советских войск. Однако, как только по окончании рабочего дня на площадь Лайоша Кошута пришло множество других горожан, главным образом рабочих крупных предприятий, настроения в разросшейся до 200 тысяч человек толпе стали накаляться. Масла в огонь подлило зазвучавшее в 20–00 из динамиков радиообращение Э.Гере, который, осудив массовые антиправительственные выступления, объявил о начале контрреволюции и введении в стране чрезвычайного положения [9, с.352–356].

В ответ демонстранты принялись скандировать «Долой Гере!». Их эмоциональное возбуждение достигло такого накала, что его не смогло сбить даже появление после 21–00 на парламентском балконе очень тогда популярного Имре Надя, тем более, что тот, поддержав требования манифестантов, потом призвал всех мирно разойтись. Многие из протестующих были разочарованы, но отнюдь не урезонены. Почувствовав себя в этом без преувеличения историческом стоянии у национального парламента реальной политической силой, они, напротив, исполнились еще большей решимости и перешли от слов к действиям, вылившимся в конечном счете в массовые сопровождавшиеся кровопролитием беспорядки.

О том, что такая метаморфоза поначалу мирной демонстрации была нестихийной и неслучайной, свидетельствовал впоследствии третий секретарь советского посольства и будущий председатель КГБ СССР В. А. Крючков, считавший эту акцию специально спланированной и организованной. Лично он стал очевидцем того, как часть манифестантов принялась крушить статую Сталина. На то, чтобы только опрокинуть с пьедестала этот внушительный по размеру и достаточно крепко смонтированный монумент, у протестующих ушло целых

Демонстрации в Будапеште.
Октябрь–ноябрь 1956 г.

У поверженного памятника Сталину

три часа. После чего они со всем неистовством принялись разбивать на части этот бронзовый символ ненавистного им коммунистического режима, разобрав отдельные фрагменты на сувениры, а все остальное сбросили в Дунай [16, с.51–52].

Другая группа демонстрантов направилась от парламента к Радиокomiteту, намереваясь через его студию огласить в эфире свою политическую программу. Однако сотрудники Дома радио так основательно забаррикадировались изнутри, что налетчики сразу не смогли осуществить задуманное и в отместку подожгли здание. Захватить его им удалось только к полудню 24 октября [31, с.10].

По сути в венгерской столице вспыхнуло националистическое восстание против коммунистической власти, которая не только не смогла ему противостоять, но более того, на сторону мятежных сил перешла ведущая часть руководства страны во главе И.Надем. Оказавшийся вдруг на гребне общественного протеста этот опальный политик уже 24 октября был восстановлен в ранге премьер-министра и возвращен в Политбюро. Однако то, что второе пришествие Надя во власть произошло без санкции Москвы, во многом предопределило его последующее стремительное – буквально за пару дней – антисоветское перерождение.

К чести Андропова следует особо отметить, что хотя на его совести и лежала немалая доля вины за сползание Венгрии в политическую катастрофу 1956 г., он наверняка предвосхитил такую трансформацию Надь – бывшего коминтерновца, до конца преданного в молодые годы коммунистической идее и даже сотрудничавшего в 1930–1944 гг. с советской госбезопасностью, а потом из-за непомерной амбициозности и повышенной психологической лабильности изменившего своим убеждениям.

Однако все эти гипотетические подозрения Андропова мало что значили для верхов без конкретных доказательств, что вынуждало его брать ответственность на себя действовать в критической ситуации самостоятельно, на свой страх и риск. Пик таковой как раз пришелся на 23 октября, когда он позвонил в 7 часов вечера П.Н.Лашенко, прося задействовать вверенные ему войска в подавлении волнений в Будапеште. На что генерал невозмутимо отвечал, что будет действовать только в «установленном порядке», то есть по команде военного ведомства, а наведением порядка в столице Венгрии должно заниматься ее правительство. Ничуть не обескураженный, Андропов связался с Москвой – скорей всего, непосредственно с шефом МИДа Д.Т.Шепиловым, а тот, в свою очередь, с Хрущевым. В результате Лашенко очень быстро получил по ВЧ приказ начальника Генштаба маршала В.Д.Соколовского «выдвинуть войска в Будапешт с задачей оказания помощи венгерским войскам в восстановлении порядка» и уже к 8 вечера привел Особый корпус в полную боеготовность [18, с.26].

В Венгрии явно запахло порохом, а это означало, что Хрущев упустил реальный шанс мирного, «терапевтического» вывода ее из политического штопора. И теперь ему, в который уже раз оказавшемуся у разбитого корыта очередного внешнеполитического прокола, не оставалось ничего другого, как ради сохранения геополитической стабильности в Европе да и во всем мире прибегнуть к хирургическим методам. В 23–00 23 октября он в приснопамятных традициях полуночника Сталина экстренно созывает Президиум ЦК КПСС. И хотя к тому времени Андропов уже передал в Москву призыв Гере к советскому руководству оказать Венгрии военную помощь, однако, исходя от партлидера, формально не наделенного государственными полномочиями, это обращение мало что значило, во всяком случае не могло служить правовым основанием для ввода советских войск. Поэтому в «наведении порядка» в Венгрии Хрущев вынужден был удовольствоваться поддержкой членов Президиума ЦК (всех, кроме Микояна) и, опираясь на нее, потребовал от министра обороны Жукова задействовать для этого войска [13, с.176–177].

Буквально через несколько минут развернулась военная операция под кодовым названием «Волна», в которой участвовали пять советских дивизий, три из которых, выдвинувшихся из Прикарпатского военного округа СССР и из Румынии, заняли крупные административные и промышленные центры на юге и востоке Венгрии, а части двух остальных, входящих в Особый корпус Лашенко, были введены в 2 часа ночи непосредственно в Будапешт (6000 солдат и офицеров, 290 танков и т.д.). Когда утром жители города неожиданно узрели на его улицах советские войска и боевую технику, их реакция была предсказуемо негативной: «В толпе раздавались выкрики: "Нам не нужны гимнастерки!" "Долой красную звезду!" "Долой коммунистов!" "Вон евреев!"» [18, с.44–51].

Вакханалия антисемитизма, охватившая столицу и другие города Венгрии, вынудила примерно 20 тысяч евреев покинуть родину, включая и 8,4 тысяч отправившихся в 1956–1957 гг. в Израиль [37, кол. 640–645; доп.2, кол. 269–273; 24, с.148].

Уже к вечеру 24 октября советские войска отбили у боевиков Дом радио, редакцию и типографию центральной коммунистической газеты «Сабад неп», Западный вокзал, центральную телефонную станцию и другие важные объекты. Но самое главное, они взяли под охрану парламент, здания руководящих партийно-правительственных органов, другие важнейшие объекты, включая госбанк и главпочтамт. Однако сломить сопротивление инсургентов, чье руководство закрепилось в кинотеатре «Корвин», так и не удалось [9, с.135–136; 13, с.176–177]. Причиной тому были не толь-

Советские военные на улицах Будапешта. 24 октября 1956 г.

ко ограниченность контингента советских войск, но и ряд непредвиденных обстоятельств, важнейшим из которых стал резкий всплеск общественной истерии, спровоцированный трагической гибелью 25 октября нескольких десятков демонстрантов, обстрелянных на площади Кошута предположительно снайперами «самообороны». Бывший командир оперативной группы Особого корпуса Е.И. Малащенко вспоминал: «С чердаков зданий, находящихся на площади против парламента, был открыт огонь по демонстрантам и советским военнослужащим. <...> Советские солдаты и сотрудники госбезопасности, охранявшие парламент, открыли ответный огонь по крышам зданий, откуда стреляли. <...> возникла паника. Люди с первыми же выстрелами стали разбегаться в поисках укрытия. Когда перестрелка утихла, многие поспешили покинуть площадь. Двадцать два демонстранта были убиты, многие ранены. Погибли несколько наших военнослужащих и венгерских полицейских. А в городе из уст в уста передавалась весть: "Работники госбезопасности и советские войска стреляли в демонстрантов у парламента!"» [18, с.29–30].

Мало что смогла и прибывшая утром 24 октября в Будапешт советская партийно-правительственная делегация в составе Микояна, Суслова, председателя КГБ И.А. Серова, 1-го замначальника Генштаба М.С.Малинина. Главой делегации был утвержден Микоян – единственный в высшем советском руководстве «миротворец» в том, что касалось борьбы с «контрреволюцией» в Венгрии. Своего главного оппонента в этом вопросе Андропова он в тот же день решительно нейтрализовал, сухо приказав ему перед уходом вместе с Сусловым на встречу с венгерским руководством: «А вы, Юрий Владимирович, оставайтесь. С Надем мы договоримся без вас». А возвратившись вечером, Микоян вообще заявил: «Юрий Владимирович, вам надо отойти в сторону» [38].

Устранив таким образом Андропова (пусть и на несколько дней!) как источника альтернативной информации, Микоян смог окончательно убедить Хрущева в возможности несилового решения ост-

Микоян и Суслов. Май 1959 г.

рого политического кризиса в Венгрии и повторении в ней сработавшего в Польше бескровного сценария. В результате Хрущев одобрил совершенное в обход него назначение И.Надя главой венгерского правительства. Тем самым как бы автоматически признавалось смещение с этого поста (также несогласованное!) Андраша Хегедюша, обратившегося, между прочим, к СССР с просьбой о вводе войск в Венгрию. Также поступил и Я.Кадар, избранный 25 октября новым первым секретарем ЦР ВПТ. Его предшественнику на этом посту Э.Гере пришлось стать главным козлом отпущения. Ему, объявленному Микояном основным виновником кризиса в Венгрии, не оставалось ничего другого, как, следуя примеру Ракоши, укрыться в Советском Союзе. Правда, в отличие от последнего, Гере посчастливилось возвратиться на родину уже в 1960 г. [13, с.180; 26, с.264; 31, с.9–10].

Почти безоглядная поддержка Надя Микояном, оптимистично доложившим на пару с Сусловым, что новый венгерский премьер «действует смело и решительно» [33, с.511], вызвала 26 октября в Президиуме ЦК КПСС очень уникальный для монолитно единого по умолчанию высшего советского руководства ропот (эффект валаамовой ослицы!):

– Булганин: «т. Микоян занимает неправильную позицию; неопределенную, не помогает венгерским руководителям покончить с двойственностью»;

– Каганович: «реальное соотношение сил таково, что оно не соответствует выводам т. Микояна»;

– Жуков: «т. Микоян неправильно действует, толкает на капитуляцию»;

– Фурцева: «т. Микоян, видимо, ошибается в Наде» [13, с.180].

Справедливость всех этих опасений подтвердили дальнейшие действия Надя. 27 октября он ввел в свой кабинет бывшего президента Венгрии Золтана Тилди (от Независимой партии мелких хозяев) и известного диссидента-неомарксиста еврейского происхождения Дьердя Лукача, назначив последнего министром культуры. Выступая 28 октября по радио, Надя объявил повстанцев «революционерами» и участниками «широкого национально-демократического движения», а Венгерскую народную армию расформированной и подлежащей замене новыми вооруженными силами. Под угрозой самоотставки Надя потребовал от командования ВНА возвратить военнослужащих в казармы, хотя тем и без того уже с самого начала было запрещено применять оружие в ликвидации беспорядков [18, с.28]. Сообщил Надя и о вступлении в переговоры с Микояном и Сусловым по выводу советских войск. В тот же день Надя распустил ВПТ, приказав коммунистам, охранявшим партийные и го-

сударственные учреждения, сложить оружие. Тем самым обреч многих из них на скорую гибель от кровавого террора повстанцев [14, с.441–443].

Переход власти в руки Надя внес разброд и шатание в армию и полицию республики, обескуражив силовиков необходимостью личного выбора между враждебными друг другу сторонами баррикад. Как следствие, запланированный на утро 28 октября совместный с венгерскими военными штурм опорного пункта «самообороны» в кинотеатре «Корвин» был сорван, а попытка его реализации в одиночку советской танковой колонной привела к ощутимым потерями личного состава и боевой техники. Торжествующие «национал-гвардейцы» безжалостно расстреливали устрашения ради сдававшихся в плен советских воинов. Чтобы приостановить кровопролитие и как-то смягчить ситуацию, Президиум ЦК КПСС уже в тот же день вынужден был удовлетворить требование нового венгерского премьера о неприменении силы к восставшим и постановил убрать советские войска из столицы ВНР. И хотя реализация этого своего рода перемирия оговаривалась тем, что «очаги сопротивления» должны прекратить огонь [13, с.186], боевики проигнорирова-

Захваченные сотрудники венгерской госбезопасности. За мгновение до расстрела

ли данное обязательное условие. Поэтому вывод советских военнослужащих из Будапешта, в результате которого те оказались к 30 октября в 15–20 км от города, прошел под аккомпанемент все более нараставших нападений повстанцев. Не сдерживаемые более никем, они устроили в венгерской столице кровавую в духе гражданской войны чистку, вылившуюся, в частности, в повешение 20 членов Будапештского горкома ВПТ и жестокое умерщвление после изощренных издевательств примерно 100 работников госбезопасности.

Демагогическим прославлением «национально-демократической революции» Надь фактически потакал подобным бесчинствам, ведя при этом двойную игру: на словах заверял Кремль в способности своего правительства установить порядок в стране, оставаясь верным союзническим обязательствам, но реально делал все наоборот. Кроме того, он тайно договорился с английским правительством о создании воздушного коридора для переброски через Австрию в Венгрию так называемой гуманитарной помощи, которая вполне могла служить прикрытием операций западных спецслужб по нелегальному снабжению боевиков различным вооружением (соответствующие планы разрабатывались ЦРУ США еще летом 1956 г. [25, р.94–95]). Правда, хотя с такой гуманитарной миссией в Вену и прибыло 24 транспортных самолета ВВС Великобритании [13, с.187, 972], однако из этой затеи ничего не вышло. Австрия, которая имела богатый исторический опыт сдерживания пассионарного венгерского национализма и при этом была благодарна СССР за недавнюю деокупацию, избрала позицию благожелательного нейтралитета и заблокировала границу с ВНР. Но самое главное, 31 октября президент Д.Эйзенхауэр выступил в том роде, что в реализации политики освобождения стран Восточной Европы США не могут пойти на применение силы. Это заявление резко разрядило международную напряженность вокруг в Венгрии и успокоило Хрущева.

«Горячие денечки» Андропова Нельзя не признать, что в этот самый критический момент своей дипломатической миссии Андропов оказался на высоте. Не подстраиваясь под прибывшего в Будапешт Микояна, он, встречаясь с ним и Суловым, откровенно квалифицировал происходившее в Венгрии как контрреволюционный переворот во главе с И.Надем и с участием «деклассированных и подрывных элементов, перебросенных с Запада». Вопреки мнению Лашенко о необходимости вывода войск из Будапешта,

Андропов утверждал, что, если это произойдет, то уже на следующий день в Будапеште будут «США и их союзники» [18, с.49].

Именно под влиянием Андропова и других сторонников жесткой линии до Хрущева в конце концов дошло, что, поддавшись уговорам Микояна и сделав ставку на Надя, он серьезно просчитался. Оказалось, что минимальное поначалу использование советских войск в Венгрии было воспринято восставшими как мягкотелость, что, конечно, не способствовало стабилизации и «оздоровлению социалистического строя», а напротив, лишь раззадорило тамошних радикально настроенных национал-антикоммунистов. Наступило и полное осознание руководством СССР того важнейшего геополитического момента, что утрата контроля над Венгрией неминуемо приведет к ее выходу из Варшавского договора и последующему распаду коммунистического блока, чреватому полным дисбалансом послевоенной биполярной системы глобальной безопасности и сползанием мира в смертельную для всего человечества пучину термоядерной войны. Такая гипотетическая перспектива стала к тому же еще более зловещей с вторжением 29 октября 1956 г. Израиля в зону Суэцкого канала Египта и началом в ближневосточном регионе тройственной англо-франко-израильской агрессии.

На этом тревожном фоне Надя явно в пику СССР объявил 30 октября по радио об упразднении однопартийной системы в Венгрии, а 2 ноября создал под своим началом «коалиционное» правительство, включив в него, помимо членов ВСРП, представителей других партий (Независимой мелких хозяев, Крестьянской и др.).

Сожжение повстанцами коммунистической литературы

Все это и заставило в конечном счете Хрущева действовать предельно жестко. Выступая 31 октября на Президиуме ЦК, он потребовал пересмотра прежних решений по Венгрии, тезисно высказав следующие протокольно зафиксированные соображения: «Войска не выводить... прояснить инициативу в наведении порядка. Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов – империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать. <...> Нас не поймет наша партия. К Египту им (империалистам. – Г.К.) тогда добавим Венгрию. Выбора у нас другого нет» [13, с.191].

В тот же день Хрущев отозвал в Москву Суслова и «миротворца» Микояна, а министру обороны Г.К. Жукову поручил разработку военной операции «Вихрь», нацеленной на однозначно силовое решение острого политического кризиса в Венгрии. Поскольку почти сразу после этого произошла транспортно-логистическая активизация советских войск на территории Венгрии, Надь уже 1 ноября вызвал для дачи объяснений Андропова, а тот сделал все возможное, чтобы ввести «контрреволюционеров» в заблуждение, оплатив их же монетой скрытого лицемерия. Он заверил Надя, что в Венгрию прибывают исключительно вспомогательные подразделения – военные железнодорожники и медики, проводящие вывоз и лечение раненых воинов. А на вопрос о десантировании частей ВДВ на ряд аэродромов близ Будапешта Андропов ответил, что с них проводится эвакуация военнослужащих, возвращаемых по прекращении огня в места основной дислокации. Чуть позже МИД СССР распространил в ООН официальное заявление о том, что дополнительный ввод советских войск в Венгрию продиктован неотложной необходимостью их ротации и усиления мер охраны граждан СССР [13, с.197–198; 7, с.67].

Надь, конечно, не поверил столь немудрящим разъяснениям Андропова, будучи уверен в том, что подобной дезинформационной игрой тот прикрывает уже принятое Кремлем решение избавиться от него (Надя) заподозренного в нелояльности правительства. Поэтому аудиенция завершилась вручением ноты протеста. Сразу по уходу советского посла Надь сделал публичное заявление о нейтралитете Венгрии и ее выходе из Варшавского договора, а на следующий день обратился за поддержкой в ООН. Однако эти жесты отчаяния, предпринятые в надежде на помощь Запада, только подлили масла в огонь решимости СССР не допустить превращения страны-союзницы в военный «плацдарм империализма».

Как только Надь декларировал откровенно прозападный курс, Я. Кадар резко дистанцировался от него. Тогда же, 1 ноября, последний вместе с двумя ведущими членами венгерского правительства – министром внутренних дел Ференцем Мюннихом и министром обороны Иштваном Бата – прибыл в советское посольство. Там этим оставшимся верными СССР венгерским руководителям Андропов предоставил бронетранспортер, на котором отправил в штаб Особого корпуса Лащенко. А оттуда эта группа направилась в расположенный в 90 км. от Будапешта г. Сольнок, где к тому времени разместилось командование операцией «Вихрь» во главе с маршалом И. С. Коневым.

На следующий день, 2 ноября, Андропова вызвал Надь, который, как доложил потом в МИД советский посол, «очень нервничал». В начале беседы венгерский премьер, решив, очевидно, продемонстрировать политическую крутость, сказал, что намерен «немедленно начать переговоры с правительством СССР об исполнении денонсации Варшавского договора... особенно имея в виду при этом немедленный вывод из Венгрии советских частей». А завершая разговор, Надь «в раздраженном тоне» заявил, что «что посольство занимается «нехорошими делами»» и потребовал от Андропова «дать объяснение по поводу исчезновения Кадара и Мюнниха». В ответ тот, разумеется, «решительно отверг претензию Надя относительно участия посольства в деле исчезновения Кадара и Мюнниха», а прощаясь, нарочито недружественно назвал его «господин премьер-министр» [14, с.522–523; 38].

К тому времени Кадар и два его единомышленника уже прибыли военным бортом в Москву, где участвовали 2 ноября в обсуждении Президиумом ЦК КПСС ситуации в Венгрии. А 3 ноября Кадар и Мюнних были приглашены на Президиум ЦК, рассмотревший на сей раз вопрос о новом правительстве ВНР [13, с.196–201]. В результате в Кремле было сформировано временное так называемое Революционное рабоче-крестьянское правительство Венгрии во главе с Кадаром, после чего последний вылетел вместе со сторонниками в Ужгород, разместившись в подготовленной КГБ временной штаб-квартире. Утром 4 ноября Кадар выступил оттуда с радиообращением, заявив, что новое правительство ВНР, руководствуясь социалистическим принципом пролетарского интернационализма, обратилось к СССР с официальной просьбой об оказании всемерной, в том числе и военной помощи, необходимой «нашему народу [чтобы] разбить черные силы реакции и контрреволюции, восстановить народный со-

Советские войска входят в Будапешт. 4 ноября 1956 г.

Вынесение смертного приговора И.Надю. Июнь 1958 г.

циалистический строй, восстановить порядок и спокойствие в нашей стране» [29, с.178].

Тем самым под ввод в Венгрию советских войск, наконец, был подведен необходимый международно-правовой базис, что позволило развернуть в полном объеме специальную военную операцию «Вихрь». Уже 4 ноября советские войска вновь вошли в Будапешт, а 7 ноября туда возвратился Я.Кадар, объявивший о переходе всей полноты власти к его правительству. Вооруженное сопротивление повстанцев было полностью подавлено к 11 ноября. Были интернированы и укрывшиеся в посольстве Югославии И.Надь и члены его правительства. 22 ноября их вывезли в Румынию, откуда возвратили назад 14 апреля 1957 г. Потом был закрытый процесс, после которого обвиненного в госизмене низложенного премьера повесили 16 июня 1958 г. [13, с.179–206; 9, с.132–145; 31, с.3–22; 33, с.487–542].

Последствия

Новый лидер страны, центрист-прагматик Я.Кадар, который надолго занял пост первого (генерального) секретаря ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП)³, осудил как «сектантский догматизм» (сталинизм) М.Ракоши, так и «буржуазный ревизионизм» И.Надя [21, с.9–11]. И в отличие от последнего, заплатившего жизнью за свой граничивший с авантюризмом политический романтизм, он предпочел не конфликтовать, а дружить с Москвой. В результате ему удалось построить в ВНР так называемый гуляш-социализм, то есть государственно-плановую экономику с элементами рынка, обеспечив тем самым населению долговременную стабильность, относительное экономическое преуспевание и наивысший среди восточноевропейских стран уровень властной либерализма и общественной свободы. Благодаря этому еврейский вопрос в Венгрии решался значительно конструктивней и мягче, чем, к примеру, в Польше.

Если иметь в виду последствия трагедии 1956 г. в Венгрии применительно к СССР, то следует прежде всего отметить, что, столкнувшись в этой небольшой центрально-европейской стране со столь массовым и ожесточенным вооруженным сопротивлением, политическая элита советской империи испытала если не шок, то наверняка серьезное потрясение. Возник феномен «венгерского синдрома», обернувшийся рецидивами сталинизма во внутренней политике и частичным свертыванием

³ ВСРП была сформирована 31 октября 1956 г. взамен распущенной ВПТ.

«оттепельных» либеральных реформ. Этот, по определению известного партфункционера и политолога Г.А.Арбатова, «венгерский комплекс» поразил, как он утверждал, и Юрия Андропова, причем довольно сильно [22, с.310]. Оказавшись, что называется, в пекле националистического мятежа, Андропов не только стал непосредственным очевидцем развернувшихся в Будапеште ожесточенных боевых столкновений и разразившейся там вакханалии бесчинств и кровавых расправ над венгерскими коммунистами и сотрудниками госбезопасности (десятки их устрашения ради были повешены на деревьях и фонарных столбах), но и сам попал под обстрел, когда 24 октября 1956 г. ехал на аэродром в Секешфехерваре (город в 80-ти км от Будапешта) встречать Микояна, Сулова и др. [38]. А в ночь с 3 на 4 ноября даже чуть не погиб от зажигательной пули, случайно залетевшей в посольский кабинет [35].

Дипломатическая миссия Андропова в Венгрии обернулась для него и неизбывной семейной драмой. Под воздействием серьезной психологической травмы, нанесенной осенью 1956 г. его жене Татьяне Филипповне и 15-летнему сыну Игорю, первая, впав в тяжелую депрессию, пристрастилась потом к наркотикам, а второй стал злоупотреблять потом алкоголем.

Но поскольку, как известно, нет худа без добра, тяжелые испытания, перенесенные в Венгрии Андроповым и его семьей, не были напрасными. Уже в начале 1957 г. произошел судьбоносный прорыв в его карьере, в чем, правда, немалую роль сыграл и его величество случай. Дело в том, что во избежание рецидива политического обострения в Венгрии, Хрущев очень старался тогда наладить самые доверительные отношения с Я.Кадаром и потому поручил председателю КГБ И.А.Серову аккуратно прозондировать, как новый лидер ВНР относится к Андропову, имея в виду, что тот должен был в качестве посла сыграть ключевую роль в укреплении двухсторонних связей на высшем уровне. В свою очередь, Серов дал по ВЧ соответствующее указание руководителю представительства КГБ в Венгрии генерал-лейтенанту С.С.Бельченко. А тот, будучи вхож к Кадару, не стал особенно деликатничать и без экивоков поинтересовался мнением последнего о действующем советском после, получив такой же прямой ответ: «Товарищ Андропов – очень достойный человек, профессионал. Но он был в сильной дружбе с Ракоши, поэтому, если это возможно, мы хотели бы видеть на его месте другого человека» [36, с.313–314].

6 марта 1957 г. Ю.В.Андропов был освобожден указом Президиума Верховного Совета СССР от обязанностей Чрезвычайного и Полномоч-

Янош Кадар и Никита Хрущев. 1960 г.

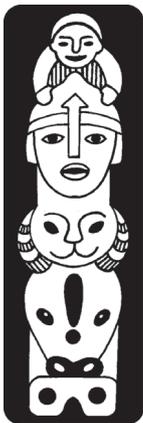
ного Посла СССР в Венгрии «в связи с переходом на другую работу» [6]. Но уже 6 апреля его утвердили заведующим вновь созданного (21 февраля) Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Это назначение во многом стало возможным благодаря давнему покровительству Андропову со стороны бывшего председателя Президиума Верховного Совета Карелии О.В.Куусинена, который, находясь теперь на подъеме, был возведен 29 июня 1957 г. в ранг секретаря ЦК КПСС. Новым послом в Венгрию был назначен Е.И.Громов, который хоть и не был профессиональным дипломатом, но зато являлся очень опытным и авторитетным партфункционером – многолетним руководителем ОППиКО и, кстати, начальником Андропова в бытность работы того в центральном партаппарате.

Так, возвратившись на новом витке карьерной спирали в ЦК КПСС, Андропов вступил на столбовую дорожку продвижения в высшую номенклатуру и через четверть века достигнет самой топовой в СССР властной позиции.

Библиографический список

1. АВР РФ. Ф.059а. Оп.4.
2. РГАСПИ. Ф.17. Оп.128.
3. РГАСПИ. Ф.17. Оп.119.
4. РГАСПИ. Ф.81. Оп.3.
5. РГАНИ. Ф.5. Оп.28.
6. Ведомости Верховного Совета СССР. №7 (874). 3 апреля 1957 г.
7. Генеральная ассамблея ООН. Доклад специального комитета по венгерскому вопросу. Нью-Йорк, 1957.
8. Венгрия, апрель-октябрь 1956 года: Информация Ю.В.Андропова, А.И.Микояна и М.А.Суслова из Будапешта / сост. публикации Г.П.Мещеряков, Е.Д.Орехова, В.Т.Серета, А.С.Стыкалин, С.А.Мельчин // Исторический архив. 1993. №4.
9. Венгрия, октябрь-ноябрь 1956 года: Из архива ЦК КПСС / сост. публикации С.А.Мельчин, Е.Д.Орехова, В.Т.Серета, А.С.Стыкалин // Исторический архив. 1993. №5. (Венгрия, октябрь-ноябрь 1956 года).
10. Источник / Вестник. 1997. №1.
11. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н.Яковлева. / Сост. В.П.Наумов, Ю.В.Сигачев. М., 1999.
12. Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: в 2 т. Т.1. М., 2009. С.598; Т.2.
13. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Гл. ред. А.А.Фурсенко. В 3 т. Т.1. М., 2003.
14. Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы / Ред.-сост. Е.Д.Орехова, В.Т.Серета, А.С.Стыкалин. М, 1998.
15. Дневник В.А.Малышева // Источник. 1997. №5.
16. Крючков В.А. Личное дело: в 2 ч. Ч.1. М., 1996.
17. «Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М.Ракоши / публ. А.В.Коротков, В.Т.Серета, А.Д.Чернев, А.А.Чернобаев // Исторический архив. 1997. №3.
18. Малашенко Е.И. Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. 1993. №10.
19. Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания. В 4 кн. Кн. 3. М., 1999.
20. Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф.Чуева. М., 1991.
21. Шергова Г. «Коммунистами не рождаются...» Специально для «Огонька»: интервью с Яношем Кадаром // Огонек. 1988. №13.
22. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельство современника. М., 1991.
23. Вергун А.С. Партийно-государственная деятельность Ю.В.Андропова (1947–1983 гг.). Диссертация на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. М.: МПГУ, 2011.
24. Говрин Й. Израильско-советские отношения. 1953–1967. М., 1994.

25. Granville, Johanna. The First Domino: International Decision Making During the Hungarian Crisis of 1956. Texas A&M University Press, 2004.
26. Желички Б.Й. Будапешт – Москва: год 1956-й // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение / Отв. ред. Л.Н.Нежинский. М., 1995.
27. Костырченко Г.В. Тайная политика: от Брежнева до Горбачева. В 2 ч. Ч. 1. М., 2019.
28. Костырченко Г.В. Карьерные страдания молодого Андропова: как он «отмывал» свое прошлое // Россия XXI. 2013. №3.
29. Лавренев С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2003.
30. Мусатов В.Л. СССР и венгерские события 1956 г.: новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1993. №1. С. 10.
31. Оскоцкий В.Д. Главный идеолог. Штрихи к политическому портрету М.А.Суслова // Совершенно секретно. 1991. №5. С. 6.
32. Стыкалин А.С. Восточная Европа в системе отношений Восток-Запад (1953 – начало 1960-х гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. С. 500, 501, 536.
33. Стыкалин А.С. Андропов в Венгрии накануне событий 1956 г. // Мир истории. №4. 2000. (URL: <http://www.tellur.ru/~historia/archive/04-00/andropov.htm>; дата обращения: 07.03.23).
34. Интервью И. Латунского с В.Н.Казимировым (сотрудник посольства СССР в Венгрии в 1954–1959 гг.) – URL: <https://dzen.ru/a/YDpLLGzZEz-mm0gJ>; дата обращения: 19.07.23).
35. Попов А.Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002. С.313–314.
36. Краткая еврейская энциклопедия (КЕЭ). В 11 т. / Гл. ред. И.Онен, Н.Прат и др. Т.1. Иерусалим, 1976.
37. Венгерские события октября 1956 года (из рукописи И.Ю.Андропова, сына Ю.В.Андропова). 1996 г.; URL: <https://proza.ru/2010/03/25/336>; дата обращения: 19.07.23.

Дмитрий Рублев

**АНАРХИСТ,
ДИПЛОМАТ,
ДИРЕКТОР АРХИВА:**

**ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И.М.ГЕЙЦМАНА**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

929

Статья посвящена общественно-политической деятельности Ильи Моисеевича Гейцмана (1879–1938) – революционера, деятеля анархистского движения России, советского дипломата. Гейцман был одним из организаторов движения анархистов-коммунистов «хлебовольцев» на территории Белоруссии и Литвы в 1905–1907 гг., в 1914–1918 гг. – одним из лидеров анархистского движения Сибири. В то же время, входя в состав Центросибири, он оказывал влияние на формирование ее политического курса. В 1921–1923 гг. Гейцман становится проводником курса на интеграцию анархистских движений России и Западной Европы в орбиту влияния РКП(б), одним из идеологов «анархо-большевиков».

The article is devoted to the socio-political activities of Ilya Moiseevich Geitsman (1879–1938), a revolutionary, leader of the anarchist movement in Russia, and a soviet diplomat. Geitsman was one of the organizers of the anarcho-communist movement “khlebovoltagev” on the territory of Belarus and Lithuania in 1905–1907. In 1914–1918, he became the leader of the anarchist movement in Siberia. At the same time, he becomes one of the influential figures of the Centrosibir, had an impact on the formation of its political course. In 1921–1923, he became one of the ideologists of the “anarcho-Bolsheviks”, pursued a course for the integration of the anarchist movements of Russia and Europe into the orbit of the influence of the RCP(b).

Ключевые слова: анархисты; анархисты-коммунисты; Гейцман Илья Моисеевич; «Николаевский инцидент»; Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь).

Key words: anarchists; anarchist communists; Geitsman Ilya Moiseevich; «The Nikolaev incident»; Central Executive Committee of Siberian Soviets (Tsentrosibir).

E-mail: rublev773@gmail.com

Биографии выдающихся деятелей анархистского движения России начала XX в. до сих пор остаются перспективным и пока еще сравнительно мало востребованным направлением исследований историков. Многие анархистские теоретики, организаторы, пропагандисты, боевики, партизанские командиры, сыгравшие значительную роль в исторических событиях того времени, чаще всего удостоились лишь кратких биографических справок, в лучшем случае – статей в энциклопедиях. Столь же мало исследована и жизнь героя нашей статьи.

Работы, посвященные комплексному анализу жизни и деятельности И. М. Гейцмана, фактически отсутствуют, если не считать ряд статей в научно-справочных изданиях [18; 19; 20; 28; 38; 53]. Его дипломатической работе в Чехословакии посвящена статья С. Н. Станкова [45]. О роли Гейцмана в деятельности анархистских организаций, а также в политической борьбе периода гражданской войны эпизодически писали исследователи и публикаторы документов по истории анархистского движения России и Белоруссии [2; 23; 25; 37; 41; 50; 51]. Упоминания о нем есть в трудах по истории Общества политкаторжан [4; 52], истории Сибири и Дальнего Востока [5; 24; 27; 30; 32; 42; 43; 44; 46, с.31–33, 46].

Человек с тремя именами

По данным Департамента полиции МВД Российской империи, его полное имя – Ицко (Исаак) Мовшев-Файвишев Гейцман. Но сам Илья Моисеевич категорически отвергал эту версию. В своей автобиографии он писал, что при аресте в 1906 г. в Вильно он выдал себя за брата Исаака: «И с помощью товарищей со свободы удалось уведомить дома об аресте и предупредить, чтобы меня признали на имя брата моего. Таким образом, с 1906 г. я стал называться Исааком Гейцма-

Отчетная карточка члена ВКП(б)
И.М.Гейцмана. 4 июля 1936 г. РГАСПИ.
Ф.780. Оп.1. Д.28

ном. За этим именем я позже поступил на каторгу также» [14, л. 10]. Из-за этого обстоятельства некоторые исследователи именуют Гейцмана Ицхаком, Ицком или Исааком [См., например: 28, с. 147].

Илья Моисеевич Гейцман родился осенью 1879 г. в городе Двинске (ныне Даугавпилс, Латвия). Несмотря на это, в качестве места его рождения в документах был указан Поневеж (Паневежис, Литва). Гейцман объяснял это обстоятельство тем, что его родители были приписаны именно к этому городу [14, л. 4; 16, л. 10; 34, л. Регистрационный бланк, 1].

Илья был выходцем из еврейской интеллигентной семьи, приписанной к мещанскому сословию. В былые времена его семья обладала достатком, но обеднела. Отец, Файвиш Мовшев (по др. данным – Моисей Ионов) Гейцман, был учителем еврейского языка, подрабатывал частными уроками, а затем служил в конторе спичечной фабрики Закса. Мать, Роза Моисеева, всю жизнь оставалась домохозяйкой [10, л. 2–2 об.; 11, л. 1, 4 об.; 14, л. 4; 16, л. 10].

По данным Департамента полиции МВД, кроме уже упомянутого

Исаака, в семье было еще шестеро детей – две сестры (Клара и Ревекка (по др. данным – Соня)) и четыре брата (Александр (Сендер), Израиль, Пинхус и Шолом). Исаак Гейцман в 1890–1892 гг. окончил Двинское ремесленное училище и затем уехал в Англию, где стал ремесленником. Пинхус работал учителем в Двинске, а затем уехал в Париж, где зарабатывал на жизнь ремеслом столяра. Оставшийся на родине Израиль работал бухгалтером. Сендер уехал в США, а затем занялся торговлей в Южной Африке, в Трансваале. Шолом стал часовых дел мастером. Работал в Санкт-Петербурге, а затем уехал в Париж. Клара вышла замуж за торговца и вместе с мужем переехала в местечко Дагде Двинского уезда [10, л. 2–3; 11, л. 4 об.; 34, л. 3 об., 5].

Но нетрудно заметить, что никакого брата Ильи среди них не упоминается. Возможно, подлинное имя героя нашей статьи Пинхус, а не Илья. Тем более, что

П. А. Столыпин.—Гродненский губернатор, ок. 1902 г.

П.А.Столыпин – Гродненский губернатор в 1902 г. Петр Аркадьевич Столыпин 1862–1911 [сборник фотографических снимков]

ряд фактов биографии И.Гейцмана, о которых читатель узнает далее (работа столяром, частные уроки еврейского языка для сверстников в Двинске, проживание в Париже) близки сведениям из полицейской характеристики Пинхуса Гейцмана. Да и его первый революционный псевдоним, «Пинке», представляет собой не что иное, как сокращенный вариант от Пинхуса. Но мы будем и далее звать его Ильей. В конце концов, герой нашего исследования предпочитал это имя.

Весьма вероятно, что Исаак также участвовал в революционном или рабочем движениях. Так, в докладной записке исполняющего дела Гродненского губернатора, будущего председателя Совета министров Российской империи П. А. Столыпина, составленной 7 октября 1902 г., говорится о скрывшемся из-под особого надзора полиции мещанине города Паневеж Ицко (Исааке) Мовшеве Гейцмане. Исаак был привлечен «к дознанию, производящемуся при Управлении Начальника Витебского Губернского Жандармского Управления, по обвинению в государственном преступлении» [11, л. 1].

Первый бунт

Довольно рано в своей жизни Илья столкнулся с бедностью. Из-за нее и произошел кульбит, бросивший его из среды интеллигентных служащих в среду рабочих. И.Гейцман вынужден был оставить обучение в еврейской школе, так как родители не могли заплатить за нее [14, л. 4]. Как вспоминал он позднее: «Старшие два брата получили солидное образование и принадлежали к городской интеллигенции; младшие 3 брата, в том числе и я получили домашнее образование и позже стали ремесленниками» [34, л. 5]. Это обстоятельство предопределило его судьбу. «Домашнее-тюремное», «домашнее и каторжное» – так иронично он охарактеризовал свое образование в анкете для вступающих в Общество политкаторжан и «Личном листке ответственного работника Народного комиссариата по иностранным делам» [14, л. 1; 34, л. 3 об.]. В регистрационном бланке личного дела члена РКП(б) Гейцмана за 1936 г. о его образовании сказано еще более лаконично: «самоучка» [34, л. Регистрационный бланк, 1]. При этом, по данным на 1936 г., он владел не только русским и идиш, но и немецким языком [34, л. Регистрационный бланк, 1 об., 3].

С 12 лет родители отдали Илью на щетинную фабрику, принадлежавшую их родственнику. В мае 1891 – апреле 1892 гг. он проработал на этом предприятии. Этот период Илья вспоминал как один из самых неприятных в своей жизни, связанный с лишениями и нищенской зар-

платой. Затем отец, не желавший для сына участи рабочего, забрал его с фабрики и устроил учеником в аптекарский магазин. Девять месяцев мальчик выполнял преимущественно работы по дому у фармацевта. Уже в это время проявился его бунтарский характер. Однажды он отказался идти на базар с женой хозяина и вынужден был оставить обучение. Затем еще три года Илья прослужил приказчиком в фаянсовом, бакалейном и кожевенном магазинах [14, л. 4]. Но, как он вспоминал впоследствии, «жизнь приказчика была решительно не по мне» [34, л. 5].

В 15-летнем возрасте Илья освоил столярное ремесло, взамен обучив своего товарища чтению и письму. По его словам, подобный выбор профессии был обусловлен желанием зарабатывать на жизнь своим трудом, добиться личной независимости. Кроме того, это был своеобразный бунт против родителей, не желавших, чтобы дети занимались грубой физической работой. С весны 1896 г. Илья работает столяром. Сначала как самостоятельный ремесленник, затем в мастерских [14, л. 4–5].

«Мне все нравилось в социалистическом движении»

Как и для многих рабочих, для Гейцмана путь в революцию начался с борьбы за улучшение условий труда. В июне 1897 г. он участвует в стихийной экономической забастовке столяров Двинска, выдвигается на роль одного из ее организаторов. Гейцман был арестован и более недели провел в тюрьме [14, л. 5; 34, л. 5]. После освобождения из заключения Илья познакомился с членами Бунда и вступил в эту организацию. С этого момента начинается история его участия в революционном движении [14, л. 1; 3; 6; 34, л. 5].

Социалистическая среда дала ему ощущение новой жизни, яркой, полной впечатлений, вырывавшей человека из полосы обыденности: «Я быстро акклиматизировался в новой идее, последняя была мне по плечу. В первое время мне все нравилось в социалистическом движении: и общественность, и разговоры, и пирушки, риск, связанный с подпольными собраниями, наконец, широта замысла социалистического плана переустройства общества. Я набросился на новые книжечки, неслыханные в мире книжечки, глотал их целыми связками, изучал их почти наизусть» [14, л. 6]. Среди этих «книжечек» оказались труды известного философа и теоретика сионистского социализма Макса Нордау, а также издававшаяся в США анархистская периодика. Эти издания, как вспоминал Гейцман, бундовцы выдавали за свою пропагандистскую литературу [15, л. 63 об.].

Среди бундовцев он был известен под кличкой «Пинке». Уже в 1897 г. Илья руководит бундовской организацией на пуговичной фабрике Штейна, затем – бундовским профсоюзом (цехом) мясников в Вильно [14, л. 6–7; 34, л. 5–6]. Вскоре он становится одним из наиболее ярких активистов движения. В 1897–1901 гг. Илья Моисеевич вел пропаганду и организовывал кружки среди рабочих в Белостоке, Бердичеве, Бобруйске, Брест-Литовске, Варшаве, Вильно, Витебске, Гомеле, Гродно, Двинске, Житомире, Киеве, Ковно, Минске, Нежине, Новозыбкове, Режице и Сувалках [14, л. 1–3; 6]. В 1898 и 1900 гг. он был несколько раз арестован за участие в первомайских демонстрациях рабочих в Вильно и Варшаве, но освобожден, поскольку «следы организации не обнаружались» [14, л. 6; 34, л. 6].

В конце 1900 г. Гейцмана призвали в армию. В воинской части в Ковно он вступил в подпольный социалистический кружок и развернул пропагандистскую работу, участвовал в издании и распространении революционных прокламаций. Вскоре Гейцман был арестован, но сбежал с гарнизонной гауптвахты. Через две недели Илью схватили в Вильно, но он снова бежал, спустившись на веревке с четвертого этажа. Зимой 1901 г., спасаясь от преследований полиции, Илья Моисеевич эмигрировал [14, л. 7; 34, л. 6]. Перейдя нелегально границу, вскоре он добирается до Англии.

И.М. Гейцман. 1900-е гг. Фотопортрет для полиции. ГАРФ. Ф. 1742. Оп.1. Д. 7712. Л. 6

Несостоявшееся покушение на министра внутренних дел

Первоначально Гейцман жил в Лондоне. Здесь он вел работу в британских тред-юнионах, входил в профсоюз столяров [14, л. 1–2,7; 34, л. 3 об.,

6]. Желая дискутировать с анархистами о социалистических идеях, Илья начал изучать анархистскую литературу, но под влиянием прочитанных книг все в большей степени проникался симпатией к анархизму. «Первая книга, которую открыл по анархизму, была "Записки революционера" Кропоткина. Книга произвела громадное впечатление. Бундовская брошюрочная литература побледнела, стусевалась перед революционной эпопеей названной книги. По прочтении последней я решил прочесть все, что есть Кропоткина. Прочел "Хлеб и Воля", "Речи бунтовщика", "Анархия, ее философия и ее идеалы". Потом перешел к Бакунину,

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА. — ВЫПУСКЪ I

П. А. КРОПОТКИНЪ

Записки Революціонера

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

ГЕОРГА БРАНДЕСА

Переводъ съ англійскаго подъ редакціей автора

(Съ портретомъ автора)

ЛОНДОНЪ

Изданіе Фонда Великой Русской Прессы
15, Augustus Rd., Brackbury Rd., Hammersmith, London. W.
1902

ALL RIGHTS RESERVED.

Титульный лист первого издания на русском языке «Записок революционера» П.А.Кропоткина. Под влиянием этой книги Гейцман заинтересовался анархизмом

к Иоганну Мосту, Фору, Прудону и т.д. [...] Маркс, Каутский, Плеханов с одной стороны, были слишком научны и сухи, с другой стороны – разные дешевые изложения в бундовских брошюрках убили их, если так можно выразиться. Анархисты имеют свою манеру, свой стиль писать. Стиль волнующий, подкупающий, особенно молодых людей. Недаром Кропоткин пишет к молодому поколению» [14, л. 7; 9], – вспоминал он в 1924 г.

По признаниям Гейцмана, еще в России он выделялся своим радикализмом среди членов Бунда, за что неоднократно подвергался критике [14, л. 6]. Вероятно, радикальные политические взгляды обусловили его интерес к анархистским идеям. В сентябре 1902 г. в Лондоне Гейцман впервые посещает собрание анархистской группы и дает согласие сотрудничать с ней. С этого момента начинается его деятельность в анархистском движении. По другим данным, после ухода из Бунда он некоторое время примыкал к партии эсеров [14, л. 1, 3, 9; 34, л. 6–7].

В Лондоне Гейцман активно участвовал в дискуссиях о стратегии и тактике революционного движения. В частности, как он вспоминал впоследствии, зимой 1903 г. успел поучаствовать в одной из публичных дискуссий анархистов с В.И. Лениным по вопросам о программах РСДРП, партии эсеров, аграрном вопросе и революционном терроре [45, с. 69; 21, с. 31–40].

В марте 1904 г. Гейцман выезжает в Париж. Здесь в течение девяти месяцев он посещает лекции в Русской высшей школе социальных наук, занимается самообразованием, сотрудничает с анархистской эмиграцией. Вместе с анархистами Глазовым, Моревым, Н.И. Рогдаевым и Сабуровой, при поддержке В.Л. Бурцева он участвует в подготовке покушения на министра внутренних дел России В.К. Плеве. Поскольку такую же акцию вскоре осуществили эсеры, группа была распущена и Гейцман вернулся в Лондон. Здесь он знакомится

Николай Игнатьевич Рогдаев (Музыль).
1900-е гг.
ГАРФ. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 24563

с видными деятелями эсеров – Е. К. Брешко-Брешковской и Н. В. Чайковским, дискутировавшими с анархистами и призывавшими их объединяться с Партией социалистов-революционеров [14, л. 1, 9; 34, л. 6]. Начало революции в России побудило Гейцмана к возвращению на родину.

Хаим Лондонский – вождь «хлебовольцев» Северо-Западного края

В конце января 1905 г. после пересечения границы он был арестован, разоблачен как дезертир и отправлен в полк, где служил ранее. При

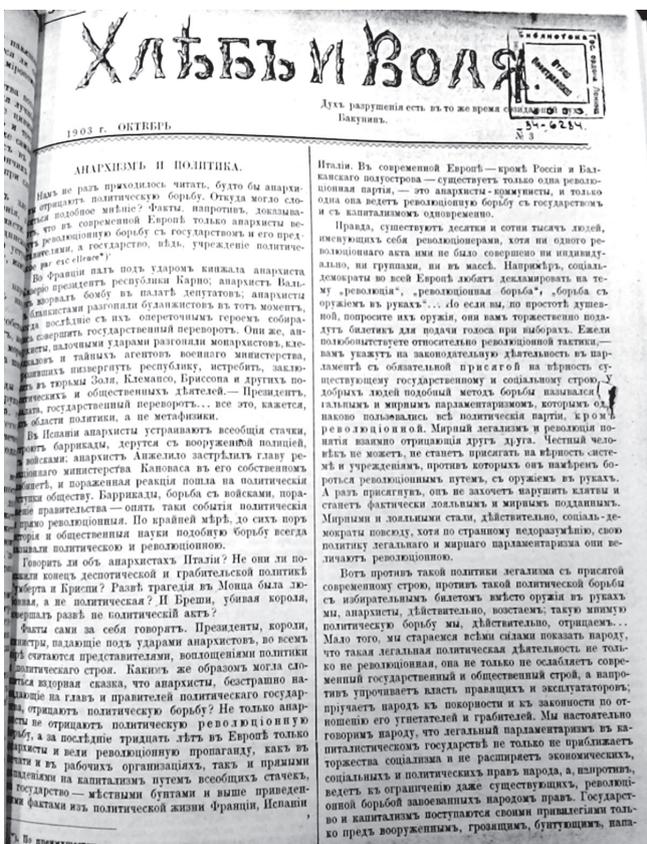
помощи местных бундовцев Илья вновь совершает побег, а затем выступает на бундовских собраниях и митингах. В результате его пропаганды, из бывших бундовцев в Ковно была создана группа анархистов-коммунистов. Затем Гейцман уезжает в Белосток – фактический центр анархистского движения России. Среди российских анархистов в это время он был известен под псевдонимом «Хаим Лондонский» [14, л. 1, 8; 15, л. 63 об. – 64; 34, л. 7].

Гейцман примыкал к анархистам-коммунистам «хлебовольцам» – наиболее ортодоксальным последователям П. А. Кропоткина, выступавшим за организацию массового рабочего движения под анархистскими лозунгами, создание анархистских профсоюзов. До 1907 г. он вел организационную работу, создавая кружки и организации «хлебовольцев» в городах и местечках Западных губерний Российской империи: Белостоке, Бердичеве, Вильно, Гродно, Двинске, Житомире, Киеве, Ковно, Минске, Нежине, Янове. Некоторое время он вел подпольную работу и в Москве [14, л. 1, 8, 10; 15, л. 65, 67]. Осенью 1905 г. Гейцман организовал в Вильно конференцию групп анархистов-коммунистов «хлебовольцев» Северо-Западного края [23, с. 32]. По одним данным, местом ее проведения было Вильно. Но один из основателей Минской группы анархистов-коммунистов, Яков Борисович Соломонов, утверждал, что конференция с участием представителей виленских и минских анархистов, на которой обсуждались организационные вопросы, прошла в Сморгони [23, с. 32; 48, л. 5].

Гейцман участвовал и в организации покушения на полицейских возле дома губернатора в Вильно 27 октября 1905 г. Брошенной бомбой был убит помощник исправника из Ошмян Емельянов, ранены полицмейстер Климович, пристав Заферанула и двое прохожих [23, с. 46]. В октябре 1905 г. Гейцман был ранен в перестрелке с полицией в Житомире, а через неделю уже участвовал в организации еврейской самообороны в Бердичеве, где ожидался антисемитский погром. При этом он лично изготов-

ливал бомбы для бойцов «самообороны» [14, л. 8; 34, л. 7]. По данным Виленского Охранного отделения, Гейцман также был организатором экспроприаций: «совместно с другими лицами участвовал в ограблении магазина купца Имянитова в городе Вильне и организовал другие грабежи» [10, л. 11—11 об.].

Весной 1906 г. он был арестован в Вильно с подложным паспортом. Чтобы спасти себя от разоблачения и вероятной смертной казни, Гейцман через сокамерников передал родственникам предложение опознать его как брата Исаака, к тому времени эмигрировавшего в США. Поскольку до ареста ничего предосудительного за братом в течение многих лет замечено не было, а при обыске была выявлена лишь одна анархистская

Титульный лист анархо-коммунистической газеты «Хлеб и Воля». № 3. Октябрь 1903

брошюра, через пять месяцев Илья Моисеевич был освобожден «с чистым паспортом и даже воинским билетом» [14, л. 10; 34, л. 7]. После освобождения он возобновил кружковую деятельность среди анархистов в Вильно и Двинске. 31 января 1907 г., по наводке полицейского провокатора Абрама Гавендо, Гейцман был арестован в Вильно во время конспиративного собрания анархистов [10, л. 1; 14, л. 10; 23, с. 79; 34, л. 7].

За свою деятельность он был приговорен к 2 годам административной ссылки в городе Сургут Тобольской губ., но уже в начале июля 1907 г. бежал оттуда с группой ссыльных [14, л. 8, 10].

Гейцман пытался восстановить разгромленное анархистское движение в Вильно, а также расследовать слухи о провокаторской деятельности Гавендо, но в декабре 1907 г. был вновь арестован. При обыске у него были обнаружены шифр и переписка [10, л. 4 об., 9; 12, л. 17; 14, л. 11; 34, л. 8]. На этот раз арест сопровождался избиениями в охранном отделении, что навсегда сказалось на его здоровье: «Долго ходить не мог от боли в ногах. Кажется, что с тех пор походка моя навеки потеряла ритм, выражаясь терминологией врача» [14, л. 11]. До суда Гейцман отбывал заключение в срочном корпусе Виленской губернской тюрьмы, а 16 ноября 1909 г. был приговорен Виленской судебной палатой по 102-й статье Уголовного уложения к 4 годам каторжных работ [14, л. 1 об., 3, 11; 34, л. 8].

Тюрьма и ссылка

Первоначально он отбывал наказание в Виленской тюрьме, в мае 1911 г. был переведен в Шлиссельбург, а затем – в одну петербургских тюрем [14, л. 11; 34, л. 8]. Два года Гейцман носил ножные кандалы, затем 6 лет провел в одиночной и 5 лет в общей камерах [14, л. 1 об., 3]. В Петербургской тюрьме ему пришлось выдерживать частые драки с уголовниками, которых, как он утверждал, натравливало тюремное начальство [14, л. 11–12]. Гейцман неоднократно участвовал в голодовках, обструкциях и забастовках заключенных, направленных против сурового каторжного режима. За это Илья неоднократно подвергался избиению и заключению в карцер [14, л. 1 об., 3, 11, 12].

20 февраля 1914 г. он был сослан в Косостепскую волесть Иркутской губ. [14, л. 1 об., 12]. Находясь на положении ссыльнопоселенца, Гейцман не оставляет анархистскую подпольную работу. Пишет корреспонденции в иностранные и эмигрантские анархистские газеты о положении ссыльных [14, л. 12]. Некоторые из них публиковались в журнале «В помощь, Дер Хильфруф.», в 1910–1914 гг. издававшемся на русском языке

и идиш Федерацией Анархических Красных Крестов Европы и Америки [9, л. 1]. Переписку с ним, на правах родственницы, поддерживала анархистка Джудит Гудман, жена его брата, в 1905 г. эмигрировавшая в Великобританию, а затем переехавшая в США [54, 55].

Весной 1914 г., по инициативе Гейцмана в Иркутской губ. была основана «Группа анархистов-коммунистов ссыльных Восточной Сибири», объединявшая около 20 чел. Организации удалось установить связи с анархистами из Владивостока, Киева, Кишинева, Москвы, Санкт-Петербурга, Тобольска, Томска и Харбина. Была развернута переписка с анархистскими организациями русских эмигрантов в Великобритании, Франции и США [50, с. 105, 122]. Гейцман был также одним из организаторов конференции анархо-коммунистических групп, тайно проведенной в селе Манзурка Иркутской губ. В ней приняли участие около 30 чел. Делегаты основали Федерацию групп анархистов-коммунистов ссыльных Сибири. Было принято решение о создании касс взаимопомощи, столовых и библиотек для ссыльных, специального фонда для организации побегов. Был избран секретариат федерации из трех человек. Делегаты приняли приветственное письмо П. А. Кропоткину и отправили материалы конференции в США. Провозглашались основные направления работы: пропаганда анархистских идей среди местных жителей и подготовка покушений на представителей власти. В качестве цели деятельности Федерации была объявлена подготовка всеобщей стачки. Часть делегатов призвала к созданию революционно-синдикалистских профсоюзов, коммун, кооперативов и артелей [50, с. 105–106, 117, 118].

21–22 октября 1914 г. участники конференции были арестованы. Гейцман вплоть до марта 1917 г. содержался в Иркутской тюрьме [14, л. 2, 12, 13; 34, л. 8; 46, с. 31; 50, с. 106], продолжая поддерживать связи с анархистами на воле [13, л. 6].

Один из лидеров сибирских анархистов

Освободившись из тюремного заключения 4 марта 1917 г., после свержения монархии [14, л. 13, 24], Гейцман остался жить в Иркутске.

Весной 1917 г. он участвует в проходившем в этом городе съезде анархистов Сибири [50, с. 136–137], а вскоре создает группу «Возрождение анархистской пропаганды». Одним из важных направлений его деятельности становится издательская и публицистическая работа. При его участии были изданы различные брошюры тиражом более 35 тыс. экземпляров. Написанный Гейцманом «Манифест анархистов-коммунистов»

Газета «Сибирский анархист» – издание Союза анархо-синдикалистской пропаганды. (Красноярск, 1917 г.)

стал одним из наиболее важных программных документов сибирских анархистов [50, с. 137–139; 14, л. 2, 14, 24; 34, л. 9].

Кроме того, он становится одним из популярных ораторов Иркутска, выступает на митингах среди солдат и рабочих, читает лекции [14, л. 14; 50, с. 139]. По мнению историка А. А. Штырбула, летом – осенью 1917 г. Гейцман был одним из лидеров анархистского движения Сибири [50, с. 160]. Осенью этого года его группа «Возрождение» объединяется с другими анархистскими организациями в Иркутскую федерацию анархистов, в состав которой вошли около 200 чел. [50, с. 176].

Одним из ведущих направлений работы сибирских анархистов было создание «беспартийных солдатских союзов» в Иркутске, Красноярске, Чите и др. городах. Эти организации должны были вести антивоенную

пропаганду с целью добиться отказа солдат от отправки на фронт [14, л. 24]. 17 сентября 1917 г. Гейцман участвует в волнениях военнослужащих иркутского гарнизона, протестовавших против ареста троих однополчан за ведение антивоенной пропаганды. На митинге он приветствовал бунтарей от имени группы «Возрождение» и был избран руководителем провозглашенного тут же «Беспартийного союза взаимопомощи солдат» [50, с. 150]. В ответ на решения Беспартийного союза об отказе от исполнения приказов, проведения боевых занятий и отправки на фронт маршевых рот, местные власти начали арестовывать его активистов. 21 сентября солдаты начали восстание, арестовав командира гарнизона, прапорщика А. А. Краковецкого. Гейцман был направлен восставшими на переговоры о капитуляции в обмен на освобождение ранее арестованных анархистов. Переговоры не удались и вскоре восставшие были разоружены. Несмотря на это, Гейцман напечатал декларацию с их требованиями и расклеил по городу. За это он и его беременная жена, Анна Давидовна Кам-Гейцман, были арестованы, но освобождены через несколько дней [50, с. 150–151; 14, л. 14, 15–16, 24–25; 34, л. 9].

С сентября 1917 г. Гейцман и его сторонники сотрудничают с большевиками, совместно действуя против властей Временного правительства [14, л. 17; 50, с. 155, 157]. В декабре он участвует в боях между сторонниками власти Советов и силами Временного правительства в Иркутске, входит в состав штаба восставших [14, л. 17, 25; 34, л. 9].

Комиссар Центросибири

28 февраля 1918 г. Гейцман участвует как делегат во II Всесибирском Съезде Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Там же он был избран членом Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири (Центросибирь) – высшего правительственного органа, осуществлявшего верховную власть на территориях Сибири, контролируемых большевиками и их союзниками по леворадикальному блоку [5, с. 12–13; 32, с. 108]. В марте 1918 г. по поручению Президиума Центросибири Гейцман занял пост Комиссара по иностранным делам [14, л. 2, 17, 25; 34, л. Регистрационный бланк, 1, 3 об.; 46, с. 32]¹. С этого момента начинается его деятельность на руководящих постах в новом Советском государстве.

¹ По другим данным, он занимал пост заместителя комиссара по иностранным делам. Но, вероятно, за все время существования Центросибири, Гейцман в разные периоды занимал должности комиссара и заместителя комиссара [50, с. 170].

Вместе с рядом большевистских руководителей он вошел в состав «пятерки» – группы членов Центросибири, каждый день обсуждавшей кулуарно наиболее важные задачи дня. Одновременно Гейцман участвовал в кооперативном движении. Он организовал Трудовую Сапожную артель из 40 чел. и возглавил ее, одновременно работая в артельных мастерских сапожником по 2–3 часа в день [14, л.2, 17, 25; 34, л.9]. Являясь руководителем артели, Гейцман разместил на ее территории склад оружия анархистского отряда, которым руководил во время декабрьских боев в Иркутске [14, л.25]. Также в это время он писал статьи для иркутской газеты «Власть труда» [34, л.4] – органа Иркутского совета рабочих и солдатских депутатов, окружного бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири и Центросибири.

Гейцман действовал в коалиции с большевиками, защищая их от обвинений со стороны эсеров [32, с.112–113]. При этом он был сторонником соблюдения партийного паритета. Так, 7 марта на заседании Центросибири фракция анархистов, в состав которой он входил, поддержала инициативу левых эсеров и максималистов, предлагавших из двух делегатов в состав Всероссийского съезда Советов избрать одного большевика и одного левого эсера, что и было осуществлено [32, с.114–115].

В то же время Гейцман относился критически к некоторым действиям СНК РСФСР, разделяя поддерживаемый всеми анархистами лозунг революционной войны против Германии. Так, на заседании Центросибири 7 марта 1918 г. он присоединился к позиции большинства, выступавшего против заключения Брестского мира. Признавая вынужденный характер мирного договора, Гейцман предлагал «указать и найти те практические мероприятия, которые Всероссийский съезд мог бы провести в случае своего решения продолжать войну» [32, с.113]. Чтобы побудить большевиков и анархистов Центральной России к подготовке к противостоянию с Германией, он призвал немедленно начать работу в этом направлении в Сибири: «Необходимо начать немедленно же практическую работу и сообщить об этом на Всероссийском съезде, чтобы известиями о фактах обнадежить и влить новые силы в наших измученных товарищей» [32, с.114]. Гейцман же был одним из соавторов резолюции Центросибири от 5 апреля 1918 г., выражавшей протест против высадки японских войск во Владивостоке под предлогом защиты японских подданных и выражавшей готовность оказать вооруженное сопротивление попыткам японских войск захватить какой-либо из регионов России. Резолюция объявляла Сибирь на военном положении, провозглашала создание Сибирского военно-революционного штаба и военно-революционных

штабов при местных Советах. Эти органы должны были организовать оборону «от внешнего империализма» и внутренней контрреволюции. Резолюция предписывала также приступить к созданию Красной армии на территории Сибири [32, с. 142–143].

Но не только в вопросах ведения революционной войны против Германии Гейцман выступал с анархистских позиций. Так, на II Всесибирском Съезде Советов он предлагал передать предприятия рабочему самоуправлению трудовых коллективов, самостоятельно определяющему их дальнейшую судьбу [50, с. 183]. Также он выступил с контрдокладом с позиции анархистов на I крестьянском съезде Иркутского уезда (16 января – 6 (19) февраля 1918 г., Иркутск) [50, с. 190]. Кроме того, Гейцман на заседании Центросибири выступал в защиту рабочих угольных копей Черемхово, где анархисты пользовались большим влиянием, а недовольство шахтеров действиями Центросибири грозило забастовкой. В результате его инициативы было принято решение «принять меры к недопущению забастовки в Черемхово путем устранения причин, могущих вызвать ее». Предлагалось создание специальной комиссии с участием представителей Комиссариата труда Центросибири [32, с. 170].

Проблемам, сложившимся в Черемхово, было посвящено и выступление Гейцмана на общем собрании Иркутской федерации групп анархистов-коммунистов, состоявшемся 18 апреля 1918 г. Обсуждался доклад члена Центросибири, анархиста В.П.Ерыгина, одновременно занимавшего должность члена коллегии Сибирского комиссариата снабжения и продовольствия [46, с. 32–33]. Он был направлен в Черемхово для решения вопроса об отгрузке угля для других регионов Сибири. Гейцман подверг критике черемховцев за стремление повысить собственные заработки, не считаясь с положением рабочих в других городах. В результате обсуждения была вынесена резолюция с осуждением действий руководителей черемховских копей [46, с. 32–33].

Периодически Гейцман выполнял поручения Центросибири, связанные с выполнением представительских и военных задач. Так, в конце марта он был направлен в Читу для помощи местным Советам в организации борьбы против белогвардейских войск атамана Г.М.Семенова. Здесь Гейцман принял участие в работе III Съезда представителей рабочих, крестьян, казаков и бурят Забайкальской обл. (24 марта – 5 апреля 1918 г.), на котором зачитал воззвание к трудящимся всего мира, принятое на II Всесибирском съезде Советов. 27 марта он вошел в состав Военно-революционного штаба Забайкальского (Даурского) фронта [50, с. 170; 51, с. 8]. 20 мая Гейцман лично увещевал несколько десятков бой-

цов Охранного отряда, с винтовками и пулеметом окруживших здание Центросибири в Иркутске и требовавших освобождения своего бывшего командира А. П. Кисилева, смещенного с должности и арестованного в этот день [46, с. 46].

И. Гейцману принадлежит и роль одного из первых чекистских руководителей Сибири. 21 апреля 1918 г. декретом Центросибири была создана Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, находящаяся в подчинении ВЧК. В состав первой сибирской ЧК был включен и Гейцман [32, с. 170–171, 295–296]. Затем на заседании Центросибири 5 мая 1918 г. он был введен в состав комиссии, назначенной для осмотра тюрем с целью выявления лиц, подлежащих освобождению по «Декрету Центросибири об амнистии за преступления против пролетариата» [32, с. 193].

Большую роль Гейцман сыграл и в попытках урегулирования отношений Центросибири с восставшими чехословацкими частями. Так, в конце мая – начале июня 1918 г. он вел переговоры с чехословаками, захватившими Военный городок в Иркутске. Гейцману удалось достигнуть соглашения, согласно которому они уходили из города и получали свободный проезд до Владивостока. Таким образом, Центросибири удалось пропустить без боя три чехословацких эшелона [14, л. 18]. 30 мая Гейцман пытался уговорить французского консула выехать в составе делегации на переговоры с командованием чехословацкого корпуса [32, с. 316–317]. Позиция, которой он придерживался в дальнейших переговорах от имени Центросибири, подразумевала обеспечение беспрепятственного движения эшелонов Чехословацкого корпуса во Владивосток при условии их разоружения [32, с. 318]. В поддержку чехословаков, в июне в Иркутске вспыхнуло восстание юнкеров. Гейцман был назначен в состав комитета из 5 членов Центросибири, руководившего подавлением мятежа [14, л. 25].

23 июня 1918 г. его отправили в составе смешанной делегации Центросибири и чехословацких офицеров на переговоры с командующим чехословацкого корпуса, генералом Р. Гайдой. В тот же день Гейцман подписал от имени Центросибири договор с делегацией Чехословацкого Национального совета и четырех чехословацких полков с Дальнего Востока. Предусматривалось перемирие, взаимное освобождение пленных и арестованных, сдача чехословаками тяжелого вооружения и пропуск чехословацких эшелонов во Владивосток. Но Гаида отказался принять делегацию и Гейцман вернулся в Иркутск. Затем он был направлен Центросибирью в Хабаровск, а оттуда вместе с женой и 4-летним сыном Ми-

хаилом выехал в Читу. Вскоре Центросибирь была распущена, а Гейцман был включен в состав Совета народных комиссаров Сибири (Сибсовнарком), но из-за заболевания тифом отказался от этого. Вскоре ему было поручено распределение «ликвидационных сумм» из казны Центросибири [5, с. 19; 14, л. 18, 25–26; 32, с. 326–329, 359, 398]. Вместе с другими сотрудниками Сибсовнаркома вскоре Гейцман был эвакуирован из Читы в Хабаровск. Отсюда он должен был направиться во Владивосток на новые переговоры с чехословацким командованием, но из-за переворота во Владивостоке поездка не состоялась [14, л. 18–19, 26].

В июле Гейцман участвовал в работе Дальневосточного совета народных комиссаров (Дальсовнарком) как представитель Комиссариата иностранных дел Центросибири. Так, 6 июля 1918 г. он принял участие в совместном совещании Дальсовнаркома, представителей Центросибири и других советских организаций, разрабатывавших план совместной борьбы с белогвардейцами и интервентами. Позиция Гейцмана заключалась в отстаивании линии на переговоры с представителями США и Великобритании [24, с. 247–248]. Он ссылаясь на высказывание генерального консула США в Иркутске Гарриса: «Откройте фронт с немцами, и завтра будет ликвидирован чехословацкий конфликт». С точки зрения Гейцмана, Центросибири и Дальсовнаркому следовало перейти к политике «непризнания мирного договора с Германией». По его мнению, возможность соглашения с правительствами Антанты была вполне реальна, поскольку «союзнники знают, что одна только Советская власть пользуется доверием широких народных масс, а другие партии никаким доверием не пользуются» [24, с. 249]. Он настаивал на том, чтобы были начаты переговоры через Гарриса [24, с. 250]. Кроме того, Гейцман высказался в пользу единого революционного фронта с меньшевиками и эсерами, которым предлагал «указать, что нужно бороться с общим врагом – империалистами» [24, с. 247–248]. Позиция Гейцмана поддержки не получила, а вскоре пала Советская власть на Дальнем Востоке, и комиссару Гейцману пришлось переквалифицироваться в подпольщики.

Из партизан – в дипломаты

3–4 сентября Хабаровск был взят японскими войсками и казачьими отрядами атамана И. П. Калмыкова.

Гейцман был вынужден уйти в подполье. Вплоть до мая 1919 г. совместно с большевиками он вел пропагандистскую деятельность среди местных рабочих. В мае, после раскрытия и арестов калмыковцами многих подпольщиков, Гейцман был вывезен

группой красных партизан из отряда И. Лебедева в лагерь, располагавшийся в Иргу, на приграничной территории Китая. Его жена и сын скрылись в одной из толстовских коммун вблизи от Хабаровска [14, л. 19, 21–22, 26; 51, с. 46].

До середины февраля 1920 г. Гейцман был среди руководителей партизанского отряда, занимался организацией партизанского лазарета. После оставления белогвардейцами Хабаровска, 14 февраля 1920 г. вместе с отрядом Гейцман вернулся в город. Здесь снова оказался востребован его опыт дипломатической работы. В середине февраля, по поручению Хабаровского Крайисполкома, Илья Моисеевич организовал Комиссариат иностранных дел Временного исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Хабаровского уезда, а 11 марта был избран исполкомом Комиссаром иностранных дел [17, л. 11 об.; 14, л. 22, 26; 41, с. 104; 42, с. 97]. В этой должности он вел переговоры с японскими военными и дипломатами о взаимоотношениях с ДВР и местными «буферными» правительствами, касаясь, в том числе, вопроса о выводе японских войск из Приморья [14, л. 22–23; 42, с. 98].

12 марта 1920 г. японский гарнизон Николаевска-на-Амуре, нарушив договоренность о перемирии, внезапно атаковал Красную армию Николаевского округа, находившуюся под командованием Я. И. Тряпицына. Разгром японских войск в Николаевске привел к осложнениям в отношениях между японскими оккупационными властями Дальнего Востока и формирующимся просоветским «буферным» государством. Гейцману пришлось принять непосредственное участие в переговорах по урегулированию «Николаевского инцидента». Как утверждает исследователь Словинский, его подпись, наряду с подписями других дипломатов и военачальников, стояла под приказом о немедленном прекращении военных действий, поступившим в штаб армии Тряпицына 16 марта 1920 г. [43, с. 43].

Гейцман же вел переговоры по прямому проводу из Хабаровска с начальником штаба Красной армии Николаевского округа Н. П. Лебедевой. Придерживаясь курса на сохранение мирных отношений с Японией и ожидая прибытия из Читы представителя РСФСР на переговоры с японской делегацией, Гейцман призывал Лебедеву, «если только нет крайней нужды, остановить бой при первом к тому предложении со стороны японских войск» [30, с. 220]. Во время телефонного разговора 21 марта он заявил, что вскоре состоятся переговоры о мире между РСФСР и Японией: «Знайте, что войны между Россией и Японией Москва никоим образом не желает. После Советской России еду

на Дальний Восток с целью переговоров с Японией. Мир с последней является решительным стремлением Советской России и Николаевск в этом деле сослужит весьма скверную службу» [30, с.222–223]. Позднее Гейцман утверждал, что «Николаевский инцидент» был фактически репетицией заранее готовившегося нападения японских войск на сторонников Советской власти по всему Дальнему Востоку, осуществленному 4–6 апреля 1920 г. [43, с.98].

В своей автобиографии он писал, что после Николаевских событий получил сведения из своих источников в китайском и польском консульствах о том, что японцы наметили на 5–6 апреля атаку на советские войска в Хабаровске и на Дальнем Востоке, с чем была связана поездка японского посланника Мацудайра в Токио, откуда командование японских войск получило санкцию на проведение операции против сторонников Советской власти [14, л.22–23; 43, с.98–99]. Гейцман утверждал, что он успел предупредить своих руководителей о выступлении и информация была доведена до командиров советских воинских формирований, не предпринявших, однако, должных мер к подготовке обороны [43, с.99]. Утром 5 апреля, когда советское руководство в Хабаровске уже знало о нападении японских войск на советские отряды, Гейцман провел по этому вопросу переговоры с японским консулом Сугино Хокотаро, окончательно убедившись, что вопрос о нападении на Хабаровск уже решен [43, с.102].

После вооруженного выступления японцев и разгрома сторонников Советской власти И.Гейцман был вынужден оставить Хабаровск и отправиться во Владивосток. По дороге его сын едва не погиб от пули белогвардейца, стрелявшего поверх головы ребенка в уполномоченного Приморского правительства П.В. Уткина [43, с.104].

Во Владивостоке Гейцман сотрудничал в большевистских газетах «Красное знамя» и «Коммунист», опубликовав не менее шести статей, направленных против белогвардейцев и японских интервентов [14, л.23, 26–27; 34, л.4]. По поручению владивостокских большевиков вскоре он отправился в Москву. Судя по оговорке в приведенном отрывке из записи его телефонных переговоров с Н.Лебедевой, поездка в Москву была запланирована ранее [30, с.222]. 24 августа 1920 г., с чешским паспортом в руках он сел на борт парохода, увозившего из Сибири и Дальнего Востока чехословацких военных и политических деятелей. После долгого путешествия через Гонконг, Сингапур, Коломбо, Порт-Саид, Триест, территорию Италии, Австрии и Чехословакии в ноябре того же года он прибыл в Москву [14, л.23, 27; 34, л.10; 45, с.69, 74]. Не исключено, что

поездка вместе с представителями чехословацкой политической элиты имела определенные цели, связанные с переговорным процессом и разведкой. По прибытии в Москву Гейцман фактически подтвердит это в своей записке, адресованной В.И. Ленину.

**«Чехословацкий проект»
Ильи Гейцмана**

Уже в декабре 1920 г. Гейцман был зачислен сотрудником в Отдел Востока Народного комиссариата иностранных дел [45, с. 68]. Вскоре он составил докладные записки для заместителя Наркома иностранных дел Л. М. Карахана о политической ситуации на Дальнем Востоке и в Чехословакии. Эти документы произвели хорошее впечатление на Наркома иностранных дел Г. В. Чичерина [45, с. 70].

По дороге в Прагу Илья Моисеевич близко познакомился с В. Гирсой, руководившим эвакуацией чешских легионеров из Владивостока, а в январе 1921 г. получившим назначение на пост заместителя министра иностранных дел Чехословакии. В разговорах с Гейцманом Гирса утверждал, что является сторонником примирения с Советской Россией на базе идеологии сближения славянских народов. Он достал Илье Моисеевичу визу для въезда в Чехословакию и предложил обмениваться информацией. Также Гирса был готов помочь большевикам в посредничестве при переговорах с лидерами эсеровской эмиграции. При его посредничестве Гейцман встретился с одним из лидеров эсеровской эмиграции О. С. Минором, своим давним знакомым по тюрьме. В качестве ответного шага Илья Моисеевич организовал для Гирсы беседу с представителем советской миссии Красного креста С. И. Гиллерсоном [45, с. 69–70].

В своей докладной записке о ситуации в Чехословакии Гейцман утверждал, что исторически чехи относятся к России с симпатией, видя в ней защитника и союзника, при этом относясь неприязненно к венграм, немцам и полякам. Кроме того, Чехословакия испытывает перепроизводство работников-интеллигентов, которые не имеют возможности устроиться на родине и вынуждены искать возможности выехать за границу, в том числе – в Советскую Россию. Их миграции Гейцман предлагал всячески содействовать [45, с. 70–71]. Он отмечал также активную работу антибольшевистской эмиграции, формирующей в Чехословакии негативный образ Советской России, но эту проблему, полагал он, можно решить путем активизации дипломатической, культурно-просветительской и пропагандистской работы Советской России [45, с. 71–73].

Гейцман предлагал НКВД использовать в интересах Советской России славянские симпатии чехов, их растущую неприязнь к государствам Антанты, антагонизм во внешней политике между Польшей и Чехословакией, а также заинтересованность чехословацких предпринимательских кругов в торговых отношениях с РСФСР. Чехословакию он рассматривал и как благоприятный плацдарм для дальнейшего развертывания работы Коминтерна в Восточной Европе и на Балканах. В то же время он полагал, что ВЧК, внедрив агентуру в среду русской эмиграции в Праге, могла установить контроль и за ее политическими организациями [45, с. 72–73].

Исследователь Станков отмечает, что предложения о принципах построения советско-чехословацкой отношений, изложенные в записке Гейцмана, «пережили своего создателя». Прежде всего, речь идет об идее «славянской взаимности», неоднократно поднимавшейся на щит советской дипломатией в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Вскоре оказались актуальны и предложения о развитии торговых отношений с Чехословакией. И произошло это при непосредственном участии Гейцмана [45, с. 74]. В январе 1921 г. он был направлен в эту страну как член торговой делегации, исполняющий обязанности торгового агента. До мая 1922 г. Гейцман работал в советском торгпредстве в качестве сотрудника для особых поручений [14, л. 26; 16, л. 9; 34, л. Регистрационный бланк, 1, 11].

Лидер анархо-большевиков

Находясь в Праге, Гейцман также выполнял задачу по контрпропаганде и дискредитации оппозиционных большевистской диктатуре анархистов-эмигрантов. Фактически подобную деятельность он начал вести еще в Москве: «...я долго боролся со старыми товарищами в Москве и в Берлине, но убедился, что такая тактика непродуктивна. Анархисты стали обвинять меня в том, что я давно большевик и действую по директивам РКП» [34, л. 10–11]. 7 декабря 1920 г. он обращается с письмом к В.И. Ленину, в котором просит о личной встрече [33, л. 1]. Ф.Э. Дзержинский, наводивший справки о Гейцмане у заведующего Отделом Востока НКВД Янсона, утверждал, что обсуждение проекта о массовом вхождении анархистов в ряды РКП(б) было главной целью запланированной беседы с Лениным: «Гейтман² анархист, но по словам Янсона собирается переговорить с Вами о влиянии (!) анархистов в ряды РКП(б)

²Так в документе.

Всеволод Михайлович Волин, 1927 г.

и Коминтерна, если не вступил в ряды партии до сих пор, только по традиции» [33, л. 2].

Именно эти задачи и пытался решить Гейцман в 1922–1924 гг. Так, он принял участие в Интернациональном анархическом конгрессе, состоявшемся в Берлине 25–31 декабря 1921 г. Гейцман выступил с докладом на экстренном заседании конгресса, посвященном России. В своем выступлении он отстаивал пробольшевистскую точку зрения, оппонируя докладу В. М. Волина, одного из ведущих теоретиков и лидеров Конфедерации анархических организаций Украины «Набат», бывшего председателя Военного революционного совета Революционной повстанческой армии

Украины (махновцев), высланного большевиками из России. Волин выступал с критикой большевистской диктатуры. Их доклады «обратились в дискуссию», как отмечал автор отчета о конгрессе [16, л. 10об.; 47, с. 21]. В итоге, делегаты объявили Гейцмана агентом большевиков. В Праге он также периодически выступал с докладами и лекциями среди русских эмигрантов. Некоторые из его выступлений были направлены против эсеров, что связано, вероятно, с показательным судебным процессом против членов ЦК этой партии, проведенном в Москве 8 июня – 7 августа 1922 г. [34, л. 11].

Параллельно с Гейцманом к работе среди анархистов за рубежом был привлечен бывший анархист С. Я. Перльмуттер (Барон-Штейнер), завербованный ВЧК в 1921 г. Перльмуттер был широко известен в анархической среде организацией провокации с подготовкой к печатанию фальшивых денег, приведшей к аресту и расстрелу нескольких «анархистов подполья», в том числе – одного из лидеров анархистского движения Москвы Льва Черного (П. Д. Турчанинова).

В качестве представителя небольшой пробольшевистской организации «Свободное объединение анархистов» (СОА) Перльмуттер получил разрешение от Президиума Исполкома Коминтерна и Политбюро ЦК РКП(б) на выезд за границу [1, с. 624–625]. Предложение О. В. Куусине-

на о его командировке было рассмотрено на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 21 января 1922 г. и получило поддержку, что отразилось в резолюции Зиновьева, подчеркивавшей «лояльный» характер декларации СОА и пользу, которую Барон мог бы принести в борьбе с Эммой Гольдман, Александром Беркманом и примыкавшими к ним российскими анархистами-эмигрантами: «Свободное объединение выпустило недавно вполне лояльную декларацию. В противовес имеющейся за границей банде Эммы Гольдман, полагаю поездку Барона полезной. Г.Зиновьев» [35, л.20]. Целью поездки было ведение пропаганды среди анархистов в защиту Советской России. Об этом говорит содержание докладной записки О.В.Куусинена В.М.Молотову: «Свободное Объединение Анархистов обратилось к нам с предложением разрешить им послать делегатов за границу, особенно в Германию, Италию и Францию, чтобы там разъяснить положение в России таким образом, чтобы те прекратили нападки на Советскую Россию и чтобы здесь взаимоотношения между анархистами и советским правительством были облегчены» [35, л.20].

В Берлине Перльмуттер проживал под именем Самуила Каминского и действовал совместно с другим чекистским агентом, бывшим анархистом, Б.В.Рыжиным [6, с.32; 26]. В то же время за границу для ведения работы в пробольшевистском духе среди анархистов выехал и видный анархо-большевик, публицист и литературный критик И.С.Гроссман [7, с.31].

В 1923 г., после возвращения в СССР, по поручению ЦК РКП(б) Гейцман развернул агитацию, призывая анархистов к коллективному вступлению в РКП(б). Образовалась инициативная группа в составе А.З.Виноградова, И.М.Гейцмана и Оссовского, пытавшаяся организовать Всероссийскую конференцию анархистов, целью которой было провозглашение идейного банкротства и ликвидации анархистского движения, а также принятие заявления о вступлении его участников в ряды РКП(б). Несмотря на поддержку, полученную от Зиновьева, Лозовского, др. партийных и профсоюзных деятелей, инициатива Гейцмана провалилась. К нему присоединились лишь нескольких бывших и действовавших анархистов. В силу этого группа его единомышленников решила ограничиться публичным заявлением о разрыве с анархизмом и солидарности с РКП(б) [8, с.14–15].

14 июня 1923 г. группа, в которую вошли И.И.Базыльчук, Н.Белковский, А.З.Виноградов, И.М.Гейцман, Д.Ю.Гопнер, А.П.Лепин, М.М.Ми-

хайловский, А.Ротенберг, Л.Г.Симанович, Е.Тиновицкая, подписала «Заявление анархистов-коммунистов» [36, л.203–214].

Текст декларации был направлен в Общество старых большевиков и лично Генеральному секретарю ЦК РКП(б) И.В.Сталину. Но реакции на это заявление не последовало. Тогда 12 июля 1923 г. анархо-большевики повторно отправили заявление Сталину, прося его о встрече с целью обсудить вступление их группы в ряды правящей партии [29, с.86–87].

24 августа Л.Д.Троцкий лично ходатайствовал перед Сталиным о публикации заявления группы Гейцмана в «Правде», а затем – на иностранных языках. Этот документ должен был сыграть важную роль, как пример идейной эволюции от анархизма к большевизму [29, с.87].

25 августа Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление: «Декларацию группы анархо-коммунистов и анархо-синдикалистов опубликовать» [36, л.202]. По поручению И.В.Сталина этот документ в тот же день был отправлен в Агитационно-пропагандистский отдел ЦК «для опубликования в печати». В сопроводительном письме подчеркивалось: «Желательно, чтобы декларация была напечатана со всеми подписями членов группы и характеристикой прошлого всех подписавшихся» [36, л.203]. 9 сентября 1923 г. текст был опубликован в №201 «Правды» и в №203 «Известий» [2, с.438, 443, 563].

Авторы писали, что рассматривают «установление диктатуры пролетариата во всех капиталистических странах Европы и Америки» как неизбежный этап исторического развития «по пути к достижению безвластного общества» [2, с.438]. Утверждалось, что только «через диктатуру пролетариата» возможно ликвидировать любые попытки восстановления капиталистического строя. В силу этого недопустимы пропаганда «распыляющего силы рабочего класса» федерализма, критика Красной армии и протесты анархистов против репрессий, проводимых большевиками в отношении социалистической оппозиции. Провозглашалось, что РКП(б) и Коминтерн уже заимствовали наиболее актуальные элементы в анархо-коммунистической теории, в том числе – «отрицательное отношение к государству» и отрицание демократического строя и парламентаризма [2, с.439]. Вывод авторов заявления заключался в том, что в условиях жесткого размежевания политических сил, постепенного установления фашистских диктатур в странах Европы, анархисты должны признать «неизбежность диктатуры пролетариата», объединиться вокруг РКП(б), Коминтерна и Профинтерна [2, с.439–440, 442–443].

Со стороны анархистов-эмигрантов эти действия вызвали острую критику вплоть до обвинений инициаторов заявления в продажности и карьеризме: «Скатертью дорога, господа Гейцманы; давно следовало бы избавить наше движение от вашего присутствия. По крайней мере, атмосфера будет чище... [...] Всеми этими перевертнями руководят исключительно материальные и карьеристские побуждения; Гейцман мечтает получить командировку за границу для борьбы с "четвертым интернационалом"³; Гопнер, который более известен как соц[иал]-дем[ократ], чем анархист, болен и ему нужен заграничный курорт, другие или закрепляют свою карьеру и положение или стремятся к другим столь же возвышенным целям» [8, с. 14–15]. Среди оставшихся в СССР анархистов Гейцман и др. участники этой группы получили устойчивое клеймо «советских анархистов», «которые признают существующую в России советскую республику необходимой переходной ступенью к анархии» [48, с. 30].

Закономерным итогом деятельности Гейцмана по разложению анархистского движения должно было стать вступление в РКП(б). Но вот с этим-то и произошла заминка. Начальник секретного отдела ГПУ Т. Д. Дерibas выразил сомнения в искренности намерений лиц, подписавших заявление. Лишь 10 декабря 1923 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло решение о приеме лиц, подписавших его, кандидатами в члены РКП(б). Кандидатский стаж они должны были пройти на общих основаниях [29, с. 87].

10 декабря 1923 г. Гейцман становится кандидатом в члены партии, а в декабре 1924 г. был принят в нее с зачетом полугодичного стажа [14, л. 1, 27; 16, л. 7 об.; 34, л. Регистрационный бланк, 1, 3 об.]. Его прием в кандидаты был осуществлен на уровне ЦК, а в члены партии – решением Московского комитета РКП(б) [34, л. Регистрационный бланк, 1, 11].

«Нахожусь в известном тупике»

в должности референта по Китаю [14, л. 1, 27; 16, л. 9; 34, л. Регистрационный бланк, 1; 45, с. 74]. Несмотря на очевидный карьерный рост, он был недоволен своим положением и утверждал, что его способности не находят должного применения. Так, в своей автобиографии, напи-

Между тем дипломатическая карьера Гейцмана продолжалась. В июне 1922 – декабре 1924 гг. он работал в отделе Дальнего Востока НКВД

³ Имеется в виду Международная ассоциация трудящихся – интернационал анархо-синдикалистских профсоюзов.

санной для Общества политкаторжан, Гейцман утверждает: «В ноябре месяце [19]20 г. приехал в Москву. Об этом периоде жизни мне писать нечего. Последние два года почти бездействую. Нахожусь в известном тупике. И будущее должно ответить на вопрос, как выйти и возможен ли вообще выход из моего настоящего тупика» [14, л. 23]. Эту же мысль он повторяет в биографии, написанной 5 апреля 1924 г. для рассмотрения вопроса о его вступлении в РКП(б): «За последние 3 года мои силы и способности не были использованы для революции ни по линии партии, ни по линии государственной службы. А это тяжело» [34, л. 11].

Вероятно, сказалось неприятие его чехословацкого проекта, в роли куратора которого Гейцман рассматривал себя. Должности же, которые ему доверили занимать в Праге и в Москве, были намного ниже тех, которые приходилось занимать в Сибири и на Дальнем Востоке. Масштаб его полномочий, политическое влияние в 1921–1925 гг. также не могут быть сопоставлены с реалиями его деятельности в 1918–1920 гг.

В то же время Гейцман вел активную общественную деятельность. Так, ему принадлежит роль одного из основателей Общества политкаторжан (ОПК) – одной из наиболее ярких общественных организаций РСФСР и СССР 1920-х – 1930-х гг., объединявшей политических узников дореволюционной России. Зимой – весной 1921 г. он был среди инициаторов и первых членов ОПК [4, с. 97; 52, с. 46, 60], а в марте 1924 г. I Всесоюзный съезд Общества политкаторжан избрал Гейцмана членом Центрального совета, Бюджетной и Агитационной комиссий общества. Входя в состав Коммунистической фракции ОПК, он поддерживал курс на постепенное установление над Обществом партийного контроля [14, л. 28; 52, с. 160–161, 195–196]. В 1930 г. Гейцман был избран старостой Владивостокского отделения ОПК [14, л. 28]. Как и многие бывшие революционеры и участники гражданской войны, он пишет работы мемуарного и историко-мемуарного характера. Так, после смерти В. И. Ленина Гейцман издал воспоминания «Оптимист революции. (Из записок бывшего анархиста)» [21, 1924]. Затем вышла его статья об анархистах в Сибири, подготовленная специально для «Сибирской Советской энциклопедии» [22, с. 110]. Для Дальневосточного истпарта были написаны воспоминания «К событиям 4–6 апреля 1920 года на Дальнем Востоке». Но они так и не были изданы [43, с. 96–104].

И наконец, 27 ноября 1931 г. в Москве на заседании Секции ОПК по изучению революционного рабочего движения среди евреев, он прочитал доклад, посвященный анархистскому движению в начале XX в. среди еврейского населения Западных губерний Российской империи.

Этот эмоционально окрашенный текст, основанный на хорошем знании социально-экономических и культурных реалий еврейского населения конца XIX – начала XX вв., производит яркое впечатление. Так, например, Гейцман связывал широкое влияние анархистов среди еврейской бедноты «отчаянным экономическим положением и в данном случае, я позволю себе сказать, с особой еврейской склонностью к глубокой вере, с еврейской психологией» [15, л.65 об.]. В значительной мере доклад носил мемуарный характер. Несмотря на легкую внешнюю критику анархизма, Гейцман не скрывал симпатий к анархистскому движению 1900-х гг., за что был подвергнут резкой критике членами той же секции из Ленинграда за отсутствие «критического отношения к своему прошлому» и его идеализацию [49, л.6].

В конце декабря 1925 – октябре 1927 гг. Гейцман занимал пост советского консула в городе Маньчжурия (Китай), а в ноябре 1927 г. был переведен во Владивосток на должность агента (представителя) НКВД. В это время он вел и общественную работу, как шеф 107-го пехотного полка в Даурии, за что был объявлен почетным красноармейцем этой воинской части [14, л.27, 48; 16, л.9; 34, Регистрационный бланк, л.1, 12, 17]. В 1930 г. его избирают председателем Комиссии по увековечению памяти погибших революционеров 1905 года во Владивостоке и членом Тихоокеанского комитета Академии наук СССР [14, л.27–28; 16, л.9].

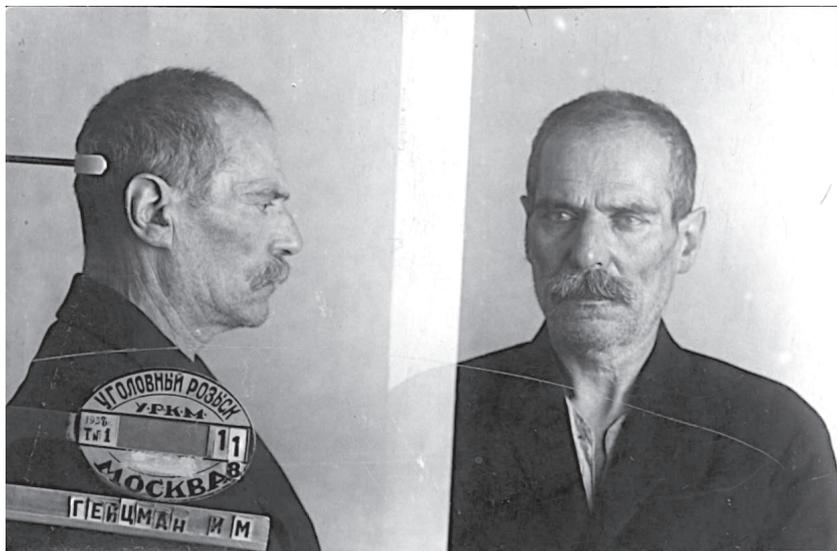
Перевод с должности консула произошел по решению Бюро Северо-Маньчжурского комитета ВКП(б). Кроме того, 16 сентября 1927 г. Гейцман получил выговор от Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Причиной такого решения стали обвинения «в устройствах банкетов в бытность его в Маньчжурии и в связи с чуждым элементом». Кроме того, последовало обвинение «в недостойном члена партии поведении» «в отношении служащих-работниц» санатория имени Л.Д.Троцкого во время отдыха Гейцмана в Кисловодске [34, л.2,18]. Между тем еще в 1926 г. в отношении И.М.Гейцмана поступили достаточно противоречивые характеристики от сотрудников НКВД. Так, военный атташе полпредства СССР в Китае Лонгва дает ему, в целом, положительную характеристику: «С работой справляется» [34, л.21]. Заведующий отделом Дальнего Востока НКВД Мельников представил еще более лестный отзыв: «Хороший работник, умеет работать» [34, л.21]. В то же время советник полпредства в Китае Соловьев характеризует Гейцмана негативно: «Пьянствует. У него были дела по женской линии, но он реабилитирован. Хороший парень, но не удовлетворен работой и будет разлагаться. Нового курса (на "Китайский шовинизм") не приемлет. Большой

политики там нет – это типичное пограничное консульство» [34, л.21]. Таким образом, очевидно, что Гейцман по-прежнему проявлял недовольство своим служебным положением, полагая, что достоин большего. В то же время очевидно, что он критически относился к политическому курсу СССР в Китае, вероятно – к поддержке ВКП(б) политики Гоминдана. Сотрудничество с Китаем, с его точки зрения, имело невыгодный для СССР характер. В письме Первому секретарю Дальневосточного крайкома ВКП(б) Н.А.Кубяку 24 июня 1926 г. Гейцман высказал мнение о том, что содержание СССР Китайско-Восточной железной дороги выгодно Китаю, но убыточно для советской экономики. Вместо этого он предлагал перенаправить средства и рабочую силу из Маньчжурии на развитие советского Дальнего Востока [31, с.285].

В июле 1931 г. Гейцман окончательно оставил работу в НКВД и перешел на должность заместителя председателя Всесоюзного кооперативного объединения «Художник» [33, л.Регистрационный бланк, 1]. В феврале 1932 г. он поступает на работу во Всесоюзное общество культурных связей с границей (ВОКС) и до ноября работает заведующим Отделом приема иностранцев [34, л.Регистрационный бланк, 1]. Вскоре он был вынужден по болезни оставить эту должность.

После выздоровления, в феврале 1933 – апреле 1935 гг. Гейцман занимал пост директора Центрального Военно-исторического архива [14, л.27; 16, л.9; 17, л.4, 15; 34, л.Регистрационный бланк, 1]. В 1935–1936 гг. он несколько месяцев тяжело болел склерозом легких. Вероятно, по этой причине Гейцману пришлось оставить столь ответственный пост и уйти на персональную пенсию. Затем, в апреле – июле 1936 г. он работал заведующим отделом переводчиков в «Интуристе» [34, л.Регистрационный бланк, 1].

В то же время в июле 1935 г. он получил от Сталинского райкома РКП(б) «строгий выговор за притупление классовой бдительности и смазывание контрреволюционной вылазки» [34, л.Регистрационный бланк, 1 об.]. Речь шла о попытке защитить директора Центрального фонофотокиноархива (ЦФФКА) А.Г.Даугеля-Дауге и его заместителя В.Д.Зубкова, в декабре 1934 г. выдавших для показа в 3-й пограничной школе фильм «Похороны Дзержинского», в котором остались невырезанными объявленные «врагами народа» Л.Б.Каменев и Г.Е.Зиновьев. Оба виновника «идеологической диверсии» были приговорены к трем годам лишения свободы, а ряд сотрудников уволен [3, с.28; 16, л.11–11 об.]. Возможно, это была основная причина его ухода с поста директора архива.

Илья Моисеевич Гейцман. Фотография из следственного дела 1938 г. ГАРФ. Ф. 10035. Оп.1. Д. П-33709

После шести месяцев работы он был вынужден уволиться и из «Интуриста», окончательно став персональным пенсионером [16, л. 19].

Дело «контрреволюционной латышской террористической организации»

В эпоху «Большого террора» судьба Гейцмана складывается трагически, как и судьбы многих бывших анархистов. 8 февраля 1938 г. он был арестован по обвинению в участии в «к[онтр]р[еволюционной] латышской террористической организации» и шпионской деятельности [16, л. 1–4]. Это легко объяснимо. Ведь среди друзей и товарищей Гейцмана по архивной работе было немало латышей: заведующий Военным отделом Центрального архивного управления (ЦАУ) СССР Ян Янович Буберг, заместитель директора Центрального военного архива Герман Кришьянович Вальдбах, бывший директор ЦФФКА Александр Даугель-Дауге, начальник ЦАУ Ян Янович Берзин и др. Но наиболее близкие, дружеские отношения со времен событий Гражданской войны в Сибири, сложились у Гейцмана с заведующим издательством «Академия», известным партийным деятелем Яковом Давыдовичем Янсоном. Вопрос о связи с этими людьми был первым, который следователь задал

Гейцману на допросе [16, л.9 об., 10, 26]. Кроме того, Илья Моисеевич посещал Латышский клуб в Москве и провел молодые годы в Двинске (Даугавпилсе), который теперь входил в состав Латвии. На момент ареста он поддерживал переписку со своей родной сестрой, Софьей Батан, проживавшей в этом городе [16, л.2, 7 об., 9 об.]. Наконец, по указанию Берзина, он подбирал в архиве информацию об участниках латышских стрелковых полков времен Первой мировой войны, которые должны были передаваться в посольство Латвии [16, л.11 об.]. Поводом для ареста стали показания одного из арестованных.

Подследственных, проходивших по этому делу, регулярно избивали, о чем свидетельствуют показания одного из сотрудников ГУГБ НКВД, в 1955 г. допрошенного в ходе расследования дел Берзина, Гейцмана и др. сотрудников ЦАУ [16, л.82–83]. Под давлением следствия Гейцман 14 марта и 11 июля дал показания, оговорив себя и «сознавшись» в работе на японскую и латвийскую разведки, а также в том, что был активным участником подпольной латышской организации, поименованной в обвинительном заключении, как «к[онт]р[революционная] фашистская шпионская группа латышей, существовавшая в Центральном архивном управлении (ЦАУ) СССР» [16, л.51].

Также он заявил, что подбирал документы в архиве по заданию латвийской разведки, с целью поиска фактов, дискредитирующих советскую власть, а также – якобы передал в Латвию из архива некие карты секретных дорог [16, л.13–29]. В связи с арестом Гейцман был исключен из партии и 2 августа 1938 г. постановлением тройки УНКВД по Московской обл. приговорен к расстрелу. 16 августа приговор был приведен в исполнение [16, л.53, 93].

Имя уже расстрелянного Гейцмана было использовано сотрудниками НКВД в новом групповом деле, «Анархического центра», создание которого приписывалось бывшим анархистам П.А.Аршинову, И.В.Саблину, Е.З.Ярчуку и анархистке М.В.Петросовой [см.: 39, 40]. В показаниях, которые избиваниями, пытками сотрудники НКВД добыли у подследственных, Гейцман был объявлен одним из участников придуманного «центра». Ему же приписывалась вербовка в подпольную анархистскую организацию бывшего анархиста П.П.Базыльчука [16, л.132–133, 144–149, 151, 153, 155–161].

Постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 16 июля 1957 г. Гейцман был реабилитирован [16, л.96]. В докладе по делу латышей, сотрудников ЦАУ, составленном 26 сентября 1955 г. заместителем прокурора Московского Военного округа, подполковником юстиции

Трапезниковым, отмечается: «Гейцман, Вальдбах и Буберг расстреляны по решению тройки НКВД. Хотя они на предварительном следствии дали признательные показания, их показания противоречивы, не подтверждены никакими объективными материалами, они должны расцениваться как оговор и самооговор, вызванные применением к ним заповещенных законом методов следствия. [...] Проведенной в 1955 году проверкой их принадлежность к агентуре иностранных разведок не подтвердилась» [16, л. 59]. Отмечалось и то обстоятельство, что офицеры 3-го отдела ГУГБ НКВД, осуществлявшие следствие по делу Гейцмана, были осуждены в 1939 г. за фальсификацию следственных дел [16, л. 92].

Судьба Гейцмана является достаточно характерным явлением для России и СССР первой половины XX в. Рабочий, связанный со средой интеллигенции, через участие в рабочем движении он становится профессиональным революционером. Затем взгляды Гейцмана радикализируются под влиянием анархистских идей и пережитого опыта социально-политической борьбы. Обладая личностными качествами, необходимыми для организатора, пропагандиста и боевика, Гейцман трижды в своей жизни становится региональным лидером в анархистском движении. Затем он интегрируется в состав правящей элиты Советского государства. Являясь сторонником единого революционного фронта уже с осени 1917 г., Гейцман все теснее сближается с большевиками и со второй половины 1918 г. фактически действует под их руководством. В результате в 1920–1923 гг. происходит постепенный разрыв с анархистами. В условиях становления Советской власти, а затем – на различных этапах гражданской войны он, как и многие харизматичные деятели леворадикальных партий и движений, оказался востребован в рамках управленческого аппарата Центросибири и дальневосточных «буферных» государственных образований. Здесь, в условиях отдаленности от центра, он получает возможность для проявления политической инициативы, определенной самостоятельности. Окончание гражданской войны коренным образом изменило его жизненную ситуацию. Он становится рядовым чиновником НКВД, недостаточно высокого уровня. Гейцману дают возможность работать на интересующих его направлениях (Чехословакия, Дальний Восток), ограничивая роль исполнителя решений центра и пропагандиста. Получив возможности для карьеры в государственном аппарате, он не смог реализовать их, поскольку оказался неспособен адаптироваться к требованиям новой политической реальности. Итогом стало разочарование, а затем – уход в частную жизнь и гибель в эпоху Большого террора.

Библиографический список

1. Анархистские движения России и Русского Зарубежья: Документы и материалы. 1922–1941 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 806 с.
2. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 т. Т.2. 1917–1935 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 590 с.
3. Баталин В.Н., Малышева Г.Е. История Российского государственного архива кинофотодокументов. 1926–1966 гг. СПб.: Лики России, 2011. 245 с.
4. Быковский С.А. Анархисты – члены Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1935. Бывшие члены общества во время Большого террора. Материалы международной научной конференции (26–28 октября 2001 г.). М.: Общество «Мемориал», Изд-во «Звенья», 2004. С.83–108.
5. Виленский-Сибиряков В. Центросибирь (Борьба за Советы в Сибири в 1917–1918 гг.) // Центросибирцы. Сборник памяти погибших членов Центрального исполнительного комитета Советов Сибири 1918 года. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С.5–27.
6. Волин В.М. Предупреждение // Волна. Август 1922 г. №32. С.32.
7. Волин В.М. Предупреждение анархистам и революционным синдикалистам // Волна. Октябрь–ноябрь 1922. №34–35. С.31.
8. «Всероссийская конференция анархистов» (с разрешения ГПУ) // Рабочий путь. Август 1923. №6. С.14–15.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.63. Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Москве (Охранное отделение) при Московском градоначальнике. Оп.50. Д.188. Дело с разработкой перлюстрированного письма из Лондона от Ривкина Нахмана (Наума) Хаимовича в Иркутскую губернию ссыльнопоселенцу Малайдаху Гавриилу Фаддеевичу для передачи Гейцману Ицэку-Исааку Мовшевичу-Фейвишевичу (он же «Хаим Лондонский»). В письме упоминаются резолюции конференции «Анархистов-коммунистов ссыльных Сибири», журнал Красного креста «Помощь».
10. ГАРФ. Ф.102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп.205. Д.87. О Симоне Кацеве (ОКС), Исааке Гейцмане, обвиняемых по 102 ст. Уголовного Уложения.
11. ГАРФ. Ф.102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп.226. Д.6, ч.1882. О розыске лиц по делам политического характера, подлежащих обыску и безусловному аресту. Мещанина Ицка (Исаака) Мовшева Файвишева Гейцмана. 1898 г.
12. ГАРФ. Ф.102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп.238. Д.12, ч.6. Анархисты по Виленской губернии. 1908 г.
13. ГАРФ. Ф.102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп.246. Д.12, ч.27, л.Б. Партия анархистов. Иркутская губерния и Якутская область. Агентурные сведения.

14. ГАРФ. Ф.533. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Оп.2. Д.427. Гейцман Илья Моисеевич (11 ноября 1924–1 июля 1935).

15. ГАРФ. Ф.533. Оп.1. Д.496. Стенограммы заседаний. Воспоминания о революционной деятельности среди евреев в Вильно, Минске, Варшаве, Бердичеве, Двинске и др. городах Западного края и о деятелях еврейского движения: Душане, Виленском, Энгельсоне и др. Выступили: Цивья, Капельзон, Ясинский, Мицкун, Мейер, Гранатштейн, Гольдман, Лурье, Гейцман, Красный и др.

16. ГАРФ. Ф.10035. Управление Комитета Государственной Безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области. Оп.1. Д.П-33709. Следственное дело. Гейцман Илья Моисеевич, 1879 г.р.

17. ГАРФ. Ф.Р-5325. Главное архивное управление при Совете министров СССР (Главархив СССР). Главное архивное управление при Кабинете министров СССР. Оп.12. Д.416. Гейцман Илья Моисеевич.

18. Гейцман Илья Моисеевич // Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. С.111.

19. Гейцман Илья Моисеевич // Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. С.135–136.

20. Гейцман Илья Моисеевич // Жертвы политического террора в СССР (База данных). – Открытый лист. – [Электронный ресурс]: <http://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 19.09.2018).

21. Гейцман И.М. Оптимист революции. (Из записок бывшего анархиста) // Каторга и ссылка. 1924. №3(10). С.31–40.

22. Гейцман И.М. Анархисты // Сибирская советская энциклопедия. Т.1. Новосибирск: Сибирское краевое изд-во, 1929. С.110.

23. Глушаков Ю.Э. «Революция умерла! Да здравствует революция!»: Анархизм в Беларуси (1902–1927). СПб.: ШИСС, 2015. 171 с.

24. Дальсовнарком. 1917–1918 гг. Сборник документов и материалов. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1969. 375 с.

25. Ермаков В.Д. Анархисты на фронтах гражданской войны 1917–1922 годов. СПб.: СПбГИК, 2018. 271 с.

26. К вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции // Анархический вестник. Июль 1923. №1. С.59–72.

27. Кожин Д.А. Становление первых советских органов государственной безопасности Иркутской губернии (ноябрь 1917 – июнь 1918 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. №3(86). С.22–26.

28. Кривенький В.В. Гейцман // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. С.147.

29. Морозова Т.И., Шишкин В.И. «...В боевые ряды революционной коммунистической партии»: прием бывших социалистов в РСДРП(б)–РКП(б) в 1917–1924 годах // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2020. Т. 19. №8: История. С.86–87.
30. Николаевск-на-Амуре. Страницы истории: Сборник архивных документов об истории развития города Николаевская-на-Амуре. Хабаровск: Изд-во Хворова А.Ю., 2015. 735 с.
31. Пастухов А.М. Конфликт на КВЖД. Война, которую решили забыть. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2022. 572 с.
32. Подвиг Центросибири: сборник документов. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1986. 479 с.
33. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 16435. Письмо И.М.Гейцмана В.И. Ленину, с пояснительной запиской Ф.Э.Дзержинского. 7–9 декабря 1920 г.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Центральный комитет КПСС. Оп. 100. Д. 965. Гейцман Илья Моисеевич.
35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 239. Протокол №91-а заседания Политбюро ЦК РКП(б) за 20–25 января 1922 г., пункты 1–14 (Подлинник) и материалы к протоколу. 20–25. I. 1922 г.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Центральный комитет КПСС. Оп. 169. Д. 29. Об анархистах.
37. Рублев Д.И. Российский анархизм в XX веке. М.: Родина, 2019. 702 с.
38. Рублев Д.И. Гейцман Илья Моисеевич // Россия в Гражданской войне (1918–1922 гг.): энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 503–504.
39. Рублев Д.И. Следствие и суд по делу П.А. Аршинова (1938–1940 гг.): судьба бывшего анархиста в годы большого террора // Жить историей и думать о будущем: Сборник статей и материалов к 60-летию доктора исторических наук К.Н. Морозова. М.: [б.и.], 2021. С. 467–478.
40. Рублев Д.И. Следствие и суд по делу Е.З. Ярчука (1938–1940 гг.): к истории репрессий против бывших анархистов в годы Большого террора // Апология безвластия: Анархистская альтернатива решения социально-политических проблем. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. С. 315–327.
41. Савченко В.А. Діяльність анархістських організацій в Україні у 1903–1929 рр: історичний аспект та політична практика. Київ: Національна академія наук України, Інститут історії України, 2017.
42. Салеева Л.В. Николаевские события в архивных документах // IX Гродековские чтения. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Т. 1. Хабаровск: Изд-во ХКМ им. Н.И.Гродекова, 2018. С. 103–107.
43. Сливко С.В. Деятельность Дальистпарта по изучению истории революционного движения, гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России (1922–1939 гг.). Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2020. 225 с.

44. Словинский Д. Николаевские дни // Хлебниковские чтения. Альманах. Вып.1. Комсомольск-на-Амуре, 2010. С.38–48.
45. Станков Н.Н. Илья Моисеевич Гейцман и его проект для Чехословакии (1920 г.) // Славяноведение. Май–июнь 2019. №3. С.68–75.
46. Хипхенов Г.И. Крушение Центросибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. 611 с.
47. Ход конгресса // Волна. Март 1922. №27. С.16–24.
48. Худолей В.С. О наших разногласиях. (Письма из Москвы) // Волна. Декабрь 1923. №48. С.28–35.
49. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.Р-506. Ленинградское областное отделение Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Ленинград. 1924–1935. Оп. 1. Д.413. Стенографический отчет заседания секции по изучению революционного движения среди евреев по докладу Соломонова «Анархизм среди еврейских рабочих».
50. Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч.1: 1900–1918. Омск: Изд-во Омского педуниверситета, 1996. 203 с.
51. Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч.2: 1918–1925. Омск: Изд-во Омского педуниверситета, 1996. 170 с.
52. Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935 гг. М.: АИРО-XXI, 2015.
53. Юрьев Б.И. Гейцман Илья Моисеевич // Новая российская энциклопедия. В 12 т. М.: Энциклопедия, ИНФРА-М, 2008. Т.IV. Ч.2. С.112.
54. Heath N. Chaim The Londoner – from anarchist to Lenin sycophant. – [Электронный ресурс]: <https://libcom.org/article/geytsman-ilya-18741879-1938> (дата обращения: 20.04.2023 г.).
55. Judith Goodman papers, 1904–1930. – [Электронный ресурс]: <https://search.lib.umich.edu/catalog/record/990008032150106381?library=U-M+Ann+Arbor+Libraries&query=goodman%2C+judith+singer> (дата обращения: 21.04.2023 г.).

Прогресс –
не вопрос скорости,
а вопрос направления.

Неизвестный автор

Кто не прибегает к новым
средствам, пусть ожидает
новых болезней, потому что
время – величайший мастер
нововведений.

Фрэнсис Бэкон

Сергей Козлов

**«КАЖДЫЙ УСПЕХ В
ПРОМЫШЛЕННОСТИ...
ЕСТЬ ДРАГОЦЕННОЕ
ПРИОБРЕТЕНИЕ ДЛЯ
ОБЩЕСТВА»:**

**ЕФИМ СТЕПАНОВИЧ
КАРНОВИЧ (1793–1855)**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК

94(47).073

Статья открывает серию историко-биографических публикаций, посвященных аграрникам-новаторам России XIX – начала XX вв. В предлагаемой очерке комплексно проанализированы экономические взгляды и многолетняя хозяйственно-просветительская деятельность выдающегося помещика-рационализатора дореформенной России Е.С.Карновича.

The article opens a series of historical and biographical publications dedicated to the agrarian innovators of Russia in the 19th – early 20th centuries. The article comprehensively analyzes the economic views and long-term economic and educational activities of the outstanding landowner-innovator of pre-reform Russia, E.S.Karnovic.

Ключевые слова: дореформенная Россия; аграрная рационализация; просветительство; Е.С.Карнович.

Key words: pre-reform Russia; agrarian rationalization; enlightenment; E.S.Karnovich.

E-mail: sa-kozlov@yandex.ru

Многие годы судьбы выдающихся аграрников-новаторов России XIX – начала XX вв. оставались на периферии внимания ученых, поскольку хозяйственная и культуртрегерская роль дворянства зачастую преуменьшалась (большинство новаторов принадлежало к дворянскому сословию), а советские историки-аграрники традиционно отдавали предпочтение изучению крестьянского хозяйства. Что же касается экономической истории России конца XIX – начала XX вв., периода наиболее продуктивной и разносторонней деятельности рационализаторов, то вплоть до начала 1990-х гг. главным приоритетом советских исследователей отечественного предпринимательства (в т.ч. аграрного) оставалось выяснение предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции, а не хозяйственная история как таковая.

Негативно отразилась на перспективах изучения деятельности аграрников-практиков и судьба т.н. «нового направления» в советской историографии (к которому принадлежали В.П. Данилов, А.М. Анфимов, П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский и др.): концепция многоукладности российской экономики начала XX в. (а, de facto, и деятельности помещиков-новаторов) не «вписывалась» в идеологические догмы и схемы советской историографии. Позже сыграли свою роль и негативные моменты эволюции «позднесоветской» интеллигенции.

С.Е. Кургинян в 2015 г. подчеркнул: «В 90-е годы было сделано все возможное, чтобы старшее поколение не смогло передать младшему поколению эстафету, поддерживающую прогресс, и был запущен обвальный регресс, который не преодолен до сих пор» [41].

В конце XX в. сама идея частного предпринимательства на основе пассивных творческих усилий оказалась скомпрометирована в массовом общественном сознании в результате антигуманной государственной политики в контексте пресловутой гайдаровской «шоковой терапии».

Между тем рассмотрение деятельности аграрников-новаторов требует комплексного и идеологически непредвзятого научного анализа.

Повышенное внимание к отмеченным сюжетам во многом обусловлено и глубокими экономическими и социокультурными изменениями в жизни нашей страны на рубеже XX–XXI вв.: целый ряд, казалось бы, чисто теоретических проблем, связанных с внедрением аграрных инноваций в традиционный социально-хозяйственный уклад, приобрел конкретную практическую значимость в новых, «рыночных» реалиях постсоветского пространства. Перед обществом, как и раньше, встал нелегкий вопрос, готовы ли сами субъекты модернизационного процес-

са не только к новым, более динамичным формам жизнедеятельности, которые связаны с предприимчивостью, инициативой, рациональной организацией труда и быта, но и, вновь обратившись к созидательным ресурсам Традиции, к борьбе с процессом вестернизации?

Поскольку однозначный ответ на этот вопрос получить невозможно, обратимся к историческому опыту прошлого, включая успехи и неудачи российской аграрной модернизации XIX – начала XX вв. Кроме того, в современной России на первый план выходит проблема, связанная как с наиболее эффективным использованием пассионарной предприимчивости, крайне необходимой в сельском хозяйстве страны, так и с оптимальным согласованием государственных и частных интересов в решении глобальных общенациональных задач. Среди них – важнейшие проблемы по обеспечению продовольственной безопасности огромной евразийской державы в настоящее время в условиях глобального геополитического противостояния с Западом, опирающейся почти исключительно на собственные ресурсы. В этих условиях опыт аграрников дореволюционной России вызывает особый научный и практический интерес.

Фотография Е.С.Карновича. Время неизвестно

Жизни и деятельности выдающегося рационализатора и просветителя XIX столетия Е. С. Карновича посвящено небольшое количество печатных трудов. После смерти в 1855 г. [см. некролог: 44] его имя было на долгие годы забыто. Лишь видный экономист и статистик XIX в. Л. В. Тенгоборский в своей знаменитой книге «О производительных силах России» отметил ту важную роль, которую сыграл Е. С. Карнович в развитии русской текстильной промышленности [58, с. 183]. В работах советских историков упоминания о Е. С. Карновиче встречаются лишь эпизодически. Более детально изучением его хозяйственной деятельности занимались ярославские историки-краеведы С. С. Дмитриев и Л. Б. Генкин. С. С. Дмитриев подробно охарактеризовал крупный вклад Е. С. Карновича в дело организации и проведения в Ярославской губернии одних из первых в России «выставок сельских произведений», а также специальных льноводческих и льнопромышленных выставок [12]. Л. Б. Генкин в одной из своих статей привел ряд отдельных сведений о рациональном ведении хозяйства в имении Е. С. Карновича [10, с. 63–65]. Наконец, в книге Л. В. Яковлева упоминалось о деятельности Е. С. Карновича, направленной на развитие льноводства и распространение картофеля в Ярославской губернии [63, с. 11–14].

Среди современных исследований можно отметить статью 2008 г. в энциклопедическом издании по экономической истории дореволюционной России [35], а также ряд трудов краеведческого и историко-просветительского характера [31; 30; 5; 14; 46; и др.]. Кроме того, в современной научной литературе постоянно обращается внимание на отдельные аспекты многогранной культуртрегерской деятельности этой незаурядной творческой личности [33, с. 67, 70–72, 155–159, 245–246 и др.; 42, с. 22; и др.].

Имя Ефима Степановича Карновича в 30–50-е гг. XIX в. было хорошо известно едва ли не каждому образованному сельскому хозяину России. Современники высоко ценили его выдающиеся хозяйственные достижения, неутомимую аграрно-промышленную деятельность. Что же позволило Карновичу, скромному и небогатому ярославскому помещику, стать одним из наиболее авторитетных и уважаемых рационализаторов и просветителей своего времени, талантливым ученым и изобретателем?

**На пороге славных дел.
«Врожденная склонность
к сельскохозяйственным
занятиям»**

Е. С. Карнович родился 28 августа 1793 г. в имении «Пятницкая Гора» Ярославского уезда Ярославской губернии в двух верстах от с. Ве-

ликого (в настоящее время – центр Великосельского поселения Гаврилов-Ямского района Ярославской области) в семье, принадлежавшей к старинному дворянскому роду, внесенному в VI часть родословной книги Ярославской, Курской, Черниговской и Тульской губерний [7].

С.Е.Карнович

Дед Карновича, Степан Ефимович, «голштинской службы генерал-майор и русской службы бригадир», в 1761 г. был пожалован Петром III в графы герцогства Шлезвиг-Голштинского, однако ни он, ни его потомки этим титулом не пользовались [7].

Отцом будущего известного рационализатора был коллежский ассессор Степан Степанович Карнович. Его мать, Александра Ивановна, принадлежала к известному ярославскому роду дворян Самариных.

Ефим Карнович получил первоначальное образование как дома, так и в московском Благородном пансионе известного писателя, профессора Московского университета А. А. Прокоповича-Антонского, сыгравшего важную роль в его жизни. Е. С. Карнович выдержал в Московском университете экзамен «на степень студента», а в 1811 г. поступил на службу в Комиссию для составления военных уставов и уложений во главе со статс-секретарем М. Л. Магницким, учрежденную при Военном министерстве. После ее закрытия он работал в Инспекторском департаменте, затем в Департаменте разных податей и сборов Министерства финансов. В 1817 г. Е. С. Карнович был переведен в Ярославское губернское правление, а в 1818–1822 гг. работал в Московской межевой канцелярии. На страницах «Земледельческой газеты» в 1860 г. отмечалось: «Пребывание в Москве в это время много содействовало развитию в Карновиче врожденной склонности к сельскохозяйственным занятиям» [13].

Уже в ранней молодости Е. С. Карнович был горячим патриотом, стремившимся сделать все возможное для выхода крепостной России из глубокого экономического и социального застоя. Прослужив несколько лет, он убедился в том, что добиться этой цели на посту мелкого чиновника невозможно: бюрократическая делопроизводственная трясина, рутинная коррупция и чиновничество были губительны для деятельной и твор-

ческой личности [см.: 13]. Поэтому интересы Е. С. Карновича обратились на развитие сельского хозяйства, в котором к началу 1820-х гг. происходили важные перемены. Помещики все чаще стремились изменить архаичные экстенсивные формы и методы ведения хозяйства. Учрежденное в 1818 г. Императорское Московское общество сельского хозяйства (далее – ИМОСХ) с 1820 г. развернуло активную просветительскую работу [37, с.40–211].

**«Искренний поборник
сельскохозяйственной
деятельности»**

Е. С. Карнович с 1821 г. с большим интересом следил за работой ИМОСХ. Он принимает активное участие в переводе на русский язык

сочинений Альбрехта Тэера – выдающегося немецкого агронома XIX в., автора гумусовой теории питания растений. Впоследствии эти труды были изданы обществом и пользовались огромным успехом среди российских помещиков в качестве хозяйственных руководств.

Около 1822 г. Е. С. Карнович вышел в отставку в чине коллежского ассессора и, потеряв рано скончавшуюся любимую жену (урожденную Елизавету Васильевну Бестужеву, так и не оставившую мужу наследников), до конца своей жизни поселился в доставшемся ему в наследство от отца родовом имении «Пятницкая Гора» (местные крестьяне называли имение по его имени «Ефимьева гора»), находившемся в двух верстах от ярославского с. Великого. С этого момента вся его деятельность была неразрывно связана с ключевыми проблемами русского сельского хозяйства. В 1832 г. А. А. Прокопович-Антонский рекомендует его в действительные члены ИМОСХ как уже опытного и пользующегося большим авторитетом хозяина. Это предложение было единодушно принято.

Для изучения передовых способов ведения сельского хозяйства и развития льнополотняного производства Карнович в 1833–1834 гг. совершает заграничную поездку. Путешествие в Голштинию, Пруссию и другие европейские государства продолжалось более полугода. Ефим Степанович высылает на родину образцы новейших земледельческих орудий и агрономической литературы, переданные затем отечественным рационализаторам. В 1834 г. он возвращается в Россию. В том же году «Земледельческий журнал» – главный печатный орган ИМОСХ – опубликовал «Хозяйственные записки из путешествия в Германию», принадлежащие перу Карновича [24; 25]. Посвященные передовому немецкому аграрному опыту, они были приняты рационализаторами с особенным уважением, поскольку по своей содержательности стояли в одном ряду с сочине-

ниями крупнейших зарубежных агрономов Артура Юнга и Альбрехта Тэера. «Записки», а также другие статьи рационализатора сыграли важную роль в пропаганде новейших методов ведения сельского хозяйства в Центральной России.

Е.С.Карнович являлся убежденным сторонником перехода сельского хозяйства России к новым, более эффективным системам земледелия. Сравнивая сельское хозяйство Голштинии с трехпольным русским хозяйством, он отмечал, что севообороты, применяемые голштинцами, многопольные [24, с. 536]. Особое внимание он обратил на их продуманность и рациональность: «Нельзя сказать, чтобы голштинское хозяйство было совершенно, но все части онога в тесной между собою связи расположены и очень отчетисто (рационально)...» [24, с. 536].

В то же время Е.С.Карнович был противником механического, бездумного перенесения на русскую почву передового зарубежного агрономического опыта. Он полагал, что этот переход должен происходить постепенно, с учетом местных условий отдельных губерний и уездов страны. Отмечая, что одна десятина земли стоит в Ярославской губернии в 10 раз дешевле, нежели в Голштинии, и в России не платят поземельной подати, Е.С.Карнович считал, что «в России самое изобилие в земле препятствует усовершенствованию в земледелии, при нашем недостатке капиталов» [25, с. 680]. Он подчеркивал, что избыток земель заставлял большую часть хозяев производить огромные хлебные посевы, которые без надлежащего удобрения являлись «бесполезной тратой трудов и времени», а в частые для России засушливые годы – и бесполезной потерей семян [22, с. 183].

Помещик-рационализатор верно определил одну из главных преград на пути аграрной рационализации в нечерноземных губерниях страны: отсутствие в руках помещиков значительных денежных средств, и в то же время наличие у них крупных земельных ресурсов, что приводило к развитию хозяйства по экстенсивному пути. Он считал, что при наличии в России огромного земельного фонда, гораздо полезнее «сохранить чистый пар» в хозяйствах, а не дробить землю на отдельные клочки, как принято за границей [53, с. 492].

Со временем экономические взгляды Карновича существенно меняются. Около 1841 г. он представил в Министерство государственных имуществ большую статью «О средствах к переселению казенных крестьян из деревень на отдельные участки». Спустя 10 лет он отмечал, что окончательно убедился в правильности сделанных выводов. «Едва ли не в обычае делить в деревнях землю по душам ревизским

и по тяглам, – писал он, – а не по личным способностям, по капиталам... и по желанию домохозяев... В обычае, происходящем от жительства крестьян в деревнях, а не на отдельных участках, должно искать тайную причину малых успехов русского крестьянского земледелия» [3, л. 6].

Эти слова явно перекликаются с идеями будущего реформатора П.А.Столыпина. Неудивительно, что в дореформенную эпоху статья по цензурным соображениям так и не была напечатана.

Для анализа аграрных взглядов Е.С.Карновича исключительную ценность имеют записки известного немецкого экономиста Августа Гакстгаузена (1792–1866), посетившего имение «Пятницкую Горю» в 1843 г. Убеденный консерватор, он проявил незаурядную наблюдательность в оценке экономической жизни России. В своей книге Гакстгаузен весьма критически отзывался о хозяйственных способностях российских помещиков. Об этом свидетельствует и выбранный им эпитафия: «Россия: Сиж у моря и жду погоды (для русския помещика)». Однако, говоря о Е.С.Карновиче и его хозяйстве, Гакстгаузен не жалел восторженных эпитетов. По свидетельству экономиста, Карнович так говорил о характере русского крестьянина: «Всякий, имеющий с мужиком дело, должен всего более остерегаться неопределенности как в разговоре, так и в деле. Русский человек всегда стоит за определенное решение» [9, с. 75]. Особое значение Карнович придавал пробуждению народной инициативы, приобщению крестьян к передовым навыкам труда, сохранению православной веры.

По свидетельству Гакстгаузена, ярославский рационализатор очень резко отзывался о действиях правительственной администрации на местах. Чиновники, по его мнению, «портят народ», поскольку гасят в нем чувство справедливости, а «их распоряжения всегда носят характер произвола маленьких деспотов, низкого корыстолюбия, или гордого превознесения себя...» [9, с. 75].

Е.С.Карнович отрицательно относился к современной ему сельской общине, видя в ней преграду на пути развития как сельского хозяйства, так и частной крестьянской инициативы. На его оценку общинного землевладения ссылался позже в одной из своих работ Н.Г.Чернышевский, который цитировал слова Гакстгаузена о том, что такие опытные и образованные сельские хозяева, как Е.С.Карнович, невыгодно отзываються об общинном порядке и «думают, что земледелие не может идти вперед, когда такой принцип применяется во всей своей строгости» [61, с. 171]. Однако, как отмечал Н.Г.Чернышевский, этот общинный порядок

уже видоизменен в различных районах России, а для Ярославской губернии показательно в этом отношении именно хозяйство Е. С. Карновича, на свидетельствах которого, в основном, и основывается Гакстгаузен [61, с. 172].

По мнению Е. С. Карновича, существенным недостатком местного самоуправления в России являлось отсутствие «малых судов» и слишком медленное судопроизводство, «особенно чувствительное для неотложных дел крестьян между собою» [9, с. 76]. Отмечая также нехватку мировых судей, Е. С. Карнович подчеркивал, что не следует вводить их в длинную цепь чиновников, а должность мирового судьи должна быть почетным постом [9, с. 76].

Таким образом, взгляды Е. С. Карновича на состояние судопроизводства в России (в котором в эти годы имели место вопиющие для современников недостатки [см. также: 55, с. 77–80]) опередили свое время, вплоть до судебной реформы 1864 г., положившей начало появлению в России независимого суда.

Во время встреч с А. Гакстгаузенем Е. С. Карнович обратил его внимание на проблемы, стоящие перед нечерноземными губерниями. Он отметил, что «величайшее бедствие этой местности России состоит в том, что земледелие здесь плохо оплачивается, в результате чего почти никто не затрачивает денег на улучшение хозяйства, так как оно дает слишком малый процент прибыли» [9, с. 76].

В целом же взгляды Е. С. Карновича на развитие сельского хозяйства нечерноземной России представляли собой единую программу мероприятий, предназначенную, прежде всего, помещикам-рационализаторам. Она включала в себя ряд конкретных мер, направленных на развитие полеводства, животноводства и лесоводства как ключевых отраслей сельского хозяйства. Особенно важное значение имела разработанная Е. С. Карновичем программа интенсификации аграрного сектора Центрального Нечерноземья на основе широкого внедрения в хозяйство передовой техники. Он призывал российских помещиков смелее переходить от устаревшего трехполья к более выгодной выгонной системе земледелия, наиболее рациональной в условиях нечерноземных губерний. Е. С. Карнович стал одним из первых, кто понял и оценил ее преимущества [18; 20], отметив, что выгонное хозяйство требует гораздо меньше рабочих рук при одинаковом количестве земли [25, с. 695–96], что позволяло небогатым русским помещикам «средней руки» успешно обходиться без увеличения рабочей силы.

В то же время предлагаемый им путь аграрного развития был несовместим с крепостной системой, поскольку предусматривал активное применение новых систем земледелия (предпосылку его торговой специализации) и внедрение буржуазных отношений в крестьянские и помещичьи хозяйства.

Таким образом, программа Е. С. Карновича (разработанная, напомним, еще в 1840-х гг.) по своему объективному содержанию имела антикрепостнический характер. При этом он отмечал, что все его рекомендации следует относить лишь к нечерноземным губерниям Европейской России [25, с. 646]. В целом они были направлены на сближение отдельных отраслей сельского хозяйства центральных губерний, что в перспективе позволяло избежать экстенсивного пути развития в области аграрных отношений.

Аграрник-новатор, признанный современниками «искренним поборником сельскохозяйственной деятельности» [13], принимал активное участие в многочисленных сельскохозяйственных и промышленных выставках, проходивших в Центральной России.

Кроме того, Е. С. Карнович проявлял внимание и к перспективам сельскохозяйственного и промышленного развития других регионов страны. В 1850 г. вышла в свет его книга «О местности, весьма удобной для заведения фабрик на юге от Москвы», предназначенная, прежде всего, для русских промышленников-фабрикантов. В ней Карнович подробно исследовал район Бахмутского и Славяносербского уездов Екатеринбургской губернии и частично «землю донских казаков». Он подчеркнул необходимость всемерного развития там мануфактурной промышленности и земледелия, основанных «близ каменноугольных ломок России в самых выгодных... условиях местности» [21, с. 25]. Эти фабрики, – считал Е. С. Карнович, – облегчат и увеличат сбыт русских фабричных изделий не только в южной России, но также и за юго-восточную границу через Каспийское, а, возможно, и Черное море [21, с. 25]. Решение указанных задач имело в тот период для страны огромное хозяйственное и даже геополитическое значение.

«Осмысленное и умное управление» Е. С. Карновича

Вступив в управление имением в 1822 г., Е. С. Карнович обнаружил, что его хозяйство отличается «посредственными сенокосами» и обширными полями, которые давали «весьма скудные» урожаи. Он установил, что число занятых на полевых работах барщинных крестьян

превышает необходимость. Поэтому его первым хозяйственным мероприятием стало значительное уменьшение размеров господских полей с тем, чтобы «привести их в соразмерность» с сенокосами. Эта мера сразу же дала положительные результаты: облегчились полевые работы, заметно увеличился урожай хлебов, причем настолько, что превысил прежний уровень урожаев на более обширных полях.

Одной из причин такого успеха было то огромное внимание, которое Е.С.Карнович постоянно проявлял к организации удобрений. Он установил, что количество урожая при хорошей обработке почв в течение нескольких лет всегда находится в прямой зависимости от количества и качества удобрений. Следующим шагом стало введение в хозяйстве травосеяния и улучшенного травопольного хозяйства. При этом Карнович учитывал ценный хозяйственный опыт своего дяди, известного ярославского помещика-рационализатора Ивана Ивановича Самарина (1774–1847) [см. о нем: 36], в имении которого Ивахово еще в 1804 г. было введено четырехпольное хозяйство, а с 1826 г. и травосеяние.

И.И.Самарин.
Портрет неизвестного художника
второй половины XVIII в. (1789 г.),
Ярославский художественный музей

В конце 1820-х гг. Е.С.Карнович ввел в своем хозяйстве вначале восьмипольный, а с 1833 г., вернувшись из путешествия в Германию, – одиннадцатипольный севооборот с травосеянием и посевами льна; при этом использовался новейший земледельческий инвентарь. Помещик также изобрел усовершенствованную ярославскую соху-косулю (стоила в 10 раз дешевле плуга!), которую с успехом применяли в ряде хозяйств, в том числе на Вологодской учебной ферме. На различных сельскохозяйственных выставках неоднократно отмечались наградами усовершенствованные орудия труда крестьян Карновича, особенно талантливого

крепостного изобретателя Федора Малышева [32, л. 137].

К началу 1840-х гг. имение Е.С.Карновича «Пятницкая гора» представляло собой рационально построенный единый хозяйственный механизм с четкой организацией труда. Именно на это, прежде всего, обратил внимание Гакстгаузен, отметивший, что Карнович «довел свое

имение до такого положения, лучше которого я не видал во всей России, да и подобных которому, наверно, немного» [9, с. 77]. Некоторые ярославские помещики (кн. М. Д. Волконский и др.) с успехом заимствовали накопленный Е. С. Карновичем агрономический опыт [6, с. 137; и др.]. В то же время большинство местных помещиков ввиду отсутствия средств ограничилось переходом к четырехпольной системе земледелия.

Постепенно внедрялось травосеяние. Получили распространение в Ярославском крае активно пропагандируемые Карновичем кормовые травы: клевер, тимофеевка и др. «Русский биографический словарь» 1897 г. отмечал, что Е. С. Карнович первым из русских хозяев начал засеивать поля клевером [17]. На десятину земли он высевал до одного пуда семян, получая с нее в среднем 400 пудов «превосходного клеверного сена».

Е. С. Карнович и И. И. Самарин активно пропагандировали свой хозяйственный опыт на страницах периодической печати. Оба рационализатора вели успешную продажу клеверных семян помещикам и крестьянам Ярославской, Костромской и других губерний. В 1843 г. при Ярославском обществе сельского хозяйства открылось Депо семян, главной задачей которого стала организация надежного и выгодного сбыта семян улучшенных сортов.

Благодаря энергии и предприимчивости Е. С. Карновича и И. И. Самарина травосеяние перенимают не только помещичьи, но и государственные крестьяне. Заслуги помещиков-новаторов были признаны ведущими агрономами страны.

Примечательно, что практика травопольного хозяйства содействовала разложению общины, поскольку крестьяне стремились удержать за собой полосы, улучшенные культурой клевера и удобрениями. Это в корне подтачивало всю традиционную систему уравнительного пользования землей при помощи ежегодных переделов.

Вместе с тем хозяйственные новации внедрялись медленно. Так, многие помещики, которые ввели у себя травосеяние, впоследствии вынуждены были вернуться к архаичному трехполюю, поскольку не обращали должного внимания на агротехнические моменты, включая гипсование земель, их тщательную обработку и усиленное навозное удобрение. Крестьяне же зачастую не имели средств для внедрения посевов трав. В итоге начало широкого распространения травосеяния в крестьянских хозяйствах Ярославской губернии относится лишь к концу 80-х гг. XIX в.

Однако самый ценный результат деятельности Е. С. Карновича и И. И. Самарина заключался в том, что была найдена наиболее жизне-

способная в условиях нечерноземной России форма травопольного хозяйства. Имели важное значение и определенные ими опытным путем чисто технические стороны травосеяния: хозяйственные свойства различных кормовых трав; приемы их посева, уборки и хранения, сохранившие свое практическое значение и в конце XX в. [45, с. 67, 87 и др.; 47, с. 3, 5].

Разумеется, Е.С.Карнович был сыном своего сословия. Не случайно с 1830 по 1833 г. он избирался уездным предводителем дворянства.

Карнович принимал активное участие в мероприятиях по борьбе с холерой, обрушившейся на центральные губернии России (включая и с. Великое) в 1853 г.

Вся организация труда в его имении носила глубоко продуманный характер. Крестьяне были разделены на три группы: 1) издельных, работавших на помещика по три дня в неделю; 2) полуоброчных; 3) оброчных, работавших лишь несколько дней в году [60, с. 107]. При этом количество оброчных крестьян с каждым годом возрастало [32, лл. 3, 63, 134, 241, 245, 293, 294, 358]. Особый интерес вызывает следующая особенность управления имением: сами крестьяне распределяли между собой все работы и могли, по взаимному соглашению, быстрее выработать рабочие дни [60, с. 107]. Таким образом, им была предоставлена определенная хозяйственная самостоятельность.

На «господскую работу» мужчины посылались лишь с 16 лет. Юноши с 16 до 18 лет считались за «пол-работника», а с 18 лет – за «целого работника» [32, л. 197]. Труд малолетних детей был запрещен. Подростков в возрасте до 16 лет разрешалось посылать только на легкие работы. Девушки поступали на барщину также с 16 лет, но, поскольку их работа была значительно легче мужской, то они сразу зачислялись в работницы [32, л. 197]. В то же время они были освобождены до 18 лет от тяжелых работ по обработке льна. В приказе помещика особое внимание обращалось на то, что малолетних детей вместо взрослых без его особого распоряжения принимать на работу категорически запрещается [32, л. 197].

По приказам Е.С.Карновича были значительно сокращены трудовые повинности и оброк для бобылок, инвалидов и пожилых крестьянок. За успехи в труде крестьянам выплачивалось вознаграждение: за «переработанные летние дни» мужчинам – 15 коп. сер. в день, женщинам – 10 коп. серебром; в зимние дни – 10 коп. серебром мужчинам и 7 коп. серебром женщинам [32, л. 381].

Крепостные отношения, между тем, накладывали свой отпечаток: имели место случаи порчи инвентаря, самовольной вырубке господского леса, которые строго наказывались. Крестьяне, не выплатившие ста-

рых хлебных и оброчных недоимок, обычно переводились в наказание на «трехдневное изделие» (барщину) [32, л. 69]. Если работник опаздывал на работу, следующий день был обязан отработать другой член его семьи. Велась жесткая борьба с пьянством. Строгие правила регламентировали и жизнь дворовых людей имения. Никто из них не мог отлучаться в село или в другие места без разрешения старосты.

В то же время необходимо учитывать, что в дореформенную эпоху методы «тотального контроля» над крестьянством были жизненно необходимы, причем и для помещиков, и для самих крестьян, и для государства. Крестьянство, зажатое в тиски как суровой природной средой, так и социально-экономическим гнетом, стремилось вырваться из них отнюдь не на «свободу» (этого понятия для него не существовало), а на «волю», которая изначально ассоциировалась в массовом народном сознании со вседозволенностью, «гульбою», безответственностью и хаосом (русского бунта, «бессмысленного и беспощадного»), страшились представители самых разных сословий, прежде всего, дворянства).

Е.С.Карновичу пришлось вводить аграрные новшества в течение ряда лет, преодолевая при этом упорное сопротивление крестьян, отдававших предпочтение «старым порядкам» [9, с. 67]. Примечательно, что труд наемных работников использовался в его имении не столько с целью увеличения прибыли, сколько для пропаганды среди крестьянства передовых методов труда и усовершенствованного земледельческого инвентаря. В имении был устроен специальный «магазин», в котором были собраны многочисленные веялки, плуги, бороны и другие орудия.

Постоянно проводились Е.С.Карновичем как селекционные, так и ботанические опыты, в том числе по определению глубины залегания различных растений. Помещик-рационализатор вел в своем имении и регулярные метеорологические наблюдения.

Из полевых культур в хозяйстве выращивались яровая неаполитанская пшеница, полба, овес трех видов, рожь (в основном, сорта ваза), английский ячмень и др. Сеялись также в значительном количестве греча, скороспелый горох и льняное семя. Из многих сортов картофеля, выращиваемых в имении, лучшим считался мраморный саксонский. В 1842 г. уже все крестьяне Карновича сажали картофель в полях в значительном количестве [48, с. 90]. В имении производилась и переработка картофеля в крахмал. Особое значение имели практические выводы, сделанные рационализатором в результате многолетних наблюдений за посевами картофеля для получения высоких урожаев этой сравнительно новой для Ярославского края сельскохозяйственной культуры [26, с. 292–293].

В целом же, Е. С. Карнович внес значительный вклад в дело распространения картофелеводства в Ярославской губернии в дореформенный период, активно пропагандируя его рациональное возделывание, хранение и переработку не только у помещичьих, но и у государственных крестьян.

Кроме того, именно Е. С. Карнович положил начало широким посевам в России рапса – новой для страны сельскохозяйственной культуры, внедрение которой позволяло крестьянам, не имеющим запаса хлебных яровых семян, компенсировать его путем получения рапсового масла и высоких урожаев культур, следующих за рапсом в севообороте [50, с. 140].

Зажиточность местных крестьян, ставшую прямым следствием хозяйственных начинаний [32, лл. 63, 134, 136, 245, 293], а также «осмысленного и умного управления» [13] Е. С. Карновича отмечали многие современники. В имении практически не было пьянства и воровства. Хотя в окрестных селениях издавна действовали раскольники (хлысты, федосьевцы и др.), поместные крестьяне к ним не примкнули.

Е. С. Карнович проявлял постоянное внимание и интерес к повседневным нуждам и заботам своих крепостных крестьян. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы его вотчинной документации. Помещик неоднократно давал крестьянам займы хлеб, сено, сельскохозяйственный инвентарь [32, лл. 159, 227, 365 об. и др.]. Вместе с тем и здесь необходим был строгий учет и порядок. 24 мая 1844 г. он составил приказ, в котором говорилось, что, поскольку в течение года крестьянам давали займы хлеб, сено и солому без записи в долговую книгу, то они должны составить особый реестр и сдать свои задолженности [32, л. 227]. При этом в приказе отмечалось: «Это для их же пользы делается, чтобы и в другой год можно было им дать займы» [32, л. 227]. 24 ноября 1851 г. Е. С. Карнович объявил о том, что со следующего года он берет на себя выплату половины подушных и земских крестьянских повинностей с платежом по 17 коп. сер. с души – всего же 29 руб. сер. [32, л. 337]. Кроме того, помещик даже лично выступал в качестве поручителя за отдельных крестьянок, отдавая при этом приказ о выделении им средств «из мирской суммы» [32, л. 351 об.].

Особенно важное значение имело такое хозяйственное новшество Карновича, как проведенный им в мае 1842 г. передел крестьянской земли в имении «Пятницкая гора», сопровождавшийся изменением ряда повинностей. С этого времени на каждое тягло издельных крестьян из двух душ полагался значительный участок пахотной земли с сенокосом [32, л. 40]. «Надежным хозяевам» помещик предоставлял возможность брать полто-

ра, два и более участков земли и в соответствии с этим нести необходимые повинности. Такой порядок устраивал и самих крестьян, и их владельца.

Хозяйство ярославского рационализатора не случайно приобрело широкую общероссийскую известность. Оно базировалось на передовой агрономической науке того времени. Успехам способствовали и незаурядные личные качества его владельца, прежде всего хозяйственность, глубокие знания, трезвый расчет, аналитический склад ума, понимание особенностей крестьянской психологии. Именно поэтому Е. С. Карнович по праву признавался одним из лучших агрономов-практиков России.

Одной из главных причин хозяйственных достижений Е. С. Карновича явилось то обстоятельство, что он правильно учел особенности развития сельского хозяйства не только в своем уезде, но и во всей Ярославской губернии, и даже во всей нечерноземной полосе страны. Эти особенности заключались в том, что земледелие, луговое хозяйство и скотоводство не составляли здесь отдельных отраслей. Осознав этот фактор, Карнович искусно выстроил систему хозяйствования, обратив особое внимание на полеводство и применение многопольных севооборотов, а также на внедрение травосеяния.

Жизнь подтвердила правильность выбранной Е. С. Карновичем хозяйственной стратегии. Не случайно красный клевер в XX в. стал основной кормовой культурой Ярославского края [11, с. 3]. Оправдалась и другая идея Карновича, постоянно вводящего клевер в многопольные севообороты. Как показали испытания, проведенные уже спустя столетие, именно луговой клевер является лучшей предшествующей культурой для льна [11, с. 3].

Е. С. Карнович внес большой вклад в развитие крестьянского образования в Ярославской губернии. В его имении обучение грамоте и счетоводству было введено для мужчин около 1820 г., а для девушек – около 1844 г. [44, с. 13]. Грамоте здесь учились целыми семьями; при этом регулярно устраивались экзамены. Обучение велось по дешевому букварю митрополита Платона, стоившему всего 6 коп. и вполне доступного крестьянам. Кроме того, в своем доме Карнович устроил школу для детей крестьян и дворовых людей, в которой обучалось около 20 мальчиков и девочек в возрасте от 7 до 13 лет [9, с. 91]. Как отмечал Гакстгаузен, если у мальчиков проявлялись способности к занятиям, помещик «давал им и большее образование» [9, с. 91].

Именно по инициативе Е. С. Карновича в 1842 г. было учреждено объединившее местных помещиков-рационализаторов Ярославское общество сельского хозяйства – флагман всей местной аграрной рационализации

в XIX – начале XX в. [34], а сам он являлся его секретарем на протяжении первых шести лет работы общества. Координируя и направляя всю деятельность ЯОСХ, он провел огромную организационную работу, направленную на изучение и усовершенствование сельского хозяйства, льнополотняной промышленности и просвещения Ярославского края.

**Любимое детище –
льнополотняная
промышленность**

Карнович, являвшийся с конца 30-х до середины 50-х гг. XIX в. одним из главных специалистов страны в области льноводства, выдвинул и подробно разработал программу подъема льнополотняной промышленности Центральной России. Она включала в себя все стадии изготовления льняных изделий от выращивания льна до производства готовой продукции на крупных прядильнях капиталистического типа. Важное место в этой программе отводилось пропаганде среди крестьян улучшенного травопольного хозяйства.

Ярославская губерния была традиционным районом выращивания льна и изготовления льняного полотна. Особенно крупным центром ткачества полотен и льноторговли являлось с. Великое. Добавим, что еще мать Е.С.Карновича была известна тем, что «с особенной любовью занималась льняным и полотняным делом» [13]; эта черта ярко проявилась и у ее сына.

Во время своей заграничной поездки 1833–1834 гг. Е.С.Карнович обратил особое внимание на льняное производство. В 1835 г. в «Земледельческом журнале» была опубликована его статья, в которой выделялись три главные причины, препятствующие развитию русской льняной промышленности: господство трехпольного хозяйства, отсутствие «изобильных сенокосов» и существующий традиционный способ обработки льна [23, с.227–228]. Автор выдвинул ряд практических мер, направленных на быстрейший подъем этой отрасли хозяйства. Рекомендации включали в себя пропаганду среди крестьян улучшенного травопольного хозяйства, использование передового зарубежного опыта (льноводов Фландрии) [23, с.252–254].

Характерно, что мысль рационализатора отнюдь не замыкалась на подъеме льняной промышленности. Во всех его работах отчетливо проступает стремление к комплексному решению назревших проблем помещичьего и крестьянского хозяйства. Особый интерес вызывает вывод Е.С.Карновича о необходимости всемерного поощрения разделения работ в форме специализации отдельных трудовых операций, которое,

как он отмечал, «одно может вести к совершенству в каждом роде промышленности» [23, с.252]. Эта идея развивалась и в других его печатных трудах.

Е.С.Карнович предложил программу быстрого подъема льнополотняной промышленности Верхневолжского региона. Именно по его инициативе в с. Великом с 1852 г. проводились регулярные льноводческие и льнопромышленные выставки.

В 1846 г. Е.С.Карнович был командирован за границу вместе с С.С.Заблоцким и Т.С.Гартигом для изучения положения этой отрасли хозяйства. Результаты исследования были изложены в фундаментальном сочинении «О состоянии льняной промышленности в Германии, Голландии, Бельгии, Франции и Великобритании», в котором был предложен ряд важных мер для улучшения российского полотняного производства: введение на мануфактурах передовой техники, переход к механическому прядению льна и др. [52; см. также: 15].

Важное место в разносторонней деятельности Е.С.Карновича отводилось изучению истории льнополотняной промышленности России и особенно Ярославского края, причем в тесной связи с современными ему хозяйственными задачами [19]. Он подчеркнул, что машинное пряденье льна заслуживает особого внимания, а распространение и усовершенствование его в самое короткое время «есть одно из замечательнейших явлений в промышленности XIX века» [19, с.5].

2 июня 1847 г. Е.С.Карнович отправил в Министерство государственных имуществ записку «Об учреждении машинного пряденья внутри России», в которой доказывал настоятельную необходимость организации льнопрядилен в Ярославской либо Костромской губерниях и просил помощи правительства [1, лл. 2–3 об.]. Однако отзыв министра финансов от 26 июля 1847 г. гласил, что введение механического прядения зависит не от правительства, а от предприимчивости частных лиц [2, лл. 6–6 об.], что фактически означало отказ от любых форм государственной помощи российским предпринимателям.

В работах Е.С.Карновича последовательно проводилась идея равноправного участия всех сословий российского общества в подъеме производительных сил страны. «Каждый успех в промышленности, делающий произведение ее более совершенным или по дешевизне более доступным для всех классов и состояний, – есть драгоценное приобретение для общества» [19, с.9], – подчеркивал он. Однако реализовать эти идеи на практике в условиях крепостничества оказалось невозможно.

Отметим также, что принцип специализации работ по обработке льна, впервые выдвинутый Е.С.Карновичем в 1835 г., еще только утверждался как в России, так и в Западной Европе. Таким образом, идеи российских рационализаторов отнюдь не отставали от передовой технической мысли западноевропейцев, однако, сохранение крепостничества не позволило в полном объеме реализовать эти начинания.

Важным шагом в развитии льнополотняной промышленности страны стало учреждение в имении Е.С.Карновича Талицкой белильни по обработке полотен. В 1837 г. ему была выдана государственная ссуда в размере 30 тыс. рублей на 15 лет, с освобождением на 5 лет от платежа процентов. Летом того же года в его имение был приглашен немец-белильщик Ф.В.Гартман из Билефельда (позже, в 1844 г. получивший русское гражданство). Выбрав для строительства белильни участок при р. Талице Назарьевской волости Ярославского у., Карнович нанял его у государственных крестьян сроком на 18 лет с ежегодной платой 420 рублей 20 коп. ассигнациями при условии, что после истечения срока договора все строения белильни будут принадлежать крестьянам [49].

В белильне работали вначале пять, а затем семь наемных рабочих, при этом использовались отделочные операции, в те годы крайне редко применявшиеся в России: крахмаление полотен и «подсвечивание» их синькой. Плата за белиние была невысока – в 1839 г. по 8 коп. ассигнациями, а в 1846 г. – по 12 коп. ассигнациями с аршина, с целью «поощрения тем самым жителей приносить полотна для белиения» [49, с.96].

В 1839 г. образцы продукции белильни были признаны «заслуживающими особенного внимания» на петербургской промышленной выставке, а Е.С.Карнович получил от императора в награду бриллиантовый перстень «за усилия по усовершенствованию льняных изделий Ярославской губернии» [59, с.44, 45, 79].

Особое значение имело то обстоятельство, что Талицкой белильней могли пользоваться представители всех сословий.

В сентябре 1844 г. на выставке сельских произведений в с. Великом (инициатором регулярного проведения этих выставок стал Е.С.Карнович) были закуплены полотна для царского двора на сумму свыше 2300 р. сер. [51]. При этом из шести полотен, употребленных на личные сорочки императора, три куса полотна были выбелены на Талицкой белильне. На другой великосельской выставке 1850 г. для двора было закуплено 3489,5 аршин льняного полотна и 74 платка на общую сумму 2789 р. 79 коп. сер. [8]. Все изделия были обработаны на Талицкой белильне. Эти закупки имели большое рекламное значение как для раз-

вивающейся льняной промышленности губернии, так и для пропаганды и распространения нового способа белиения полотен.

В конце 1841 г. для «фламандского белиения полотен» было учреждено товарищество, в которое вошли Е.С.Карнович, один из лучших полотняных торговцев столицы купец Бобренков и другие предприниматели. Первоначальный капитал составил 40 тысяч рублей ассигнациями. Полотна успешно сбывались в Москве и Санкт-Петербурге.

Несмотря на первоначальную недооценку хлорового белиения, вперые введенного им в конце 1842 г., Карнович расширил этот отдел своей белильни. Будущее показало, что тем самым был сделан важный шаг в развитии русской льнополотняной промышленности. Даже в Бельгии, занимавшей тогда передовые позиции в области обработки льна, хлоровое белиение употреблялось в крайне незначительных размерах [4]. В 1851 г. Карнович представил полотна из Талицкой белильни на Всемирную Лондонскую выставку, на которой получил за них премию и медаль второй степени [29, с. 15].

В 1855 г., после смерти Е.С.Карновича, белильня перешла к его племяннику В.Г.Карновичу, при котором выпуск продукции сократился: так, в 1856 г. было выбелено всего 42295 аршин полотна на сумму 1333 рублей 76 копеек ассигнациями [54, с. 12]. Однако свою историческую задачу Талицкая белильня к тому времени уже выполнила, положив начало распространению в России химического (спиртового) белиения с помощью хлора [58, с. 167]. Этот способ нашел особенно широкое признание среди крестьян, поскольку отличался невиданной быстротой процесса отбеливания (от 4 до 9 дней), дешевизной, не зависел от капризов погоды (как раньше при вымачивании льна) и позволял получать изделия самого высокого качества [58, с. 167–168].

Новый способ обработки полотна быстро распространился как на промышленных предприятиях, так и среди крестьян центрально-нечерноземных губерний. В 1856 г. в одном только Ярославском уезде уже насчитывалось пять белилен [54, с. 12]. Среди всех попыток (в том числе многих иностранных специалистов) введения в России новых систем обработки полотна этот метод оказался наилучшим.

Именно Е.С.Карнович внес наибольший вклад в усовершенствование отечественной льнополотняной промышленности дореформенной России, включая повышение качества льна и пеньки, приведение их в соответствие с требованиями европейских потребителей.

В 1837 г. в имении «Пятницкая Гора» была открыта практическая школа для обучения крестьян передовым методам выращивания и об-

работки льна. С этой целью из Клейн-Роопской фламандской колонии близ Риги было выписано за счет Карновича на три года семейство искусных фламандских льноводов. Ученики принимались в школу на полгода и должны были обучаться выращиванию и обделке льна, а также полевым работам в имении Карновича. При этом крестьяне, присланные из черноземных губерний, обучались также фламандскому способу посева и уборки мака, ярового рапса и табака. Крестьянки принимались для обучения также на полгода и учились приготовлению льна для пряжи с помощью железных гребней, а также выделке пряжи, годной «для лучших полотен на манер голландских».

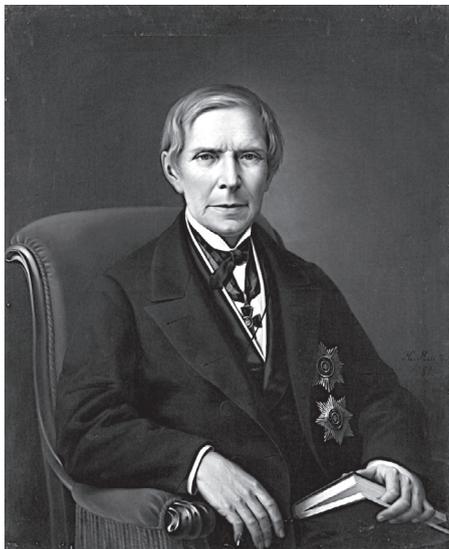
За обучение мужчин взималась плата в 75 руб. ассигнациями, женщин – 60 руб. ассигнациями. Уже в первый год существования школы в нее было направлено 23 ученика из Ярославской и других губерний: Вологодской, Костромской, Новгородской, Тверской, Нижегородской и Калужской. В 1838 г. в имение Карновича было прислано 13 мужчин и 14 женщин, в том числе 16 – из Ярославской губернии и трое прошлогодних учеников. Тем самым, как отмечал в 1839 г. «Журнал мануфактур и торговли», в России было «положено успешное начало улучшениям в возделывании, обработке и прядении льна» [49, с. 86].

24 марта 1838 г. Е. С. Карнович был награжден Московским обществом сельского хозяйства золотой медалью за учреждение школы и «беление полотен по голландскому способу» [16, с. 248].

Е. С. Карнович стремился наладить постоянное сотрудничество между рационализаторами и учеными центральных губерний России. Он стал инициатором и организатором первой сельскохозяйственной выставки в Ярославской губернии (1837), «выставок сельских произведений», льноводческих и льнопромышленных выставок в с. Великом.

Секретарей Ярославского и Московского обществ сельского хозяйства (Е. С. Карновича и С. А. Маслова) связывали многолетние дружеско-деловые отношения; к тому же оба они входили в состав ИМОСХ. Неудивительно, что 24 февраля 1853 г. ярославские рационализаторы избрали С. А. Маслова [см. о нем: 38, с. 123–188] действительным членом Ярославского общества сельского хозяйства.

В конце 1830-х гг. Е. С. Карнович организовал в своем имении ферму (12,5 дес. пахотной земли, лугов и выгонов), хозяйство которой вели уже знакомые нам фламандские крестьяне-арендаторы, перевезенные из Лифляндии. По свидетельству Гакстгаузена, это был первый в России опыт изменения крепостных отношений на арендаторские [9, с. 66]. Следующим шагом стало заключение арендного контракта. Помещик

С.А.Маслов. Портрет работы Н.Ф.Яша (1881). Государственный Эрмитаж

сам обучил семью фламандцев Штейнкейсте передовым агрономическим навыкам. Но главное, – впервые на практике была доказана выгодность создания в Центральном Нечерноземье хозяйства фермерского типа.

Е.С.Карнович отводил своему арендаторскому хозяйству роль посредника от старого к новому. Он подчеркивал, что русский крестьянин отлично понимает, что для него выгодно, и, если найдет выгодным новое хозяйство, то легко переймет его [9, с.67]. Аграрник был твердо убежден, что этот опыт со временем широко распространится в России. При этом фермам отводилась решающая роль в процессе приобщения местных крестьян к новейшей аграрной технике, рациональной организации труда, а также в деле ликвидации неграмотности в деревне [см. также: 33, с.360–361]. Подвижник отмечал: «Постоянство и терпение суть также логика сильная... а если не удастся ими победить, то... постараюсь утешиться мыслью, что я сделал все, что от меня зависело, чтобы быть полезным» [цит. по: 4].

Е.С.Карнович занимался селекцией семян картофеля. Он провел серию ценных аграрно-промышленных опытов по выращиванию и обработке льна, доказавших преимущества более прогрессивного фламандского способа. Предложенный Карновичем способ лежит в основе

биологической мочки стеблей льна – наиболее широко применяющегося современного метода.

**«Рачительный хозяин»
и «добрый барин»**

Приведем отрывок из воспоминаний о нем современников, которые дают объемное представление о жизненном облике рационализатора. Эти

материалы позволяют также лучше представить характерные особенности патерналистского мировоззрения, присущего в то время как помещикам, так и крестьянам.

«Встав рано еще до света зимою, Карнович выходил из своего дома и заходил в дом какой-либо дворовой семьи, чтобы видеть, дорожат ли там временем?»

В случае лени или бражничанья, Е.С. толковал тогда же о труде и безрежливости. Если же Е.С. замечал курящего из трубки или папироску, то тогда раскрывалась целая бездна доказательств о вреде от курения и здесь слово "пожар" постоянно было на языке Карновича.

В это же время он осматривал скотный двор, лошадей и т. п. После того Е.С. возвращался в дом пить чай. Окончив немедленно чай, Карнович отправлялся на ригу; здесь он осматривал молотьбу хлеба на четырех-конной машине. Здесь, как и везде, встречая крестьян, он начинал с ними свой разговор дружелюбными словами: "Бог в помощь вам!".

При введении в хозяйство машин и других земледельных орудий, Е.С. встречал полное доверие своих крестьян, видевших на опыте всю его доброту. Он никогда не вводил в хозяйство ничего нового, не объяснив предварительно цель, преимущества и выгоды нововведения пред старыми способами. При этом замечательно то правило Карновича, по которому он сам всегда в начале показывал более смысловым крестьянам, как надобно работать по новому способу и обходиться с новыми земледельческими орудиями.

Следствием этого было то, что Е.С. никогда не бывал в необходимости повторять и делать замечания относительно дурного исполнения работы. Е.С. имел на крестьян удивительно редкое влияние, и можно с уверенностью сказать, что его крестьянин не мог быть ни пьяницей, ни буяном, и ничем подобным. Действуя всегда на крестьян кротко и разумно, он за удовлетворительные изделия хозяйства и домоводства давал некоторые награды.

Замечательна была в крестьянах свобода, с которою они встречали Е.С., приходившего к ним в гости по праздникам. Ничто от него не пря-

талось, никто не бежал с улицы – сказать, что идет барин. ...Каждый из крестьян звал к себе в гости Карновича, как своего соседа» [56].

Описанная в источнике картина может показаться нашим современникам излишне «благодушной», однако она соответствовала действительности. В одном из своих писем к А. П. Заблоцкому-Десятовскому Карнович признавался: «...я заключаю в себе две отдельные части: человека с европейскими понятиями и человека с понятиями и с образом мыслей чисто мужичьими. Как те и другие уживаются вместе – не знаю...» [13].

Крестьяне уважали и любили своего помещика, и даже «поднесли ему серебряное блюдо» в благодарность за помощь после пожара в с. Великом [13]: в 1847 г. здесь сгорело 200 домов.

Во многом благодаря патерналистским традициям, установившимся в имении Е. С. Карновича «Пятницкая гора», оно было признано одним из лучших хозяйств не только Ярославской губернии, но и всей крепостной России.

Примечательно, что вплоть до конца XX в. жители с. Великого (как лично имел возможность убедиться в 1986 г. автор настоящей статьи [40, с 263–264]), все еще хранили передаваемую из поколения в поколение благодарную память о Е. С. Карновиче. В их «массовом сознании» помещик остался как «добрый барин», «ррачительный» и справедливый хозяин, с успехом внедрявший в хозяйственный оборот новую для тех мест культуру – картофель.

Масштабная деятельность Е. С. Карновича по разведению картофеля по праву занимает ключевое место в интерактивной экспозиции открытого в 2014 г. великосельского Музея Картофельного бунта (единственного в России музея, целиком посвященного теме картофеля).

Возвращаясь к дореформенной эпохе, отметим, что ставка на патернализм была сделана помещиком-рационализатором отнюдь не случайно: объективные условия жизни крестьянства во многом обуславливали как особенностями его массового сознания, так и патриархально-общинный уклад. Традиции патернализма определяли строй деревенской и усадебной жизни и вследствие постоянной помощи крестьянам со стороны многих помещиков в неурожайные годы и в случаях стихийных бедствий, что для сельского населения имело особую значимость.

Вместе с тем описанные нами выше патерналистские отношения помещика-рационализатора с крепостными крестьянами были, в основном, его личной заслугой. Именно в этом важном вопросе Е. С. Карнович, сознательно вставший на путь более тесных контактов с крестьянством, опередил свое время. Его метод базировался на силе не только личного

Здание Музея Картофельного бунта в с. Великом

примера, но и материальной заинтересованности: крестьяне, убедившиеся в выгодности тех или иных новаций, становились убежденными их приверженцами и пропагандистами.

Имение Е. С. Карновича «Пятницкая гора», как и хозяйства других членов ИМОСХ («Кагул» Н. П. Румянцева, «Ольгово» С. С. Апраксина и пр.), можно назвать «хозяйственно-культурным гнездом». Именно такие имения стали центрами многолетней хозяйственно-просветительской работы. Так, благодаря начинаниям И. И. Самарина и Е. С. Карновича, травосеяние успешно внедряется среди местных крестьян, а Ярославская губерния становится пионером полевого травосеяния в России.

Эти первые очаги буржуазного хозяйствования, среди которых, однако, ярославское имение Карновича явно выделялось своей рациональной организацией, предвосхищали будущие преобразования начала XX в.

В то же время, начинания сдерживали многие факторы: и недостаток средств, и недоверие многих крестьян и помещиков к любым новациям, и отсутствие необходимых хозяйственных навыков. Все это резко тормозило внедрение новаций. Однако, хотя подвижника и посещали грустные мысли о невозможности реализовать в полном объеме свои замыслы (во многом в результате формально-бюрократических препон чиновников, относящих эти инициативы к числу «частных предприя-

тий» и не признававших насущной государственной необходимостью [2, л. 76]), Е. С. Карнович все же не терял надежд на конечный успех, твердо веря, прежде всего, в созидательные силы русского крестьянина.

«Е. С. Карнович» рассказывает юным посетителям музея о переработке картофеля в с. Великом в середине XIX в.

Наследие аграрника-подвижника и память о нем...

Ефим Степанович Карнович скончался 18 декабря 1855 г. в возрасте 62 лет и был похоронен в своем родовом имении. К сожалению, могила его не сохранилась. Погибла и вся усадьба Карновичей «Пятницкая Гора», – вероятно, летом либо осенью 1918 г., как и десятки тысяч дворянских усадеб по всей стране, разоренных и сожженных крестьянами: «Поток истинно народных крестьянских страстей бушевал по земле, и не было от него защиты» (Варлам Шаламов). В наши дни на месте бывшей усадьбы остался лишь огромный (около 17 га) регулярный липовый парк – оригинальный памятник садово-паркового искусства начала XIX в., впрочем, совершенно запущенный... Между тем, историко-культурный потенциал как этой погибшей усадьбы, так и множества других «хозяйственно-культурных гнезд» аграрников-новаторов XIX – начала XX в. огромен; сохранившееся духовное, материальное и художественное наследие уникальной усадебной культуры русского дворянства –

важный элемент как самосознания, так и национальной памяти в целом; велики его ресурсы и для современного агротуризма [39].

Благодарная память о Е. С. Карновиче все же жива: появляются новые научные и научно-популярные статьи о нем, а также упоминания в открытой печати и интернет-публикациях [57, с. 140, 216; 62; 27; и др.]; сохраняется (хотя и в неполном объеме) его родовое и творческое наследие: так, некоторые фамильные портреты дворянского рода Карновичей представлены в экспозиции Ярославского художественного музея и Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника [см. также: 64].

В отделе письменных источников Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника хранится и рукописная «Книга записная по хозяйству» Е. С. Карновича за 1840–1853 гг. – ценнейший исторический источник дореформенной эпохи [32]. Вместе с тем архивные материалы о деятельности Е. С. Карновича сохранились лишь частично (по мнению ярославских архивистов, с которым нам трудно согласиться, имеющиеся архивные материалы (по описи всего 27 дел), все же можно считать родовым фондом семейства Карновичей: [28]).

Рационализатор оставил после себя девять томов различных записок, которые завещал С. А. Маслову; в дальнейшем они поступили в библиотеку Московского общества сельского хозяйства, но, к сожалению, были утрачены.

В с. Великом Гаврилов-Ямского района работает краеведческий музей. Однако у его экспонатов (в т. ч. из усадьбы Карновичей) в первые годы советской власти оказалась непростая история. Открытый в 1919 г., уже в конце 1924 г. музей был закрыт. Наиболее ценные экспонаты (в т. ч. Уставная грамота Карновичей и портрет С. Е. Карновича кисти художника Н. Д. Мыльникова) передали в музеи Ярославля и в Тутаев; все же остальное было полностью расхищено местными жителями и любителями «легкой наживы».

Неиссякаемое трудолюбие, цепкий и практический ум («...только практическая польза увлекала его; утопии... никогда не прельщали его» [13]), деловая хватка, предприимчивость, удивительная скромность и глубокий патриотизм – вот основные слагаемые личности Е. С. Карновича, оказавшей заметное влияние на развитие как помещичьих, так и крестьянских хозяйств Нечерноземной России. За свою «частную деятельность по сельскому хозяйству» он был удостоен орденов Святого Владимира 4-й и Святой Анны 2-й степени.

Современники хорошо знали Карновича и как человека исключительной доброты, скромности и трудолюбия; радушного и гостеприимного хозяина, усадебный дом которого (украшенный произведениями искусства) многие годы был своего рода «штаб-квартирой» ярославских рационализаторов.

Вместе с тем многие важные хозяйственные и просветительские инициативы новатора не нашли поддержки даже среди его единомышленников. Близкий друг и соратник Карновича С.А. Маслов вспоминал, что тот не раз «с горестию» говорил ему о той «холодности», которую он замечал в своем сельскохозяйственном обществе по отношению ко многим его мыслям и предложениям, направленным на развитие Ярославского края [44, с. 18]. «Я видел, – отмечал Маслов, – как это гнело его энергичную душу, как ему наскучила борьба с равнодушием его окружавшим, он сделался еще более уединенным и хотел прервать все отношения с людьми» [44, с. 18].

Таким образом, даже такого неутомимого и энергичного человека посещали сомнения в необходимости своей хозяйственно-просветительской деятельности. Здоровье его быстро ухудшалось; стоически принимая все невзгоды, в возрасте 57 лет он писал: «Поддерживаюсь однако в моей деятельности мыслию, что доколе я здесь, – должен трудиться, что это мой долг, пока не отзовут отсюда» [цит. по: 13].

В 1860 г., уже после смерти подвижника, на страницах «Земледельческой газеты» были опубликованы выдержки из его писем. В одном из них, в частности, говорилось: «Льняное дело более назад, нежели вперед подвигается. Грустно было бы мне рассказывать, как все идет, как мелкие страсти, ничтожное самолюбие, совершенное незнание дела, при желании всем распоряжаться, мешает добрым намерениям Министерства Государственных Имуществ осуществиться, между тем как при досужестве и смысленности здешнего народа, при деятельности капиталистов русских, с какою они стремятся заводить льнопрядильни, так легко и полезно было бы всю промышленность льняную направить хорошенько» [13].

Лишь после смерти Е.С. Карновича многие современники осознали правоту его взглядов и отдали дань своего уважения этому незаурядному, талантливому человеку, который, «при всей скромности, всегда его отличавшей, с необыкновенной энергией души в течение 25 лет преследовал постоянно мысль усовершенствования льняной и полотняной промышленности в Ярославской губернии» [44, с. 18].

Деятельность Е.С.Карновича внесла огромный вклад в развитие новых, буржуазных отношений в сельском хозяйстве страны, способствуя не только развитию ряда аграрных отраслей (прежде всего, земледелия и льнополотняной промышленности), но и пробуждению частной инициативы и предприимчивости – качеств, которых сейчас явно недостает в современной России. Поэтому именно сегодня, в условиях нового витка аграрной и социокультурной модернизации, обращение не только к хозяйственному, но и к просветительскому опыту и этого выдающегося отечественного рационализатора дореформенной эпохи, и других его современников, аграрников-подвижников [см.: 38, с. 14–188], особенно важно: анализ этого наследия позволяет глубже понять ключевые аграрные проблемы как исторического прошлого, так и современности.

Жизнь и многогранные подвижнические труды Ефима Степановича Карновича – яркое свидетельство поразительного трудолюбия, жизнеутверждающего патриотизма, и, в то же время, – трагизма и одиночества пассионарной творческой личности, которая во многом опередила реальные возможности своей эпохи, государства и социума...

Е. Карнович.

Е.С.Карнович. Рисунок из «Земледельческой газеты» 1860 г.

Примечательны итоговые выводы статьи 1860 г., посвященной аграрику: «...Карнович как общественный деятель был личностью в высшей степени энергической и гуманной и... он сделал бы гораздо больше, если бы ему пришлось жить и действовать в другое время, при других обстоятельствах, когда повсюду вокруг него не было бы так – повторим его словами – "темно, холодно, невежественно, равнодушно"» [13].

Окончательно преодолеть эту «пелену забвения» во имя подъема и процветания Отечества – это уже наш собственный долг в знак глубочайшего уважения и благодарности выдающемуся аграрику-подвижнику России...

Как подчеркивается в современной научной литературе, обновление России – это «медленный мучительный процесс, в котором чувство реальности должно сочетаться с пониманием того, что у нас есть идеалы и мы знаем, куда мы стремимся. Мы стремимся к великому российскому будущему» [41, с.25].

И в этом нашем будущем богатейшее, во многом уникальное наследие таких незаурядных пассионарных личностей, как Е. С. Карнович, а главное, духовный опыт их неутомимой творческой жизни, приобретает особую созидательную роль.

Список сокращений

- ЖМГИ – «Журнал министерства государственных имуществ»
- ЖМТ – «Журнал мануфактур и торговли»
- ЖСХ – «Журнал сельского хозяйства»
- ЖСХО – «Журнал сельского хозяйства и овцеводства»
- ЗГ – «Земледельческая газета»
- ЗЖ – «Земледельческий журнал»
- ИМОСХ – Императорское Московское общество сельского хозяйства
- ОЗ – «Отечественные записки»
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- ЯГВ – «Ярославские губернские ведомости». Ч. неофициальная.
- ЯОСХ – Ярославское общество сельского хозяйства
- ЯПВ – «Ярославский педагогический вестник». Сер. «Общественные науки».

Библиографический список

1. Копия с записки члена корреспондента Карновича «Об учреждении машинного пряденья внутри России», поданной 2 июня 1847 г. для доставления Его Превосходительству Директору Департамента Сельского Хозяйства // РГИА. Ф.398. Оп.11. Д.3830.
2. Копия с письма члена корреспондента Е.Карновича, посланного в начале апреля 1851 г. Его Превосходительству А.П.Заблоцкому-Десятовскому // РГИА. Ф.398. Оп.13. Д.4210.
3. «О средствах к переселению казенных крестьян из деревень на отдельные участки» Е.Карновича, действительного члена ИМОСХ // РГИА. Ф.398. Оп.15. Д.4813.
4. Белильня льняных полотен г. Карновича // ЖМГИ. 1845. Ч.16. Земледельческая хроника. С.196.
5. Беляков Ю. Аристократ, друг демократов (Из старинного рода Карновичей) // Ярославский агрокурьер. Ярославль, 2008. №10 (13 марта). URL: http://knigolubu.ru/russian_classic/karnovich_ep/yuriy_belyakov_aristokrat_drug_demokratov.6969 (дата обращения: 03.07.2015).
6. [Волконский М.Д., кн.] О четырехпольном хозяйстве в Мологском у. Ярославской губ. кн. М.Д.Волконского // ЖСХО. 1850. №2. С.133–140.
7. В.Р.Карнович // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза, И.А.Ефрона. Т.XIV-а. СПб., 1895. С.568.
8. Выставка сельских произведений в с. Великом 1850 г. // ЯГВ. 1850. №51. С.6.
9. Гакстаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / Пер. с нем. Л.И.Рагозина. Т.1. М.: Типография А.П.Мамонтова и К, 1870. 490 с.
10. Генкин Л.Б. Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 г. // Ученые записки государственного педагогического института им. К.Д.Ушинского. Вып. 12 (22). Ярославль, 1947. С.1–202.
11. Готовцев М.А. Ярославские клевера. Ярославль: Кн. изд-во, 1959. 16 с.
12. Дмитриев С.С. Народнохозяйственные выставки в Ярославской губ. до 1861 г.: К истории сельскохозяйственной пропаганды в России // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль: Книжное издательство, 1960. С.212–241.
13. Ефим Степанович Карнович. URL: <http://velikoemuseum.ru/efim-stepanovich-karnovich/?ysclid=lgw134jqk865133531> (дата обращения: 22.04.2023).
14. Ефимьева гора. URL: <http://goldring.ru/news/show/105664> (дата обращения: 10.03.2018).
15. Заблоцкий-Десятовский А.П., Карнович Е.С. О состоянии льняной промышленности в Великобритании // ЖМГИ. 1843. Т.27. Отд.2. С.61–105.
16. Историческое обозрение действий и трудов ИМОСХ. 2-е изд. М.: Университетская типография, 1850. 526 с.

17. Карнович Ефим Степанович // Русский биографический словарь. Т.9. СПб., 1897. С.530.
18. [Карнович Е.С.] Заметки г. Карновича из Ярославской губ. о том, что нужно, чтобы иметь хороший урожай // ЖМГИ. 1848. №8. С.102–103.
19. Карнович Е.С. Исторический обзор льняной и полотняной промышленности в Ярославской губ. // ЖМГИ. 1851. №7. С.3–11.
20. [Карнович Е.С.] Мнение г. Карновича об обширных запашках // ЖМГИ. 1845. №16. С.183–184.
21. [Карнович Е.С.] О местности, весьма удобной для заведения фабрик на юге от Москвы Е.Карновича, действительного члена ИМОСХ. М.: В университетской тип., 1850. 44 с.
22. Карнович Е.С. Об обширных запашках // ЖМГИ. 1845. Ч.16. №5. Земледельческая хроника. С.183–184.
23. Карнович Е.С. Об улучшении льна и льняных изделий в Ярославской губ. // ЗЖ. 1835. №2. С.227–255.
24. Карнович Е.С. Сравнение голштинского хозяйства с трехпольным русским // ЗЖ. 1835. №4. С.511–554.
25. Карнович Е.С. Чем можно воспользоваться русским хозяевам из голштинского хозяйства? Письмо г. Карновича к Правителю дел общества // ЗЖ. 1835. №5. С.643–700.
26. Карнович Е.С. Хозяйственные опыты и улучшения в Ярославской губ. // ЖМГИ. 1844. №3. Отд.2. С.286–305.
27. Карнович Ефим Степанович (1793–1855), общественный и научный деятель. URL: <http://dj.rlib.yar.ru/index.php/gavrilov-yamskij-rajon/istoricheskie-persony/229-karnovich-efim-stepanovich-1793-1855-obshchestvennyj-i-nauchnyj-deyatel> (проект «Деметра/Ярославика» – краеведение в Ярославской обл.; дата обращения: 03.07.2015).
28. Карновичи, дворяне, родовой фонд. 1801–1906. Историческая справка. URL: <http://www.yararchive.ru/funds/fund84729/> (дата обращения: 03.07.2015).
29. Каталог российским произведениям, отправленным на Лондонскую выставку 1851 г. // ЖСХ. 1851. №1. Отд.3. С.15–20.
30. Киселев С.И. Имя «Пятницкая гора» // Летопись ярославских сел и деревень. Рыбинск, 2004. С.60–62.
31. Киселев С.И. Карновичи: из истории ярославской ветви дворянского рода. Гаврилов-Ям; Ярославль: Ресурс, 2014. 123 с.
32. Книга записная по хозяйству ярославского помещика Е.С.Карновича. 1840–1853 гг. В отделе письменных источников Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Инв. №18144.
33. Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии) / Отв. ред. А.В.Семенова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 560 с.

34. Козлов С.А. Деятельность Ярославского общества сельского хозяйства по аграрной модернизации Центрально-Нечерноземной России в 1842–1916 гг. // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.Н.Никулина. Калининград, 2007. С.83–96.
35. Козлов С.А. Карнович Ефим Степанович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 тт. / Отв. ред. Ю.А.Петров. Т.1. М., 2008. С.949–950.
36. Козлов С.А. Самарин Иван Иванович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 тт. / Отв. ред. Ю.А.Петров. Т.2. М., 2009. С.613.
37. Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.): в 3 тт. Т.1. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 588 с
38. Козлов С.А. Российские ученые-аграрники XIX – начала XX в.: Историко-биографические очерки. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 967 с.
39. Козлов С.А., Марасанова В.М. Традиции культуртрегерства как ресурс развития российского агротуризма // ЯПВ. 2022. №4 (127). С.230–239.
40. Кондратьев С. Дорогие сердцу имена... // Диалог искусств и арт-парадигм. Статьи. Очерки. Материалы. Т.54. / Ред.-сост. А.И.Демченко. Саратов, 2023. С.257–301.
41. Кургинян С.Е. Самосохранение. Вызов времени // Россия XXI. 2015. №6. С.6–25.
42. Марасанова В.М. «Капиталисты» крестьяне села Вятское и Ярославской губернии в XIX – начале XX в. // «Птицы возвращаются к гнездовьям». IV Встреча потомков предпринимателей и духовенства (с. Вятское Ярославской обл., 20–23 сент. 2019 г.). Сб. докладов и материалов / Сост. и ред. О.А.Давыдова; авт. проекта Н.Ю.Мальцева. Ярославль, 2020. С.20–30.
43. Маслов С.А. Некролог: Е.С.Карнович, Н.А.Бунин и Н.С.Стремоухов // ЖСХ. 1856. №2. С.28–30.
44. Маслов С.А. Путевые заметки при поездке в Ростов, Ярославль, Кострому и Юрьев-Польский. М.: Университетская типография, 1854. 34 с.
45. Меднис Я.А. Ярославский конишевский клевер. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1968. 203 с.
46. Начальник штаба по аграрным делам // Золотое кольцо. Ярославль. Уединенный пошехонец. Литературно-краеведч. прил. 2013. 18 июля. URL: <http://yarcenter.ru/articles/culture/literature/alone/uedinenny-poshekhonets-literaturno-kraevedcheskoe-prilozhenie-66727/> (дата обращения: 20.04.2023).
47. Новоселова А.С. Селекция и семеноводство клевера. М: Агропромиздат, 1986. 198 с.
48. О возделывании льна и беленьи полотен по фламандскому способу в имении Е.С.Карновича, с замечаниями о посеве картофеля // ЖСХО. 1842. №1. С.89–90.

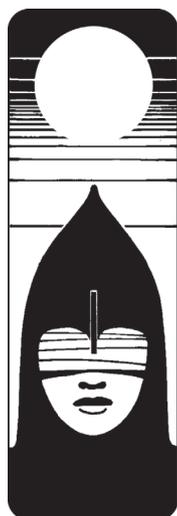
49. Об улучшении возделывания и обработки льна и беления полотен // ЖМТ. 1839. Ч. 1. №1–3. Сведения мануфактурные. С.93–98.
50. О действиях экономических обществ России. Ярославское общество сельского хозяйства // ЖМГИ. 1845. Ч. 19. С. 139–140.
51. О полотнах, купленных на Ярославской выставке // ЖМГИ. 1845. №5. Смесь. С.39.
52. О состоянии льняной промышленности в Германии, Голландии, Бельгии, Франции и Великобритании. СПб.: Тип. МГИ, 1848. 105 с.
53. Отчет ЯОСХ за 1855 г. // ЯГВ. 1856. №52. С.492–493.
54. Отчет ЯОСХ за 1856 г. Ч. 1. СПб.: В тип. Королева и комп., 1857. 168 с.
55. Плех О.А. «...чтобы иметь постоянное сведение о положении всех подведомственных министерству мест в губерниях...». Ведомственные ревизии местного управления при Николае I // Россия XXI. 2019. №5. С.64–83.
56. Р – в В.Ф. Из воспоминаний о Е.С.Карновиче // ЗГ. 1861. 9 дек. (№49). С.772–773.
57. Серова И.А. Ярославль дворянский. Мир губернаторской усадьбы и его отражение в жизни благородного общества, 1777–1917. Ярославль: Академия-76, 2011. 442 с.
58. Тенгоборский Л.В. О производительных силах России / Пер. с франц. Ч.2. Отд. 2. СПб.: Тип. Л.А.Кулиша, 1858. 587 с.
59. Указатель выставки российских мануфактурных изделий, бывшей в С.Петербурге в 1839 году. СПб.: типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. 286 с.
60. Хозяйство Е.С.Карновича: распределение работ, вывозка удобрения, осенняя пахота, посев клевера // ЖМГИ. 1855. Ч.54. Отд. 3. Земледельческая хроника. С. 102–112.
61. Чернышевский Н.Г. Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждений России барона А.Гакстгаузена // Чернышевский Н.Г. Избранные экономические произведения. Т. 1. М., 1948. С. 147–214.
62. Шильникова И.В., Иваненко О.П. Карновичи. URL: <http://www.yaroslavskiy-kray.com/378/karnovich.html> (сайт «Ярославский край с древнейших времен до начала XX в.»; дата обращения: 22.04.2023).
63. Яковлев Л.В. Село, о котором писал В.И.Ленин: Социально-экономический очерк. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1982. 118 с.
64. Ярославские портреты XVIII–XIX вв.: Альбом / Авт. вступ. ст. и сост. И.Федорова, С.Ямщиков. М.: Изобразительное искусство, 1986. 159 с.

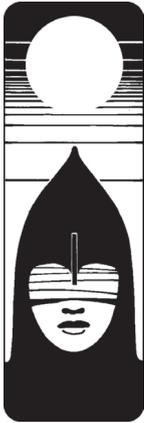
В политике приходится делать много такого, чего не следует делать.

Теодор Рузвельт

Политика – это неустанный
выбор из двух зол.

Джон Морли

Александра Бахтурина

**ВАРШАВСКИЙ
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР
Г.А.СКАЛОН
И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
ПОЛИТИКА В ЦАРСТВЕ
ПОЛЬСКОМ НАЧАЛА XX в.***

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
94(47)

Рассматривается роль Варшавского генерал-губернатора Г.А.Скалона в разработке правительственной политики в Царстве Польском в 1905–1914 гг. Анализируются проекты и предложения Скалона по изменению статуса польского языка в преподавании, городском самоуправлении, введению земского самоуправления и созданию Холмской губернии. Делаются выводы о снижении роли генерал-губернаторской власти в принятии решений по управлению Царством Польским в начале XX в. и росте влияния Совета министров и министерств.

The role of the Warsaw Governor-General G.A.Scalon in the development of government policy in the Kingdom of Poland in 1905–1914 is considered. Skalon's projects and proposals on changing the status of the Polish language in teaching, city self-government, the introduction of zemstvo self-government and the creation of the Kholm province are analyzed. Conclusions are drawn about the declining role of the Governor-General's power in making decisions on the administration of the Kingdom of Poland in the early twentieth century and the growing influence of the Council of Ministers and Ministries.

Ключевые слова: Царство Польское; Г.А.Скалон; Варшавское генерал-губернаторство; П.А.Столыпин; С.Ю.Витте.

Key words: Kingdom of Poland; G.A.Scalon; Warsaw Governor-General; P.A.Stolypin; S.Yu.Witte.

E-mail: b-a-t13@mail.ru

*Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории», номер темы 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1)

К началу XX в. статус генерал-губернаторов в Российской империи заметно изменился. Законодательство предоставляло им разнообразные возможности влияния на разработку правительственных мероприятий на подведомственной территории [9; 11]. Но на рубеже XIX–XX вв. относительная самостоятельность генерал-губернаторов постепенно приходила в противоречие с развивающейся министерской бюрократией.

Долгое время права генерал-губернаторов на окраинах России определялись особыми Положениями (составленными применительно к местным географическим, политическим и этнографическим особенностям каждой из окраин), включенными в Свод губернских учреждений. Важной прерогативой генерал-губернатора было то, что никакая новая мера в отношении подведомственной ему территории не могла быть принята без его предварительного заключения. Эта норма давала генерал-губернаторам относительную независимость в определении политического курса на управляемой территории. Если предложения генерал-губернатора одобрял император и издавал соответствующее высочайшее повеление, то генерал-губернатор мог в свою очередь издать серию соответствующих распоряжений без какого-либо согласования с министерствами и главными управлениями. Он был обязан только сообщить министрам и главноуправляющим о содержании высочайшего повеления и о своих распоряжениях по его исполнению. Таким образом, в ряде случаев генерал-губернатор имел право и возможность проводить относительно самостоятельную политику на подведомственной территории, минуя центральные учреждения. Значительная независимость генерал-губернаторской власти уже во второй половине XIX в., по наблюдениям А.В.Ремнева, вызывала разнообразную критику как в среде высшей бюрократии, так и в общественно-политических кругах [14, с.58]. Аналогичной точки зрения придерживаются и зарубежные историки, в частности, японский исследователь К.Мацузато [10].

В 1906 г. генерал-губернаторы утратили право законодательной инициативы и возможность непосредственного обращения к монарху в связи с изменением законодательного механизма Российской империи и созданием Совета министров.

При ликвидации ряда генерал-губернаторств мотивировкой служило отсутствие специфики территории, требующей особых полномочий для местной администрации. Вместе с тем в отношении Варшавского генерал-губернаторства даже на самом высоком правительственном уровне невозможно было утверждать, что территория не нуждается в особых полномочиях для местной российской администрации. Анализ законодательных инициатив губернской администрации в начале XX в. представ-

ляет самостоятельную проблему, поскольку именно в это время генерал-губернаторы, высказываясь о проблемах подведомственных территорий, все больше сталкивались с унифицированным министерским подходом к управлению окраинами. В начале XX столетия многие генерал-губернаторы в сложных условиях Первой российской революции и после ее окончания стремились высказать свои предложения по управлению и национальной политике в целом. В их числе был и Варшавский генерал-губернатор Георгий Антонович Скалон (1847–1914).

Г.А.Скалон и С.Ю.Витте

Деятельность Г.А.Скалона в Царстве Польском пришлось на сложное время Первой российской революции и кануна Первой мировой войны. Его карьера там началась в мае 1905 года в качестве помощника командующего войсками Варшавского военного округа. В августе того же года он сменил К.К.Максимовича на посту Варшавского генерал-губернатора. Подробную характеристику Скалона и варшавской администрации в целом оставил генерал А.А.Брусилов, занимавший в мае 1912–июле 1913 г. пост помощника командующего войсками Варшавского военного округа. В завершённом к 1922 г. томе воспоминаний он отмечал, что Скалон «был добрый и относительно честный человек,

Г.А.Скалон

скорее царедворец, чем военный, немец до мозга костей», считавший, что «Россия должна быть в неразрывной дружбе с Германией, причем был убежден, что Германия должна командовать Россией. Сообразно с этим он был в большой дружбе с немцами» [4, с. 50].

С.Ю.Витте также упомянул Скалона в своих воспоминаниях, отметив, что «лично был с ним совсем незнаком, но по образу действия его и ознакомившись с ним по служебным делам», сохранил о нем впечатление «как о человек твердом, верном слуге государя, но человеке воспитанном и весьма корректных правил» [5, с. 366.]

Деятельность Г. А. Скалона в Царстве Польском в историографии рассматривалась преимущественно в контексте мероприятий по подавлению революционных выступлений в 1905–1906 гг., истории введения там военного положения. 28 октября 1905 г. в десяти губерниях Привислинского края по ходатайству Г.А.Скалона было введено военное положение. По свидетельству С.Ю.Витте инициатива принадлежала ему: «Я чувствовал необходимость принять решительную меру. Вследствие этого я снесся с генерал-губернатором о том, не считает ли он нужным объявить край на военном положении. Скалон, видимо, сам этого

С.Ю.Витте

желал, но никто из власть имущих до 17-октября не решался взять на себя инициативу» [5, с.367]. Несмотря на проявленную инициативу, позиция Витте в вопросе о военном положении колебалась. Уже 11 ноября 1905 г. он писал Скалону, что принятые меры лишь усилили «брожение» в империи, а в губерниях Привислинского края ведут «к приостановлению предстоящих выборов в Государственную Думу, так как, само собою разумеется, при условиях, создаваемых военным положением, производство свободных выборов немыслимо» [5, с.536]. Но Скалон Витте не поддержал, заявив «в весьма достойной форме..., что с снятием военного положения он должен будет уйти» [5, с.369]. Позднее Витте отмечал, что, видимо, Г.А.Скалон и сам не считал военное положение эффективной мерой, неоднократно за период революции иницилируя в Царстве Польском то его введение, то отмену. Но, несмотря на бурные события Первой российской революции, Скалон принимал участие не только в подавлении антиправительственных выступлений, но и в разработке преобразований в управлении Царством Польским.

С февраля 1905 г. Варшавское генерал-губернаторство охватила «школьная забастовка» – движение за преподавание в школе на польском языке и, вступив на пост генерал-губернатора, Скалон 31 августа 1905 г. обратился к министру народного просвещения В.Г.Глазову с письмом, где

предлагал предоставить частным учебным заведениям право преподавания на польском языке всех предметов, кроме русского языка, истории и географии, и не препятствовать открытию частных учебных заведений с польским языком преподавания. По его мнению, в гимназиях и реальных училищах, находящихся в ведении министерства народного просвещения, следовало вводить систему постепенного перехода от польского к русскому: в младших классах на польском преподавать все предметы, кроме русского языка и географии, в средних классах перейти к преподаванию на русском языке половины предметов, в старших – всех дисциплин. Также для русского населения Скалон предлагал оставить несколько средних учебных заведений с преподаванием только на русском языке, а в остальных гимназиях создать параллельные русские отделения младших классов. Примечательна в этом письме ссылка на мнение императора, свидетельствующая о том, что в вопросе о польской школе Скалон опирался на поддержку Николая II, но, несмотря на это, министр предложения по организации польской школы не поддержал [17, с.30].

Косвенным свидетельством в пользу того, что Скалон имел поддержку в верхах и его проект не был исключительно его инициативой, можно считать издание 1 октября 1905 г. высочайшего указа Сенату о разрешении преподавания ряда предметов на польском и литовском языках в частных учебных заведениях губерний Царства Польского [13, с.710–711].

После публикации Манифеста 17 октября 1905 г. движение за переход к делопроизводству и обучению на польском языке в городах Царства Польского усилилось, и 27 октября 1905 г. Николай II утвердил доклад председателя Совета министров С.Ю.Витте о языке преподавания арифметики в начальных училищах Варшавского учебного округа, а затем был издан циркуляр министерства народного просвещения, где разрешалось преподавание на «природных языках учащихся» всех предметов в начальной школе.

С приходом на пост министра народного просвещения И.И.Толстого подход в отношении польской школы стал более либеральным. 24 декабря 1905 г. новый министр представил председателю Совета министров С.Ю.Витте свои предложения по реформе польской школы, включавшие введение преподавания на польском в средней и высшей школе. Витте одобрил проект, но в соответствии с действующим законодательством направил записку Толстого на заключение к Варшавскому генерал-губернатору [16, с.165].

Хотя ранее Скалон обращался к Глазову с предложениями расширить сферу применения польского языка, проект Толстого он не поддержал. Отвечая Витте, Скалон указал на то, что проект министра народного

просвещения – проект организации образования для автономной территории, но, если предоставление автономии Польше не входит в ближайшие задачи правительства, то проект полной национализации образования неприемлем. Скалон повторил свое мнение о соотношении польского и русского языков, заявленное им ранее, а также высказался против реформирования Варшавского университета [7, с.369].

В период революционных событий 1905–1907 гг. в Царстве Польском наряду с мерами по пресечению антиправительственных выступлений разрабатывались мероприятия, направленные к частичному изменению системы управления этой территорией. В 1906 г. на основании высочайшего повеления Скалон разработал два проекта: о введении в польских губерниях Городового положения 1892 г. и проект Положения о земских учреждениях в Царстве Польском.

По проекту Скалона, земские учреждения в Царстве Польском обладали более широкими правами, чем в Центральной России. Например, все земские выборные служащие получали права государственной службы, тогда как по действовавшему Положению о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г., такие права имели только председатель и члены земских управ (ст. 124). Также в проекте особо оговаривалось, что местная губернская власть должна быть устранена от непосредственного влияния на ход земских дел. В проекте эта независимость декларировалась следующим образом: «Земское самоуправление есть децентрализованное государственное управление, где... правительство имело бы полную возможность наблюдать за законностью» деятельности земских учреждений. Проекты Скалона были рассмотрены в МВД, но в период революции подробно не обсуждались. К ним вернулись позднее. Короткий период управления Царством Польским чрезвычайными методами в условиях военного положения был признан неэффективным.

Реформа городского самоуправления в Царстве Польском и Г.А.Скалон

В 1907 г. Совет министров возобновил обсуждение вопроса о городском самоуправлении в Царстве Польском. В качестве основы был рассмотрен проект МВД, включавший и предложения Скалона 1906 г. Активное участие в его разработке принял П.А.Столыпин, определивший основные принципы будущего законопроекта [12, с.166]. Позднее, формулируя позицию министерства в октябре 1909 г., он подчеркнул, что МВД стремится к созданию польского самоуправления, но подчиненного «русской государственной идее» [2, оп.5, д.44, л.182–183; 12, с.166–167]. Наиболее дис-

куссионной частью проекта стал вопрос о языке делопроизводства и нормах представительства от различных национальностей.

Проект допускал параллельное использование русского и польского языков во внутреннем делопроизводстве. Избиратели делились на национальные курии: лица русского происхождения, евреи и остальные. При этом определение того, кто признается лицом «русского происхождения», принадлежало генерал-губернатору. Его решения по этим вопросам обжалованию не подлежали [2, оп.5, д. 44, л. 44–62].

Во время обсуждения проекта Городового положения для Царства Польского в январе – декабре 1910 г. там была проведена ревизия сенатора Д. Б. Нейдгарта. По ее итогам было возбуждено 121 уголовное дело. Все должностные лица Варшавского магистрата были отданы под суд. Было установлено наличие двойной бухгалтерии в Варшавском магистрате [2, оп.5, д. 44, л. 3–4]. Также было выяснено, что Варшавский магистрат регулярно приобретал за счет городских средств земельные участки для строительства городских объектов, цена которых была завышена. В докладной записке помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства министру внутренних дел обращалось внимание на то, что покупка многих участков поддерживалась Варшавским генерал-губернатором, отдававшим распоряжения о создании оценочных комиссий, которые и назначали заведомо завышенную цену [2, д. 7, л. 5–6].

В ходе ревизии Д. Б. Нейдгарта было отмечено, что местная администрация не всегда охраняет интересы российской государственности в крае и постоянно идет на уступки полякам, особенно в культурно-языковой сфере. Констатировалась недостаточность правительственных народных школ и низкий уровень преподавания русского языка. Местная администрация обвинялась в том, что ее представители не всегда охраняют интересы православной церкви в Царстве Польском. В итоге был сделан вывод о том, что генерал-губернаторская власть в крае постоянно уступает «домогаательствам польского национализма» [3, оп.1, д. 3, л. 6–9].

В записке по итогам ревизии Нейдгарт отметил, что проект нового Городового положения не учитывает интересы русского населения. Он обратил внимание на то, что допущение «разных языков в органах управления разных частей единого государства» может «затруднить... сплочение инородных окраин с господствующею национальностью» и усилить «брожение не только в Польше, но и на других окраинах Империи, причинив ущерб русской государственной идее» [3, оп.1, д. 3, л. 5 об.]. Как показало дальнейшее обсуждение законопроекта о введении нового городского положения в Царстве Польском, такого мнения придерживался не только он.

В 1911 г. законопроект был поддержан Государственной думой. Но в декабре 1912 г. Государственный совет вернул его на доработку.

Против основных положений проекта активно выступили А.С.Стишинский и В.И.Гурко. Стишинский, настаивал на том, что во всех учреждениях Российской империи должен использоваться только государственный язык, а введение польского в органах городского самоуправления может стать опасным прецедентом: «...При появляющемся стремлении нерусских народностей, населяющих наши окраины, и отчасти и внутренние губернии, к национальному самоопределению, нельзя не предвидеть в ближайшем будущем повсеместного в инородческих массах движения в пользу применения таких же льготных правил» [6, стб.1396]. Его поддержал Гурко, который отметил, что единственным языком государства в России является язык русский и, следовательно, на нем должны происходить «суждения во всех государственно-общественных установлениях...» [6, стб.1410]. Оппонентом Стишинского и Гурко выступил И.А.Шебеко, член Государственного совета по выборам от землевладельцев Царства Польского. Он считал, что с точки зрения общерусских государственных интересов необходима политика равноправия польского языка, т.к. только так возможно добиться прекращения «вековой славянской распри» [6, стб.1402–1403].

Члены Государственного совета поддержали Стишинского и Гурко и приняли новую редакцию ст. 28 законопроекта. Польский язык был исключен из устных прений и сохранен только при переводе на польский язык документов внутреннего делопроизводства, которое должно было вестись на русском языке. Изменения, внесенные в законопроект, были весьма существенными. Поэтому комиссия, предварительно рассматривавшая законопроект, потребовала (на основании 49 статьи Учреждения Государственного совета) возвратить его обратно в Думу для нового рассмотрения.

Скалон оказался в числе сторонников введения польского языка. 30 мая 1913 г. он обратился с всеподданнейшей запиской к Николаю II, где отмечал что «решение Государственного совета противоречит высочайшим предначертаниям о неприменимости обрусения к Польше... Запрет польского языка сможет "зажечь неугасаемый очаг озлобления против России в той среде польских крестьян, которая до сих пор... оставалась спокойною и верною правительству", понизит уровень ведения городского хозяйства» [7, с.388]. Его позиция совпадала с мнением российского министерства иностранных дел и лично С.Д.Сазонова, считавшего, что возрастающее значение польского вопроса во внешней политике на фоне обострения международной обстановки требует уступок пророссийски настроенной части польского общества. И летом 1913 г. Николай II пору-

чил В.Н.Коковцову передать Совету министров и председателю Государственного совета, что он считает необходимым сохранить первоначальные формулировки правительственного проекта, допускавшие польский язык во внутреннем делопроизводстве органов местного самоуправления.

Городовое положение для губерний Царства Польского было высочайше утверждено лишь 17 марта 1915 г., уже после смерти Г.А.Скалона. В Царстве Польском упразднились городские магистраты, особое строительное отделение при Варшавском городском магистрате. В окончательном тексте закона 1915 г. по сравнению с предыдущими вариантами, были расширены права польского языка: узаконено параллельное ведение протоколов заседаний на двух языках, разрешено вести прения на русском и польском.

Г.А.Скалон и правительственная политика в Царстве Польском в 1908–1911 гг.

После революционных событий 1905–1907 гг. правительство вступает на путь отказа от уступок в польском вопросе. В российском законодательстве отсутствовали нормы, разрешавшие отказывать в приеме на должности учителей по национальному и вероисповедному признаку. Но для Царства Польского с 1867 г. действовало высочайшее повеление, запрещавшее полякам преподавать историю, географию, русский и церковно-славянский языки. С января 1904 г. полякам разрешалось преподавать русский язык на русском. Но весной 1908 г. в министерстве народного просвещения вновь вернулись к вопросу о допуске поляков к преподаванию в учебных заведениях Варшавского учебного округа. Новый министр народного просвещения А.Н.Шварц считал, что общественно-политические настроения в Польше таковы, что необходимо на законодательном уровне ввести запрет на преподавание русского и церковно-славянского языков, истории и географии в частных и государственных школах лицами польской национальности. Шварца поддержали император и Совет министров. Высочайше утвержденным 24 мая 1908 г. Положением Совета министров «Об условиях, требуемых для назначения преподавателей русского и церковно-славянского языков, истории и географии в учебных заведениях Варшавского учебного округа» полякам запрещалось преподавать названные предметы в средних учебных заведениях. Одновременно попечитель Варшавского учебного округа В.И.Беляев издал циркуляр о применении названных норм в начальных школах.

Г.А.Скалон высказался против этого распоряжения, считая его чрезмерным, поскольку, по его мнению, ограничение деятельности учителей-

поляков в начальных школах должно было вызвать, во-первых, недовольство населения и, во-вторых, привести к закрытию школ из-за отсутствия учителей, соответствующих требованиям циркуляра [7, с.373].

В этом случае позиция местной власти в лице Скалона и министерской бюрократии не совпадали. Очевидно было, что они преследуют различные цели и каждая из сторон смотрит на ситуацию по-своему: для генерал-губернатора на первом месте была политическая стабильность на подведомственной территории, а для чинов министерства народного просвещения – глобальная задача укрепления позиций русского языка как общегосударственного средства коммуникации не только в Царстве Польском, но и на всей территории империи. Позднее, по итогам сенаторской ревизии 1910 г., отмечалось, что работа учителей-поляков в начальной школе, по мнению Нейдгарта, ведет к тому, что результаты обучения русскому языку в начальной школе незначительны [1, оп.1., д. 409, л. 110–112]. Но в целом у варшавской администрации не было возможности влиять на деятельность учебных заведений, поскольку Учреждение губерний Царства Польского и Устав учебных заведений не предоставляли губернаторам права контроля над преподаванием.

Важную роль сыграл Скалон при решении вопроса о льготах гражданских служащих в Царстве Польском. 13 января 1911 г. в Совете министров рассматривался вопрос о пересмотре правил о преимуществах службы в отдаленных местностях, в Западных губерниях и Царстве Польском. Члены Совета министров обсудили проблему применительно к различным частям империи. Скалон представил свое заключение по этому вопросу, отметив, что разочарование в надежде получить автономию, неудовлетворенность льготами 1905 г. усилили вражду поляков к правительству, поэтому «опоры в местной среде русские чиновники не ищут и не найдут». Скалон считал, что отмена привилегий русских чиновников в Царстве Польском не соответствует задаче укрепления российской государственности. Престиж власти, по его мнению, был неотделим от материального положения ее представителей. В итоге Совет министров сохранил преимущества службы гражданских чиновников в Царстве Польском и ряде других регионов.

Г.А.Скалон и Холмский вопрос Одним из масштабных административно-территориальных преобразований в Царстве Польском стало выделение из числа Привислинских губерний части территорий с преобладающим русскоязычным населением и образование там самостоятельной Холмской губернии. Проект вызвал

множество споров, которые весьма подробно изложены в имеющейся исследовательской литературе, поэтому целесообразно остановиться на роли Г.А.Скалона в реализации этих планов. Вопрос о выделении Холмщины в самостоятельную административно-территориальную единицу обсуждался неоднократно. В середине 1905 г., после учреждения самостоятельной Холмской и Люблинской епархии, он стал снова предметом бурных дискуссий на правительственном уровне. В числе инициаторов его обсуждения был епископ Холмский и Люблинский Евлогий (Георгиевский), который в своих воспоминаниях отмечал, что «генерал-губернатор Скалон отнесся к проекту недоброжелательно, видел в нем личную обиду» [8, с. 156].

Весной 1906 г. проект был рассмотрен в Министерстве внутренних дел. Во время обсуждения вопроса в МВД генерал-губернаторы Юго-Западного и Северо-Западного края по-разному отнеслись к перспективе пересмотра границ Привислинских губерний. Г.А.Скалон был против таких изменений. Он отмечал, что это потребует пересмотра границ Варшавского военного округа, римско-католических епархий и, соответственно, сложных переговоров с Римом, а также ликвидации гмины¹, к которой население привыкло, однако для ограждения населения от польского влияния планируемая мера ничего не даст. Скалон подчеркнул, что оградить население Холмщины от колонизации административными мерами невозможно, поскольку «успехи ополячения определяются, главным образом, экономической зависимостью местного населения от польских помещиков». Кроме того, выделение Холмщины вызовет недовольство римско-католического духовенства и усилит польский национализм [2, оп.2, д. 35, л.216]. Киевский генерал-губернатор В.А.Суковкин высказался за передачу Холмщины, опровергнув все доводы Скалона: «Выделение Холмщины из Привислинского края совершенно необходимо в интересах сохранения русской народности и вряд ли вызовет взрыв религиозного и националистического возбуждения, т.к. никаких мер для стеснения поляков не предполагается» [2, оп.2, д. 35, л.217]. Виленский генерал-губернатор К.Ф.Криневицкий предложил создать особую Холмскую губернию и включить ее в Виленское генерал-губернаторство. Свое предложение он мотивировал тем, что присоединение восточных уездов Седлецкой и Люблинской губерний к Гродненской и Волынской увеличило бы территории последних, осложнило деятельность администрации. Криневицкий обращал внимание и на тождественность уездов Холмского края, которые поэтому нелогично было бы относить к разным губерниям. Он считал также,

¹Гмина – низшая административная единица в Царстве Польском, образованная в 1809 г. Управление гминой осуществляли выборные органы самоуправления.

что создание Холмской губернии поможет решить проблему организации военного управления, поскольку в этом случае она будет входить в состав Варшавского военного округа. Кроме того, «присоединение к Виленскому генерал-губернаторству, несомненно, упрочит в среде русского населения сознание его единства по вере и национальности» [2, оп.2, д. 35, л.218].

В марте 1906 г. проект МВД о выделении восточных уездов Люблинской и Седлецкой губерний из Привислинского края был передан в Совет министров. В ноябре 1906 г. обсуждение вопроса было продолжено на совещании под председательством С.Е.Крыжановского, в работе которого принимали участие епископ Евлогий, Люблинский губернатор Е.В.Менкин, Седлецкий губернатор А.Н.Волжин и другие. Члены совещания согласились с необходимостью выделения Холмщины в принципе, оговорив при этом нежелательность создания особой Холмской губернии. Это обстоятельство было мотивировано тем, что введение земских учреждений в новой губернии приведет к тому, что местная власть вновь окажется в руках «влиятельного польского элемента» [2, оп.2, д. 35, л.247]. Участники совещания предложили провести решение вопроса по ст. 87 Основных государственных законов, т.е. без участия представительных учреждений, «принимая во внимание, что последние, при обсуждении в них данной меры, могут не согласиться с нею» [2, оп.2, д. 35, л.248].

По свидетельству митрополита Евлогия, состоялось 4–5 заседаний, где члены комиссии «горячо спорили», но «никто кроме Ячевского (Ячевский М.Э. – управляющий канцелярией варшавского генерал-губернатора. – А.Б.) в курсе дела не был». Накал страстей на этих заседаниях, видимо, был огромен. Не случайно, уже через 29 лет после этого события митрополит Евлогий в воспоминаниях привел эпизод, стремясь подчеркнуть некомпетентность Варшавского генерал-губернатора: «На последнем заседании Скалон хотел сделать решительный натиск. Были торжественно разложены географические карты, этнографические и вероисповедные атласы с обозначением по уездам процентного соотношения русских и поляков, православных и католиков. Скалон начал важно критиковать записку, но через пять минут запутался, и, если бы не Ячевский, который поспешил ему на помощь, он очутился бы в весьма жалком положении» [8, с. 156].

В декабре 1906 г. в работе Совещания принял участие П.А.Столыпин. Он высказался против решения вопроса по ст. 87. В итоге Совет министров, обсудив вопрос о выделении Холмщины, пришел к заключению о необходимости передать решение вопроса на рассмотрение в Государственную думу, с чем был также полностью солидарен Николай II [14, с.63–71]. Факти-

чески возражения Скалона не оказали никакого влияния на ход подготовки Холмского законопроекта.

Итоги

При назначениях генерал-губернаторов на окраины Российской империи во время и после революции 1905–1907 гг. царское правительство

в подавляющем большинстве случаев подбирало исполнительных консерваторов, задачей которых становилось отстаивание государственных интересов на периферии Империи. Одновременно им необходимо было обеспечивать политическую стабильность на территории и, соответственно, периодически уступать требованиям национальных общественно-политических сил. Имея в XIX в. значительный объем формальных прав по управлению территорией, возможность выдвигать собственные проекты и участвовать в обсуждении тех или иных законопроектов, касающихся подведомственной территории, к началу XX в. генерал-губернаторы на окраинах находились тем не менее в положении практически полной зависимости от установок официального Петербурга. Именно эту ситуацию наглядно иллюстрируют проекты и предложения Г.А.Скалона по изменению административного управления в Царстве Польском. Если в годы Первой российской революции он возражал против либеральных проектов министра народного просвещения И.И.Толстого по реформированию образования и к его мнению прислушался С.Ю.Витте, то позднее Скалон абсолютно безуспешно выступил против создания Холмской губернии. Поддержку получили его предложения по использованию польского языка в городском самоуправлении Царства Польского, но тут необходимо учитывать, что аналогичного мнения придерживались Николай II и С.Д.Сазонов. Обширная переписка Скалона с руководителями различных ведомств в 1905–1914 гг., участие в работе по подготовке нового Городового положения и других актов по польскому вопросу показывает, что его деятельность в Царстве Польском невозможно свести к разработке и проведению карательных мер. В этом смысле Скалона вполне можно считать «забытым» Варшавским генерал-губернатором, многие из инициатив которого поддержаны не были. А сами инициативы Г.А.Скалона – яркая иллюстрация эволюции политики самодержавия в отношении окраин Российской империи накануне Первой мировой войны, направленной на решение окраинных проблем в центре, где мнению местной администрации не всегда придавалось должное значение.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1334.
4. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат. 1943. 248 с.
5. Витте С. Ю. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2: Рукописные заметки. Рассказы в стенографической записи. СПб.: Дмитрий Буланин. 2003. 646 с.
6. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912–1913. Сессия VIII. СПб., 1913.
7. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.) (материалы к исследованию). СПб.: ЛИСС, 1998. 1000 с.
8. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М.: Московский рабочий, 1994. 622 с.
9. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 422 с.
10. Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань: Центр исслед. национализма и Империи, 2004. С. 427–458.
11. Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел: Орлик, 2011. 487 с.
12. Нардова В. А. Городовое положение для городов Царства Польского и Государственная дума // Таврические чтения 2008: Сб. научных статей / ред. А. Б. Николаев. СПб.: [б.и.], 2009. С. 165–194.
13. О разрешении в частных учебных заведениях в Губерниях Царства Польского преподавания некоторых предметов на польском и литовском языках // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1905. Собр. III. Т. 25. Отд. 1. № 26756. С. 710–711.
14. Особые журналы Совета министров царской России. 1906–1917. 1907 г. Ч. 1. М.: [б.и.], 1984. 234 с.
15. Ремнев А. В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1997. № 2. С. 79–85.
16. Толстой И. И. Мемуары графа И. И. Толстого. М.: Индрик, 2002. 463 с.
17. Факты, характеризующие политическое движение в Царстве Польском после 17-го октября 1905 г. Варшава: Тип. Окр. штаба, 1905. 50 с.

История – наука будущего.

Константин Кушнер

Россия должна кормить своих
крестьян.

Александр Заверюха

История – это память
государств.

Генри Киссинджер

Государственное хозяйство –
это такое хозяйство,
в котором все хотят есть,
но никто не желает
мыть посуду.

Вернер Финк

Дарья Сазонова

**ОСОБЕННОСТИ
СТАНОВЛЕНИЯ
КАФЕДР РУССКОЙ
ИСТОРИИ
В СТОЛИЧНЫХ
УНИВЕРСИТЕТАХ
ПРИ НИКОЛАЕ I**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94 (47).072

В статье рассматривается становление кафедр отечественной истории в Московском и Санкт-Петербургском университетах. На этот процесс влияли два фактора: внутреннее развитие истории России как научной дисциплины и предложенная министром народного просвещения С.С. Уваровым триада «Православие, самодержавие, народность». Начальный этап формирования кафедр отечественной истории был тесно связан с взглядами и деятельностью двух наиболее известных историков этой эпохи – М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова. Важными результатами их научно-педагогической работы стало введение в оборот большого количества источников, выделение значимых проблем русской истории и ее особенностей, а также стремление научить студентов самостоятельному научному поиску.

The article examines the formation of the departments of national history at Moscow and St. Petersburg Universities. Two factors influenced this process: the internal development of the history of Russia as a scientific discipline and the triad “Orthodoxy, Autocracy, nationality” proposed by the Minister of Public Education S.S. Uvarov. The initial stage of the formation of the national history departments was closely connected with the views and activities of two the most famous historians of this era – M.P. Pogodin and N.G. Ustryalov. Important results of their scientific and pedagogical work were the introduction of a large number of sources into science, the identification of significant problems of Russian history and its features, as well as the desire to teach students independent scientific research.

Ключевые слова: С.С. Уваров; Историческое образование; Триада «Православие; самодержавие, народность»; Санкт-Петербургский университет; Московский университет; кафедра Истории России.

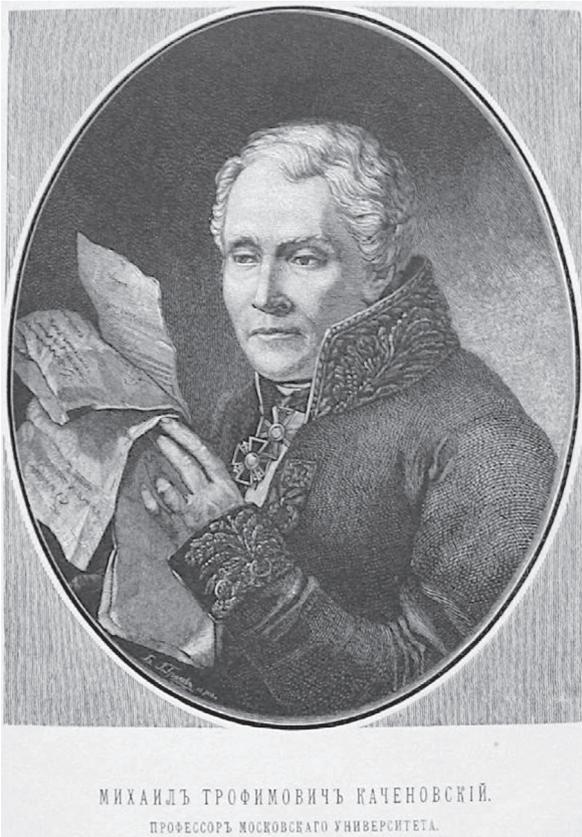
Key words: S.S. Uvarov; Historical education; The Triad “Orthodoxy, Autocracy, Nationality”; Saint Petersburg University; Moscow University; Department of Russian History.

E-mail: s.daffna@mail.ru

Сегодня сложно представить, что еще в начале XIX в. не существовало в полной мере такой важной университетской дисциплины, как история России. Хотя по русской истории уже был написан ряд научных трудов, становление самостоятельной кафедры, имеющей квалифицированного преподавателя-специалиста и систематический учебный курс, происходило в течение первой половины XIX в.

Русская история в высших учебных заведениях накануне Университетского устава 1835 г.

Для университетской истории первой половины XIX в. ключевым событием стал Устав 1804 г. По нему в рамках Отделения словесных наук появились две отдельные исторические кафедры: «всемирной истории, статистики и географии» и «истории, статистики и географии Российского государства» [5, с. 10]. На этом этапе систематичность и целостность исторических курсов зависела от специфики университета и конкретных преподавателей. Ввиду отсутствия квалифицированных профессоров, в качестве временной меры, Московский университет приглашал иностранных преподавателей, основное содержание курсов которых было посвящено истории европейских стран. Более того, в первые годы преподавания по Уставу 1804 г., из-за соединения преподавания истории с географией и статистикой, истории в целом уделялось мало внимания. Тем не менее в Московском университете уже в 1808–1809 гг. первый курс русской истории начал читать М. Т. Каченовский. С ним во многом связано начало становления истории России как самостоятельной университетской дисциплины. Каченовский впервые обратил внимание на необходимость введения в университетское преподавание источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, таких как археография, дипломатика и другие [5, с. 10]. С 1821 по 1835 г. Каченовский возглавлял кафедру «истории, географии и статистики Российского государства». Важным шагом на пути развития исторической науки стало создание в 1804 г. при университете Общества истории и древностей Российских, главной задачей которого было издание источников по древней русской истории. Популяризации исторических знаний и источников способствовали также разнообразные периодические издания Московского университета, в частности, «Вестник Европы» Каченовского. К царствованию Николая I университет подошел с определенной научно-методической базой в области преподавания истории. Нужно

Портрет историка М.Т.Каченовского. Худ Г.И.Грачев (До 1842)

подчеркнуть, что в этот период сложно говорить о «чистых» историках, этнографах, археологах. В большинстве случаев это были «специалисты широкого профиля с разнообразными интересами». [5, с. 12]. Большой вклад в развитие научных знаний по русской истории внесли «античники» Р.Ф.Тимковский и И.М.Снегирев. Труды этих и других профессоров поддерживался достаточно высокий уровень преподавания и закладывались основы для становления гуманитарных дисциплин. Это позволило подготовить небольшое количество новых ученых. Так, например, в Московском университете в 1825 г. М.П.Погодин защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси» и в 1833 г. стал ординарным профессором.

В столичном, Санкт-Петербургском университете, ситуация была сложнее. После преобразования Главного педагогического института в Санкт-Петербургский университет в 1819 г. была сохранена уже существующая структура. На историко-филологическом факультете продолжала действовать единая кафедра «истории всеобщей и в особенности Российского государства» [2, с. 7]. Российскую историю здесь с 1811 г. преподавал Т. О. Рогов, выпускник педагогического института. Он, как и некоторые другие преподаватели, не составляя самостоятельного курса, читал лекции по учебнику И. К. Кайданова («Начертание истории государства Российского». СПб., 1829) и говорить о серьезном научном уровне преподавания на тот момент не приходится [3, с. 10]. По воспоминаниям историка Н. Г. Устрялова, который учился здесь в начале 1820-х гг., Рогов был человеком «бездарным», «робким», «охотником до карточной игры», иногда засыпавшим на кафедре после бессонной ночи, «впрочем, добряк» [12, с. 609–610]. В 1831 г. Рогов скончался, и дальнейшая судьба кафедры была тесно связана с ее выпускником Н. Г. Устряловым. Таким образом, ситуация в сфере высшего исторического образования требовала преобразований, способных вывести его на качественно новый уровень. Дальнейшее развитие исторического образования должно было пойти по пути более четкого дисциплинарного деления.

Изменения, связанные с министром С. С. Уваровым и новым Университетским уставом 1835 г. Ожидаемая эволюция структуры исторического образования произошла после принятия нового Университетского устава 1835 г., связанного с именем министра народного просвещения С. С. Уварова. Теперь история вошла в состав первого отделения философского факультета. В рамках отделения появились две самостоятельные кафедры: «всеобщей истории» и «российской истории» [2, с. 7]. Важной вехой в процессе подготовки нового Устава стала ревизия Уварова Московского университета в 1832 г. В отчете об этой ревизии впервые были обнаружены его планы по развитию системы образования в духе триады «Православие, самодержавие, народность» [11, с. 620]. Отмечая, что предшествующее его ревизии управление университетом было во многом ошибочным, Уваров предложил действовать на юношество и «доверенностью», и строгим надзором. С целью решить труднейшую задачу – дать юношеству «правильное, основательное, необходимое в нашем веке» образование, сочетающееся

с «глубоким убеждением и с теплой верой в истинно русские хранительные начала православия, самодержавия и народности» как «последний якорь нашего спасения» и «залог силы и величия» Отечества. Вопреки «предрассудкам», с которыми Уваров приехал в университет, беседы со студентами убедили его в искренней преданности «трону и церкви» большинства из них. Подтверждение этому он видел в том, что, иногда заканчивая лекции профессоров «собственным нравоучением» о необходимости «быть русским по духу прежде», «нежели европейцем по образованию», а по возможности соединять «незыблемое чувство верноподданного с познаниями высшими, с просвещением, принадлежащим всем народам и векам», он встречал «общий восторг». Характерно, что в этом же документе Уваров

Портрет министра народного просвещения С.С.Уварова. Худ. В.А.Голике. 1833

предлагал профессорам организовать научный журнал, в том числе, чтобы «внушить молодым людям охоту ближе заниматься историей отечественной, обратив больше внимания на узвание нашей народности во всех ее различных видах» [11, с. 300–304]. Намеченные в этом отчете перспективы развития образования заключались в том, что повышение его уровня должно идти параллельно с попытками направить общественное мнение в пользу формирующейся государственной идеологии. Эта предпосылка оказывала влияние как на структуру, так и, в большей степени, на содержание образования.

Реализовать стремление Уварова «"приноровить" университеты» «к духу народному» было невозможно без развития исторического образования [8, с. 185]. На понятие «народности» как исторической самобытности России влияло развитие исторических знаний и статистики. «Исторические науки подтверждали развитие во времени, а статистика, рассматриваемая как универсальная наука о государстве, – в географическом пространстве» [8, с. 201]. Углубляющаяся дифференциация научных знаний, с одной стороны, и государственный запрос на развитие определенных сфер науки и культуры – с другой, отражались в новой структуре университетов. Появление большего количества молодых, качественно образованных специалистов, в том числе благодаря политике Уварова по зарубежным стажиров-

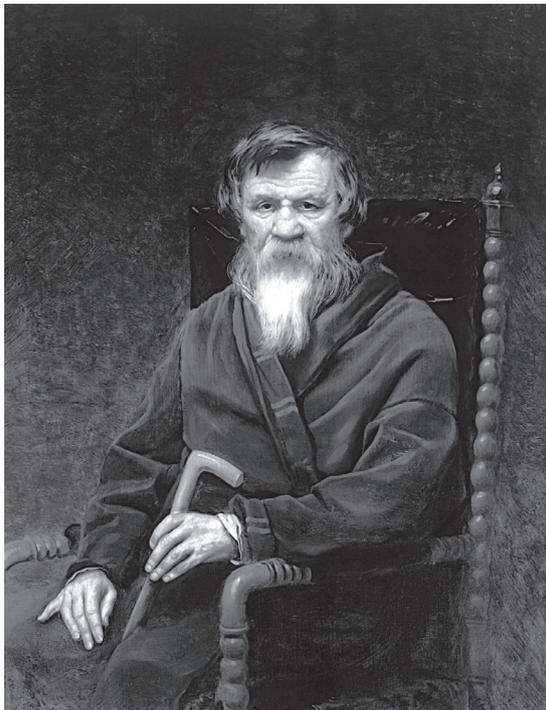
Московский университет (нач. 1900-х)

кам, способствовало постепенному занятию ими новообразованных кафедр. Появлялся достойный претендент с определенной подготовкой и специализацией – развивалась отдельная отрасль знания. Так, в Петербурге в январе 1834 г. экстраординарным профессором по кафедре «русской истории» был утвержден Н.Г. Устрялов, и видимо, как полагают историки университета Брачев В.С. и Дворниченко А.Ю., отсчет существования кафедры необходимо начинать с этого момента, то есть еще до принятия Устава 1835 г. [2, с. 10]. Показательно и отличие названия, в общем Уставе кафедра называлась «российской» истории, а в Петербургском университете – «русской». Историки связывают это отличие и с общим стремлением к опоре на национальные начала, и с деятельностью самого Устрялова, курс которого целенаправленно назывался «Русская история» [2, с. 11]. К 30-м гг. XIX в. отвлеченный просветительский взгляд на историю и словесность как «средства воспитания идеального Человека и Гражданина» сменился на конкретные задачи по воспитанию и образованию «сознательных граждан Российской империи» [8, с. 304]. Появление особой кафедры истории России отражало рост национального самосознания и интереса к отечественному прошлому.

Формирование кафедры истории России в Московском университете: М.Т. Каченовский и М.П. Погодин

Возвращаясь к примеру Московского университета, нужно отметить, что здесь развитие исторической науки было сосредоточено

вокруг двух людей с противоположными взглядами. Это – глава «скептической школы» Каченовский и сторонник самобытности русской истории и государственности – Погодин. Первоначально Каченовский возглавлял кафедру «истории, географии и статистики Российского государства», а Погодин занимал кафедру «всемирной истории, географии и статистики». Суть подхода Каченовского заключалась в необходимости «тщательного выяснения подлинности источников и истинности сообщаемых в них сведений». Он призывал «исследовать и сомневаться», прежде всего, ставя под сомнение сведения большинства древнерусских источников, публикацией и изучением которых активно занимался Погодин [5, с. 9]. Недостаток конкретно-исторических сведений при внешней объективности приводил Каченовского к «априорным представлениями об отсталости России от Западной Европы». Популярность скептической школы отрицательно сказывалась на всем преподавании, цель которого была в пе-

Портрет историка М.П.Погодина. Худ. В.Г.Перов. 1872

редаче системы знаний, а не в отрицании источников и целых эпох. Сам Каченовский так и не создал полноценного курса лекций [7, с. 30].

Полемика Погодина и Каченовского о русской истории вышла за университетские рамки, что подтверждает известный диспут А. С. Пушкина и Каченовского в 1832 г., когда поэт в присутствии студентов отстаивал подлинность «Слова о полку Игореве». Допуская существование «скептической школы», Уваров стимулировал их оппонентов искать новые доказательства подлинности древнерусских памятников. В то же время министр понимал историческую и научную бесплодность «скептицизма» [8, с. 305]. Необходимо было, чтобы во главе развития русской истории как науки стоял человек, способный привить студентам любовь и интерес к отечественным древностям, к фактическому материалу этого сложного и малоизученного периода. Поэтому решением проблемы стало закрепление новой кафедры «российской истории» за Погодиным и перевод Каченовского

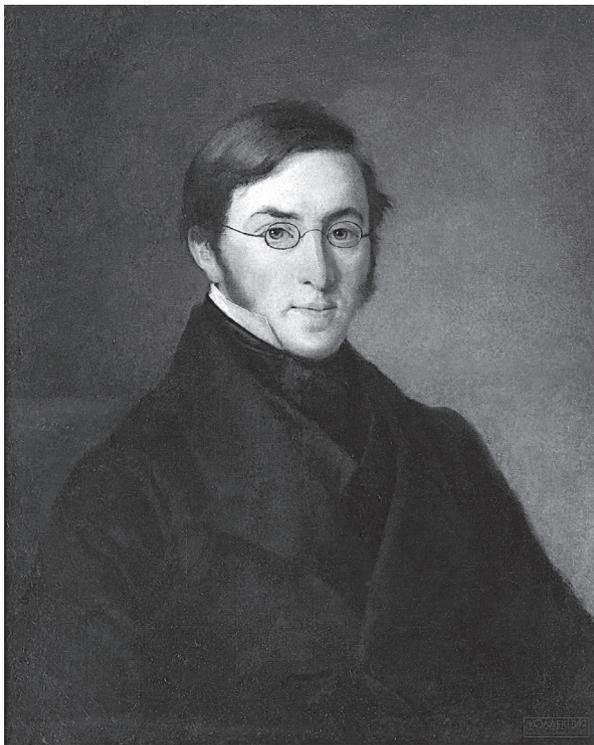
на кафедру «истории и литературы славянских наречий». И все же традиции преподавания, заложенные Каченовским, были подхвачены Погодиным, ведь несмотря на разницу подходов, Каченовский поддержал магистерскую защиту Погодина. К моменту появления новой кафедры, Погодин был уже сформировавшимся ученым, подготовившим свой оригинальный курс русской истории, который прочитал в 1832–1833 гг. на нравственно-политическом отделении. Само создание отдельной кафедры русской истории было связано с его широкой научно-педагогической деятельностью. Он обозначил главные источники и проблемы курса по русской истории, а также ее самостоятельные научные задачи. Кроме того, в своей программной лекции «О всеобщей истории» [10, с.95–103] Погодин «одним из первых четко сформулировал геополитическую линию развития России», выделив ее как одну из трех цивилизаций, наряду с европейской и азиатской [8, с.263]. Именно преподавание и поддержка его студентами помогли Погодину отстоять свой исторический подход. Преимущество его как преподавателя заключалось в хорошем владении европейской и русской историографией [7, с.36–37]. По воспоминаниям Ф.И.Буслаева, Погодинская «лекция была продолжением кабинетной работы», он «вводил нас в самый процесс научного труда», учил работать с источниками, показывал изнутри собственные научные изыскания, тем самым увлекая слушателей «не словами, а самим делом» [цит по: 7, с.35]. Но для предоставления кафедры Уваров считал необходимым отправить Погодина, у которого формально не было докторской степени, в западноевропейскую командировку. Эта поездка убедила его в необходимости «более узкой специализации в преподавании и большего внимания к вспомогательным историческим дисциплинам» [9, с.158–159]. Заняв кафедру, Погодин продолжил развивать свой курс лекций по русской истории, но в целом этот курс от древности и до Петра I не был одинаковым. В разное время он сосредоточивал внимание на разных периодах [7, с.68]. Важную роль в развитии дисциплины и повышении интереса к русской истории играла внелекционная работа со студентами. Под руководством Погодина студенты переводили европейские исследования, писали «рассуждения» по историческим проблемам, которые он читал и комментировал. Также он снабжал студентов литературой и давал возможность работы в своем «Древлехранилище» (коллекции предметов старины) [7, с.48].

За годы руководства кафедрой Погодиным центр исторической науки, до этого находившийся вне университетской структуры, пере-

местился в Московский университет. Кафедру российской истории Погодин возглавлял всего девять лет (1836–1845), но за это время он подготовил «почву для будущей деятельности С. М. Соловьева» и создания им фундаментальной истории России и, совместно с К. Д. Кавелиным, исторической «государственной школы». Также были намечены будущие направления специализации: археографическое, которое продолжил Н. В. Калачов, этнографическое, продолженное Ф. И. Буслаевым, краеведческое, подхваченное И. Е. Забелиным, и, конечно, славяноведческое, развиваемое О. М. Бодянским [7, с. 3, 5–6]. И тем не менее Погодин не стал во главе определенной исторической школы, в том числе из-за его личных качеств. С одной стороны, он постоянно продолжал собственное самообразование на виду у учеников и в то же время давал им свободу развития [7, с. 89]. Погодин стремился не столько передать систему знаний, сколько внушить любовь к истории. И на этом этапе развития исторического образования Погодин сыграл важную роль в накоплении фактического материала и вовлечении в занятие исторической наукой большого количества будущих ученых. Среди учеников Погодин особо выделял К. С. Аксакова, Ф. И. Буслаева, К. Д. Кавелина, Ю. Ф. Самарина, С. М. Соловьева. Именно Соловьеву суждено было заменить Погодина на кафедре в 1845 г. [7, с. 90]. С началом профессорской деятельности С. М. Соловьева открывался новый этап изучения и преподавания русской истории, связанный с новой исторической концепцией [7, с. 98].

Н. Г. Устрялов и становление кафедры истории России в Санкт-Петербургском университете

Сопоставимый с Погодинским вклад в формирование истории России как университетской дисциплины внес Н. Г. Устрялов. Как и в ситуации с Погодиным, кафедра и самостоятельная научная дисциплина с особыми задачами формировалась здесь в соответствии с деятельностью и взглядами этого историка. В 1831 г. ему было поручено преподавание русской истории. Как и в случае с Погодиным, к этому времени Устрялов успел прославиться своими публикациями источников. Он тоже увлекался Средневековьем и Смутным временем, а также Петровской эпохой [2, с. 9]. Устрялов также начал свое университетское преподавание с разработки самостоятельного оригинального курса, в котором значительное внимание уделялось характеристике источников и историографии. В 1836 г. Устрялов получил степень доктора, защитив диссертацию «О системе прагматической

Портрет историка Н.Г.Устрялова. Худ. В.А.Тропинин. 1850

русской истории» [14, с. 1–84] и в 1837 г. стал ординарным профессором. Как и Погодин, Устрялов привлекал слушателей тем, что показывал способы и пути самостоятельного научного поиска. Как писал его ученик В. В. Григорьев, критическая оценка существующей отечественной историографии воспринималась студентами как «радостная весть, открывавшая им пути к самостоятельным занятиям, о существовании которых не говорили им доселе ни слова» [4, с. 91]. А в результате подробной характеристики источников, они «не помнили себя от восторга, радовались, как Колумб, открывая совершенно неизвестную» им «доселе науку» [4, с. 39]. В Петербургском университете переход студентов от одного преподавателя к другому происходил без жесткого противостояния двух противоположных исторических подходов. Первые оригинальные и наукообразные лекции Устрялова выгодно отличались от преподавания его предшествен-

ника Т. О. Рогова. И в отличие от Погодина, курс лекций Устрялова был более систематичным и цельным. В 1837 г. была издана первая часть курса «Русской истории», включающая период с 862 по 1462 г. В последующее время вышли еще четыре части курса (последняя – в 1841 г.). И это издание стало первым печатным университетским курсом русской истории с древности до 1825 г., который был дополнен в 1847 г. «Историческим обозрением царствования государя императора Николая I». Этот официальный учебник по истории современной России был отредактирован лично императором [12, с. 641–651]. Если теоретический подход Погодина к истории нужно извлекать из разных его работ, то Устрялов сразу четко обозначил свои исторические принципы в диссертации «О системе прагматической русской истории». Эта работа стала своеобразным методологическим введением ко всему университетскому курсу. Устрялов исходил из того, что научная русская история «должна объяснить постепенное развитие государственной жизни нашей от первого начала ее до настоящего времени», чтобы, разлив «свет на главные условия быта общественного и раскрыв, почему они существуют так, а не иначе, указать, какое место занимает Россия в системе прочих государств, какие правила политики внутренней и внешней наиболее были сообразны

Санкт-Петербургский университет (нач. 1900-х)

с ее выгодами», какие причины «ускоряли и замедляли успехи промышленности и образованности». Устрялов подчеркивал, что история изображает не только «достопамятные действия людей, управлявших внутреннюю и внешнюю политикою России», но и «успехи законодательства, промышленности, наук и художеств, влияние религии, нравов и обычаев» [14, с. 5–6]. Для науки необходимо не только «верное и отчетливое знание фактов» из источников, но и приведение их «в стройную систему» с четким пониманием причинно-следственных связей. В этом и состоит суть «прагматического» подхода Устрялова [14, с. 6–7]. Главный вектор научного поиска Устрялова отражен в другой его работе: «Исследование вопроса: какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское». Отмечая, что в истории мы постигаем «основные начала своей народности», те элементы, из которых «образована наша жизнь государственная, общественная, семейная, мы ищем свой ответ на великий вопрос: что такое Россия?» [13, с. 5–6].

Важное место в деятельности Устрялова как историка и преподавателя занимала публикация источников. Он еще в 1830 г. перевел и издал работу французского путешественника XVI–XVII вв. Ж. Маржерета «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского» (1607). Затем издал пятитомник «Сказаний современников о Дмитрии Самозванце» (1831–1834) и «Сказания князя Курбского» (1833). Все эти темы тогда еще были во многом «запретными для исторической науки» [3, с. 9]. Издание Маржерета состоялось лишь после особого постановления Комитета министров. А по поводу издания «Курбского» Погодин писал, что «недавно еще со страхом было произносимо» само «это имя» [1, с. 103–106]. В 1842 г., при покровительстве Уварова, историк получил высочайшее дозволение Николая I на допуск к делам Петровской эпохи в Архиве МИДа, Кабинете Его Императорского величества, Святейшем Синоде, Военном и Морском архивах [2, с. 22]. С этого момента главным делом его жизни стала «История царствования Петра Великого» (1858–1863). Обширные документальные приложения к тексту, добытые не только в русских архивах, но и в европейских, сохраняют научную значимость этого труда по сей день. Однако увлечение петровскими исследованиями и административные обязанности (декана факультета и проректора) отрывали внимание историка от чтения лекций, которые пользовались все меньшей популярностью у студентов 50-х гг. [2, с. 23]. За три десятилетия работы на кафедре Устрялов не подготовил себе смену

в плане научного изучения русской истории. Под его руководством не было защищено ни одной докторской диссертации и только четыре магистерские [4, с. XVI–XXV]. Ситуация с количеством высококвалифицированных преподавателей русской истории в российских университетах все еще оставалась сложной и была связана не только лично с Погодиным или Устряловым, но носила и системный характер.

Выводы

Таким образом, становление кафедр русской истории в столичных университетах имело общие и отличительные черты. В обоих учебных заведениях формирование русской истории как научной дисциплины было тесно связано с триадой Уварова «Православие, самодержавие, народность», но в то же время отражало внутреннюю логику развития науки. Устав 1835 г. отделил развитие исторической науки от географии и статистики и позволил сосредоточить усилия ученых на формировании отдельной дисциплины отечественной истории. В обоих университетах кафедра развивалась во многом благодаря стараниям конкретных историков, в Москве – Погодина, в Петербурге – Устрялова. Их обоих отличал особый интерес к русскому Средневековью, а также к Петровской эпохе, большое внимание к работе с источниками и их публикация. Они подходили к преподаванию прежде всего как способу научить студентов самостоятельному научному поиску, но Погодин давал больше творческой свободы. Он в большей степени увлекался современными общественно-политическими тенденциями и проповедовал свои взгляды не только с университетской кафедры, но и в периодической печати. Устрялов изначально сосредоточился на более системной, масштабной проработке полноценного сначала университетского, а позже и гимназического курса русской истории. По оценке современного историка А. И. Миллера, именно Устрялов в целом «создал версию русского исторического нарратива, в ряде ключевых элементов остававшуюся неизменной вплоть до краха империи» [6, с. 263]. Взгляды Погодина и Устрялова стали переходным звеном между «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина и «Историей России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Эти ученые накопили и ввели в науку обширный пласт источников, определили особую роль России в мировой истории, выявили основные проблемы и перспективы развития науки русской истории. Но главное, что они сделали для своей эпохи, – это

зародили искренний интерес к русской истории. И хотя им не удалось создать определенных научных школ, они подготовили большое количество учеников, которым предстояло продолжить развивать русскую историческую науку уже в рамках созданного в 1850 г. историко-филологического факультета.

Библиографический список

1. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. Кн. 4. СПб.: тип. М.М.Стасюлевича, 1891. 450 с.
2. Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 384 с.
3. Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Избранные труды по историографии и источниковедению: научное наследие. РАН, Отделение истории. Археографическая комиссия, Институт российской истории, Санкт-Петербургский филиал. СПб.: Наука, 2000. 662 с.
4. Григорьев В.В. Императорский С.Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Тип. В.Безобразова, 1870. 432 с.
5. Историческая наука в Московском университете. 1755–2004 / Под ред. С.П.Карпова. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2004. 640 с.
6. Миллер А.И. О русском национализме. Лекции, статьи, диалоги. М.: Полит.ру, 2013. 504 с.
7. Петров Ф.А. М.П.Погодин и создание Кафедры российской истории в Московском университете. М.: АО Московские учебники и Картолитография, 1995. 157 с.
8. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Том 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2003. 480 с.
9. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Том 4: Российские университеты и люди 1840-х годов. Часть 1: Профессура. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2003. 584 с.
10. Погодин М.П. О Всеобщей Истории. Лекция при вступлении в должность ординарного профессора в Императорском Московском университете // Погодин М.П. Избранные труды. Сост., авт. вступительной ст. и коммент.: А.А.Шириянц, К.В.Рясенцев; подгот. текстов: А.А.Шириянц, К.В.Рясенцев, Е.П.Харченко. М.: РОССПЭН, 2010. С.95–103.
11. Уваров С.С. Отчет по обозрению Московского университета. 4 декабря 1832 // Уваров С.С. Избранные труды. Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В.С.Парсамов, С.В.Удалов; авт. пер. В.С.Парсамов. М.: РОССПЭН, 2010. С.294–313.

12. Устрялов Н.Г. Воспоминания о моей жизни// Древняя и новая Россия. 1880. №8. СПб.: Тип. В.И.Грацианского, 1880. С.603–685.

13. Устрялов Н.Г. О Литовском княжестве. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? СПб.: тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. 42 с.

14. Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. СПб: Тип. Л.Снегирева и К°, 1836. 84 с.

Ангелина Рогожина

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.:

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

Статья посвящена анализу современной историографической ситуации, связанной с изучением государственной продовольственной политики Российской империи второй половины XIX века. Рассмотрены основные направления исследования проблемы продовольственной безопасности, голода, а также участия органов государственной власти и местного самоуправления в реализации мероприятий по предотвращению продовольственного кризиса в российской пореформенной деревне. Обоснована актуальность создания комплексного научного труда, посвященного обозначенной проблеме.

The article is devoted to the analysis of the current historiographical situation in the context of studying the state food policy of the Russian Empire in the second half of the 19th century. The main directions of studying the problem of food security, hunger, as well as the participation of state authorities and local self-government in the implementation of measures to prevent a food crisis in the Russian post-reform village, which have become widespread in the national historiographic tradition, are investigated. The conclusion is made about the fragmentary nature of the study of the designated problem and the absence of special scientific research devoted to the subject under study.

Ключевые слова: государственная продовольственная политика; современная историография.

Key words: state food policy; contemporary historiography.

E-mail: rogozhinaas@yandex.ru

Актуальность изучения проблемы продовольственной безопасности обусловлена высокой степенью ее значимости для государства и общества на всех этапах исторического развития. Формирование и функционирование системы продовольственного обеспечения носит комплексный характер, связанный с необходимостью проведения эффективной государственной аграрной политики, направленной на фундаментальное развитие отечественного аграрно-промышленного комплекса, а также построения концепции устойчивой социально-экономической эволюции российского общества.

История изучения участия государственной власти в обеспечении народного продовольствия во время неурожая и голода является одной из малоизученных областей отечественной науки. Нельзя сказать, что специалисты в области аграрной истории России обходили эту тему стороной, однако она редко выступала в качестве главного объекта научных изысканий.

Современная отечественная историография акцентирует свое внимание на многочисленных аспектах «продовольственной» темы, которые в большинстве своем превратились сегодня в самостоятельные исследовательские сюжеты. Отдельные из них знаменуют начало нового историографического пути, другие, напротив, традиционны для российской исследовательской аудитории. Проанализируем их тематическую направленность и подходы к рассмотрению обозначенного нами круга проблем.

**«Исторические оптимисты»
и «исторические пессимисты»:
кто прав?**

Историки постсоветской России продолжили изучение особенностей социально-экономического развития пореформенной России, хорошо демонстрирующих контекст реализации государственной продовольственной политики. Советская историография защищала тезис об отсталости и многоукладности капиталистических отношений в России в конце XIX – начале XX вв., а также о наличии перманентного кризисного состояния пореформенной деревни. Эти утверждения стали объектом критики со стороны историков-аграрников, подвергающих сомнению выводы и методологические основы исследований советских специалистов. Так, М. А. Давыдов в одной из своих работ, посвященных теме «голодного экспорта» 90-х гг. XIX в, называл труды авторитетных советских историков-аграрников «ноющей историографией», утверждающей «вечную» отсталость до-

революционной России и неспособность царской власти разрешить аграрно-крестьянский вопрос [17, с. 410]. Позиция Давыдова нашла поддержку в работах Б.Н. Миронова и В.Н. Круглова, а также американского специалиста по экономической истории России П. Грегори [7; 8; 6; 28; 27; 19; 49]. Их методологическая концепция обоснована критическим подходом к традиционной источниковой базе, используемой советскими историками. Речь идет о данных Центрального статистического комитета МВД, Министерства земледелия и земских статистических исследованиях, сомнения в достоверности которых выдвинули еще дореволюционные исследователи А. Ф. Фортунатов, Д. И. Иванцов и С. Г. Струмилин [44; 13; 43]. Исследователи последних десятилетий, отвергающие идею перманентного аграрного кризиса, «голодного экспорта» и правительственной «организации голода» в 1891–1892 гг., образовали лагерь так называемых «исторических оптимистов» в противовес «историческим пессимистам» – советским историкам, пропагандировавшим «теорию кризиса», и их современным последователям.

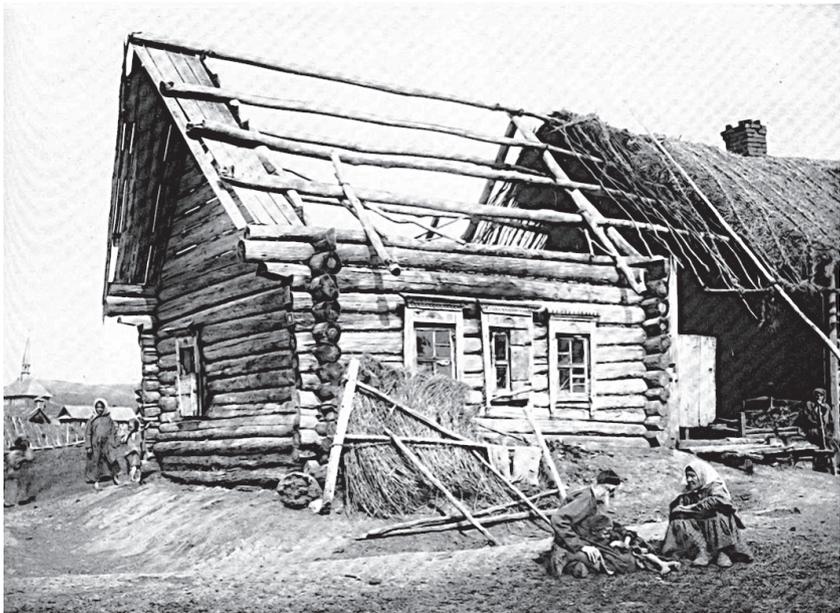
«Голодный экспорт» – миф или реальность?

Как уже было сказано, «оптимисты» отвергли понятие «голодного экспорта» – внешнеполитического курса министра финансов

И. А. Вышнеградского, направленного на вывоз из страны как можно большего количества зерна в ущерб питанию российского крестьянства. В отличие от «пессимистов», они не приняли тезис об «организации правительством» голода 1891–1892 гг., рассматривая все проблемы пореформенной российской деревни, в том числе продовольственные, как порождение пагубных черт крестьянского менталитета, социальных девиаций (в частности, пьянства) и негативного влияния общины.

«Оптимисты» считали, что государственная продовольственная политика, проводимая в России во второй половине XIX в. была успешной, о чем свидетельствовали многочисленные факты, подтверждавшие активные действия русского правительства по оказанию помощи крестьянству в неурожайные годы. М. А. Давыдов подвергнул жесткой критике оценку государственной продовольственной системы как неэффективной и направленной лишь на сохранение «порядка и спокойствия», а не на оказание помощи голодающим [6, с. 121]. Названную точку зрения разделил В. Н. Круглов, назвав позицию советских ис-

ториков относительно убежденности в бездействии царских властей перед лицом голодной нужды «откровенно фальсификаторской» [19, с. 90]. Причину неурожаев 1891–1892 гг. историк связал с неблагоприятными природными условиями и архаичностью методов земледелия, обусловленной наличием общинной формы землевладения. По мнению Круглова, для предотвращения голодных смертей государство использовало различные средства помощи населению, включая многомиллионные субсидии из государственного бюджета, а также организацию общественных работ, медицинской помощи и др. [19, с. 90]. Голод 1891–1892 гг. вызвал волну широкой благотворительной помощи, продолжавшейся, по мнению исследователя, вплоть до начала Первой мировой войны. Однако подобное утверждение вызывает сомнения, поскольку авторитетные историки и современники событий отмечали значительный спад активности благотворительного сообщества. Он особенно обозначился после изъятия продовольственного дела из ведения земств в 1900 г. В.Н.Круглов рассмотрел продовольственный кризис начала 1890-х гг. не только под углом зрения «всероссийского разорения», но и как стимул сельскохозяйственного развития России.

Изда татарина Саловатова в деревне Кадомке Сергачского уезда Нижегородской губернии. Фото А.Дмитриева, 1891–1892 гг.

Это выразилось в увеличении производства картофеля, технических и других незерновых культур; ускоренном переходе крестьянского хозяйства на рельсы интенсификации; а также стремительном росте железнодорожного строительства [19, с. 104].

К вопросу о «кризисном, упадочном» имидже России на рубеже XIX–XX вв.

Другим ярким представителем лагеря «оптимистов» стал историк Б. Н. Миронов [28; 27]. Одну из своих работ, посвященных борьбе общественных сил пореформенной России с самодержавной властью, он начал с утверждения: «Объективный научный анализ показывает, что в пореформенное время российские экономика, общество и государственность успешно развивались» [26, с. 639]. Наличие в дореволюционной историографии и публицистике устоявшейся идеи о глубоком перманентном кризисе в России в конце XIX – начале XX в. историк объяснил убежденностью российской общественности в том, что при самодержавии невозможен какой-либо прогресс [26, с. 641]. Между тем социально-экономический и политический режим, сложившийся в России в результате Великих реформ 1860–1870-х гг. и реформы 1905 г., в основе которых лежала частная собственность, рыночная экономика, гражданское общество и сильное правовое государство, по мнению Б. Н. Миронова, обеспечил хорошие возможности для успешного развития России [26, с. 641]. Историк убежден в том, что «кризисный, упадочный имидж России в конце XIX – начале XX вв. создавался кадетской, эсеровской и социал-демократической партиями намеренно, в борьбе за власть, с целью дискредитации своих политических противников» [26, с. 642]. «Парадигма кризиса и пауперизации использовалась для пропаганды идей революции и осуждения монархии» [26, с. 642] – продолжил свою мысль Миронов. Огромные бедствия от неурожая и голода 1891–1892 гг. общественность приписывала исключительно аграрной политике правительства и его неспособности организовать надлежащую помощь неурожайным губерниям. Вместе с тем Миронов, ссылаясь на исследование Р. Роббинса [50], который доказывал жизнеспособность государственной продовольственной политики в борьбе с голодом 1891–1892 гг., положительно оценил действия русского правительства в продовольственную кампанию 1890-х гг. и был солидарен с мнением М. А. Давыдова, что российская продовольственная система гарантировала нормальное питание в голодные годы [7, с. 276]. В ка-

честве доказательства Б.Н. Миронов использовал демографические показатели 1891–1892 гг., утверждая, что в голодные годы они были «плохими», но «таких лет в дореформенное время было много, а в пореформенное – два» [26, с. 644]. Историк пришел к выводу, что несмотря на то, что неурожай 1891 г. был самым серьезным испытанием за весь XIX в., «пресса игнорировала позитивную динамику урожайности и смертности в пореформенное время, недооценивала деятельность коронной администрации и явно педалировала тезис о его феноменально тяжелых последствиях как результате антикрестьянской аграрной политики» [26, с. 645].

Представитель зарубежной историографии, приверженец концепции «исторического оптимизма», П. Грегори также отрицал укрепившийся в советской историографии тезис о наличии в России аграрного кризиса в конце XIX – начале XX веков. Свою теорию он выстроил на отрицании снижения жизненного уровня российской деревни в масштабах всей страны как основном доказательстве существования аграрного кризиса.

Примечательно, что американский исследователь не рассматривал сохранение общинного землевладения как фактор, тормозящий рост благосостояния крестьянского населения, а тяжесть крестьянских налогов – как подавляющие инициативу и лишаящие крестьянство возможности накапливать капитал. По его мнению, источником неуправляемого налогового бремени стала завышенная оценка стоимости крестьянской земли относительно капитализированной стоимости чистого дохода с этой земли во время освобождения крестьян [49, с. 53]. Однако П. Грегори предложил рассматривать эту тенденцию как свидетельство увеличения платежеспособного спроса на землю со стороны части крестьянского населения, т.е. как свидетельство, в среднем, роста крестьянского благосостояния. А влияние общинного землевладения на крестьянские доходы признал формальным, отличным от действительных механизмов ее функционирования [49, с. 52–54].

В продолжение своих рассуждений, П. Грегори подверг сомнению справедливость утверждения о «голодном экспорте» начала 90-х гг. XIX в. Свою позицию он объяснил маловероятностью того, что российское правительство обладало в сельской местности властью, достаточной, чтобы заставить крестьян принудительно отдавать произведенную ими продукцию. Кроме того, по мнению историка, «трудно представить, чтобы во время голода крестьянская община прода-

вала зерно с целью выплатить налоги», учитывая, что «крестьяне весьма вольно относились к прямым налоговым обязательствам» [49, с. 35].

«...примерно половина населения жила в условиях постоянного недоедания»

Оппонентами современных «оптимистов» выступили историки И. А. Кузнецов, С. А. Нефедов, М. И. Роднов. Они доказывали не-

достаточную репрезентативность исследований и источниковой базы, используемых в качестве опровержения «теории кризиса» [20; 32; 41]. В частности, М. И. Роднов в рецензии на монографию М. А. Давыдова обвинил последнего в умозрительном восприятии России как «некоего единого рыночного пространства» и игнорировании данных земской статистики [41]. Рассматривая уровень потребления российского крестьянства, С. А. Нефедов пришел к заключению, что, несмотря на то, что «по объемам производства страна была более–менее обеспечена хлебом, политика форсирования вывоза приводила к тому, что среднее потребление балансировало на уровне голодного минимума и примерно половина населения жила в условиях постоянного недоедания» [31, с. 90–91]. Россия на протяжении полувека, с 1861 по 1903 гг., находилась на грани голода, войдя в состояние стагфляции [31, с. 92]. Возвращаясь к вопросу «голодного экспорта», С. А. Нефедов подчеркнул, что уровень социальной стабильности в России, когда потребление хлеба составило бы 24–25 пудов на душу населения, мог быть достигнут только при условии, что все производимое в конце XIX в. зерно оставалось бы в стране и не экспортировалось [31, с. 92].

Темпам аграрной модернизации на рубеже XIX – начала XX вв. и вопросам продовольственного потребления посвящены работы А. В. Островского и В. В. Кондрашина [35; 34; 17]. Авторы на основе обширного эмпирического материала раскрыли особенности развития пореформенной российской деревни. Результаты этого развития, по мнению историков, оказались противоречивыми, поскольку успехи модернизации сочетались с серьезными кризисными явлениями, особенно в районах преобладания крупного помещичьего хозяйства.

Одним из традиционных исследовательских направлений осталось изучение деятельности общественных организаций по оказанию помощи пострадавшему населению и содействию органам местного самоуправления. В работах О. М. Мокроносовой, Н. В. Пислегина были

рассмотрены характер благотворительной помощи, основные проблемы, возникавшие перед общественными организациями, вопросы взаимодействия государства и общества в процессе осуществления благотворительной инициативы, участие в ней губернаторского корпуса и др. [29; 38].

Народная столовая в деревне Пралевке Лукояновского уезда Нижегородской губернии. Фото А. Дмитриева, 1891–1892 гг.

**Помощь голодающим:
правительство, церковь
и общество**

Деятельность благотворительных обществ по оказанию помощи пострадавшим от неурожая 1891 г. в Оренбургской губернии проанализирована в статье О. Ю. Николаевой. Она утверждает, что неурожай и наступивший затем голод послужили стимулом к активизации благотворительных сил, но «в большинстве случаев инициатива создания подобных обществ исходила от правительства, а не от общества» [33, с. 132–133]. В такой форме государство пыталось делегировать часть своих полномочий обществу, переложив на него

свои обязанности по призрению различных категорий населения [33, с. 132–133].

Социальной функции Русской православной церкви в различных регионах страны во время голода 1891–1892 гг. посвящены работы А. Ю. Друговской, А. В. Власовой, П. В. Понарина, А. О. Мещеряковой [9; 5; 39; 23], где проанализирована деятельность Епархиальных комитетов в Центрально-Черноземном регионе и на Урале по борьбе с голодом 1891–1892 гг. Исследователи изучили процесс сбора сведений о нуждающихся, а также процедуру распределения пожертвований. Они выяснили, что церковь не оставалась в стороне, «не складывала руки», а принимала активное участие в оказании помощи пострадавшим. В. Д. Черных и А. А. Борисова писали о скрупулезности приходских священников в составлении отчетной документации в Епархиальные комитеты при получении средств для раздачи неимущим [45, с. 206].

Призывы о помощи, исходившие от пастырей, находили широкий отклик у населения. Однако порой имело место равнодушие к нуждающимся со стороны чиновников от Церкви. Например, в статье С. П. Синельникова упоминается «характерный факт», обличающий «чиновничью сухость и холодное равнодушие» к народной нужде, которую продемонстрировали обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев и управляющий канцелярией Святейшего Синода В. К. Саблер во время своего визита в Саратов в июне 1891 г.: «В журнальном хвалебно-коленипреклоненном обзоре этого визита обязательно было бы упомянуто об "упавшей слезе" со щеки обер-прокурора по поводу терпящих бедствие от неурожая и голода. Но нет, этого не случилось» [42, с. 60–61]. По мнению С. П. Синельникова «целью приезда обер-прокурора, скорее всего, было выяснение – куда и как расходовались собираемые средства» [42, с. 60–61]. Можно предположить некоторое преувеличение в описании чиновничьей индифферентности хотя бы потому, что денежный сбор в епархиях в пользу пострадавших от неурожая был открыт только специальным определением от 21 августа 1891 г. Поэтому для его проверки в июне 1891 г. не было оснований.

Деятельное участие в организации помощи голодающим, особенно в 90-е гг. XIX в., принимало Российское Общество Красного Креста. Механизмы оказания продовольственного и медицинского содействия населению рассмотрены в работах И. В. Егорышевой, О. А. Наумовой, Р. Р. Батыршина, И. И. Ковалевской, Е. Ю. Колебакина и др. [10; 30; 3; 15;

16]. Авторы единогласно отмечали высокую эффективность работы попечительств Красного Креста и его вклад в борьбу с продовольственным кризисом.

«Кукурузная дипломатия» США Высокий исследовательский интерес вызвала реакция мирового благотворительного сообщества на известия из «голодной России».

В Соединенных Штатах Америки благотворительная инициатива неравнодушных жителей страны приняла масштабы настоящего филантропического движения, выразившегося в отправке в Россию пяти пароходов, груженных кукурузной мукой и другими продуктами для голодающей российской деревни [4]. Исследовательница проблемы В. И. Журавлева рассматривала движение американских меценатов в поддержку голодающих в России как часть «кукурузной дипломатии» в контексте российско-американских отношений с конца XIX в. до начала «холодной войны» [11]. Это был первый пример народной дипломатии в действии и первой международной акцией такого масштаба не только Американского Общества Красного Креста, но и вообще США [11, с. 122]. По мнению Журавлевой, «отчасти благодаря этой гуманитарной акции идея поиска свободных рынков начала сопрягаться в общественном сознании граждан США с идеей глобальной миссии Америки по распространению свободы во всем мире» [11, с. 122].

Наряду с общими вопросами организации благотворительной помощи голодающим, интерес современных историков привлекли сюжеты, связанные с участием в ней известных общественных деятелей. В частности, деятельность великого русского писателя Л. Н. Толстого по оказанию помощи нуждающимся Самарской, Тульской и Орловской губерний во время голода 1873, 1891–1892, 1897–1898, а также 1907 гг., стала объектом исследования М. С. Чиркова и М. А. Ахметовой [46; 1; 2]. Изучению литературного наследия Л. Н. Толстого как источника по истории социально-экономического положения российского крестьянства и его перманентных продовольственных проблем также посвящены статьи Е. А. Панькиной, И. В. Пантелеева и Е. С. Кравцовой [37; 36; 18]. Характеристика очеркового цикла «В голодный год» видного публициста и общественного деятеля В. Г. Короленко дана в работе О. В. Любовой и Д. Н. Катаржной [21]. В. Г. Короленко принимал активное участие в организации продовольственной

помощи голодающим Лукояновского уезда Нижегородской губернии. В его произведении «В голодный год», основанном на дневниковых записях, отражена продовольственная кампания 1897–1898 гг. Авторы статьи, отмечая эмоциональный стиль В.Г.Короленко, были убеждены в его объективности, особенно в вопросах обличения всевластия, чиновничьего произвола и равнодушия властей к положению народа.

**Продовольственное
обеспечение населения:
региональный уровень**

Конец 1990-х – начало 2000-х гг. были ознаменованы появлением диссертационных исследований, посвященных изучению про-

дovolьственного обеспечения населения, а также истории голода 1891–1892 гг. на региональном уровне. История «всеобщего разорения» 1891–1892 гг. на примере Воронежской губернии была освещена в рамках диссертации М. Д. Книги. Автор провела анализ голода как общественно-исторического явления с точки зрения долговременных и чрезвычайных мер по его преодолению, предпринятых правительством и земством, а также социально-экономических последствий бедствия. М. Д. Книга обратила внимание на то, что на протяжении всей истории голод был одним из факторов возникновения крестьянских волнений и обострял классовые противоречия, что при определенных условиях служило катализатором революционной ситуации [14, с. 22]. Кроме того, историк указала на отсутствие в исследовательской литературе комплексного определения понятия «голод», предлагая рассматривать его как «наиболее острое социальное бедствие, связанное с отсутствием определенного минимума питания, вызывающего серьезные социально-экономические и демографические сдвиги в обществе» [14, с. 21].

В контексте комплексного изучения влияния чрезвычайных ситуаций на повседневную жизнь населения Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX века, Е. В. Яковлев исследовал структуру и механизм работы хлебозапасной системы губернии, проблемы ее реформирования, деятельность государственных и общественных благотворительных организаций в борьбе с неурожаем и голодом. Он подчеркивал надежность сельской хлебозапасной системы, отмечая необходимость ее деятельностного тандема с государственной и благотворительной помощью [48].

Проблемы сельскохозяйственного производства и продовольственного обеспечения населения Пермской губернии в конце XIX – начале

XX вв. нашли отражение в кандидатской диссертации М.К.Манкевич, защищенной в 2012 г. Выходя за рамки предмета исследования, автор считала рассматриваемый период временем становления новой системы продовольственного дела в России, «толчком к которой послужил страшный голод в 1891–1892 гг.» [22, с.23]. Историк отметила, что, благодаря модернизации продовольственной системы, голода в Пермской губернии в начале XX в. не было [22, с.26]. Модернизационные процессы привели к складыванию общегосударственной и региональной систем продовольственной безопасности. По мнению М.К.Манкевич, результатом реформирования продовольственной системы явилась более слаженная работа органов государственной власти и местного самоуправления, что позволило государству полностью контролировать кризисные явления начала XX в. и не допустить увеличения показателей смертности от голода [22, с.27]. Другой исследователь этой темы, С.А.Пьянков, используя доклады Пермской губернской земской управы, проанализировал состояние продовольственных запасов накануне 1891 г. и пришел к заключению, что «система, призванная создать хлебный запас на случай продовольственного бедствия, сама находилась в плачевном состоянии» [40, с.524].

В 2020 г. была опубликована монография С.И.Чудова, посвященная проблеме продовольственной безопасности Российской империи на Европейском Севере. Рассматривая организацию продовольственного дела в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях и проецируя результаты своего исследования на всю территорию Европейского Севера России, историк пришел к выводу, что созданная в России система продовольственной безопасности могла обеспечить (и обеспечивала) население зерном и денежными средствами на его закупку только в случае локальных неурожаев [47, с.155].

Модернизационные процессы, начавшиеся в России с 1990-х гг., развитие институтов гражданского общества актуализировали внимание государственных институтов и широких слоев населения к опыту взаимоотношений власти и общества. Этот фактор обусловил существенный интерес современных исследователей к вопросам взаимодействия центральных административных структур, органов местного самоуправления и общественных организаций. В связи с этим активно изучались реформы второй половины XIX в., главным образом, Земская реформа 1864 г.

Примером комплексного взгляда на многие аспекты исследуемой темы является двухтомная коллективная монография о развитии ор-

ганов земского самоуправления в России [12], подготовленная Институтом российской истории РАН. Ее авторы проанализировали динамику процесса выбора путей и способов решения земствами тех социально-экономических и политических проблем, которые остро обозначились во второй половине XIX в. Они раскрыли как положительные, так и отрицательные стороны деятельности земских учреждений в создании эффективного местного управления. Большую научную значимость имели статьи Л. А. Жуковой и Н. Г. Королевой, которые рассматривали вопросы правового и финансового статуса земских учреждений (согласно Положению 1864 г.), правительственного контроля за деятельностью органов земского самоуправления, а также основные направления хозяйственно-экономической деятельности земств.

В работах А. С. Минакова отмечалось, что экономические проблемы крестьянства, вызванные неурожаем, к началу XX столетия оказались существенным фактором обострения социальной обстановки. Так, всплеск аграрных беспорядков, наиболее яркими из которых стали выступления крестьян весной 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях, в своей основе имел копившиеся годами продовольственные проблемы [24]. Наряду с этим вопросы состояния хлебозапасных магазинов, ликвидация последствий неурожаев, были одним из предметов пристального внимания губернаторов. С первой половины XIX в. ежегодные всеподданнейшие отчеты губернаторов отражали общее состояние этих вопросов в регионе. А. С. Минаков подметил, что губернаторы указывали на страницах своих отчетов на качество работы земских органов в этом направлении, сообщая о наиболее значимых событиях их деятельности [25].

Таким образом, вопросы обеспечения продовольственной безопасности в пореформенной России все еще относятся к числу малоизученных проблем современной историографии. Ощущается серьезный недостаток специальных работ по заданной тематике. В большинстве случаев внимание исследователей сосредоточивалось либо на историко-ведческих аспектах этого вопроса, либо на изучении голода 1891–1892 гг., в контексте которого рассматривалась и продовольственная политика правительства. В другом случае продовольственное дело исследовалось историками как одна из функций земских учреждений в рамках специальных работ по истории земского самоуправления. Кроме того, проблема продовольственного обеспечения населения затрагивалась в работах по социально-экономической проблематике

России второй половины XIX – начала XX вв. Богатый содержательный контекст может дать раскрытие этой темы в конкретном экономическом регионе, например, в губерниях Центрально-Черноземного центра. Однако специальный научный анализ вопроса обеспечения народного продовольствия на региональном уровне, а также взаимодействия центра и регионов остается пока историографической лакуной. Проблеме продовольственной безопасности в работах по российской истории отводится по-прежнему лишь контекстная роль.

Более глубокий анализ регионального материала позволит объективно оценить усилия правительства по поиску вариантов эффективного развития не только государственной экономики в целом, но и отдельных отраслей народного хозяйства.

Библиографический список

1. Ахметова М.А. «Помощь людям может быть только живой...» (о деятельности Л.Н.Толстого в голодные годы) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. №4(81). С.86–90.
2. Ахметова М.А. Л.Н.Толстой и его семья – на голоде // «Война и мир» Л.Н.Толстого: духовные константы и социальные переменные отечественной истории. Материалы XVI Барышниковских чтений. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П.Семенова-Тянь-Шанского, 2019. С. 149–155.
3. Батыршин Р.Р. Деятельность Российского Общества Красного Креста в Казанской губернии во время голода 1891–1892 гг. // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения. Сб. статей науч. конференции. Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2020. С. 153–157.
4. Бочкарева З.В., Пантюхина Т.В. «В Россию – с любовью»: гуманитарная акция Американского Красного Креста в период голода 1891–1892 гг. // Кавказ в отражении мировой истории. Сб. науч. статей к 75-летию профессора А.А.Кудрявцева. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2017. С. 177–180.
5. Власова А.В. Социальные практики Русской Православной Церкви в периоды кризисов (на примере Урала конца XIX – начала XX века) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. №15(196). История. Вып.40. С. 61–63.
6. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Вите-Столыпина. 2 изд. испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2014. 780 с.
7. Давыдов М.А. К вопросу о «голодном экспорте» хлеба из России // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М: Институт российской истории РАН, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, 2004. С. 243–283.

8. Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (по материалам транспортной статистики землеустройства). М.: РГГУ, 2003. 565 с.

9. Друговская А. Ю. Роль православной церкви в оказании помощи населению Воронежской губернии в период голода 1891–1892 гг. // Запад и Восток: Традиции, взаимодействие, новации. Владимир: Б/и, 2003. С. 213–216.

10. Егорышева И. В. Участие российской медицинской общественности в борьбе с голодом в конце XIX – начале XX века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. М.: Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья им. Н. А. Семашко, Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения, 2009. № 3. С. 48–50.

11. Журавлева В. И. Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 21(122). С. 121–146.

12. Земское самоуправление в России, 1864–1918 гг. Кн. 1. М.: Наука, 2005. 383 с.

13. Иванцов Д. Н. К критике урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. Пг.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1915. 178 с.

14. Книга М. Д. История голода 1891–1892 гг. в России. Автореф. дисс. ... к. и. н. Воронеж, 1997. 23 с.

15. Ковалевская И. И. Благотворительная деятельность Особого Комитета Наследника Цесаревича и Красного Креста в Поволжье во время эпидемии холеры и голода 1891–1892 гг. // Российские предприниматели-благотворители и меценаты. Сб. материалов III Всерос. Морозовских чтений. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2020. С. 99–103.

16. Колебакина Е. Ю. Российское Общество Красного Креста в Архангельской губернии в конце XIX – начале XX века // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2021. № 9. С. 60–70.

17. Кондрашин В. В. Сельское хозяйство России и аграрная политика самодержавия в конце XIX – начале XX вв. // Экономическая история: ежегодник. М.: Институт российской истории РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2021. С. 409–461.

18. Кравцова Е. С. Положение крестьянской семьи в период голода 1891–1892 гг. (по работам Л. Н. Толстого) // Семья в современном мире. Сб. трудов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Курск: Курский государственный медицинский университет, 2017. С. 76–80.

19. Круглов В. Н. Царь голод. Факты против мифов // Сб. Русского исторического общества. Т. 11. М.: Рус. панорама, 2011. С. 87–106.

20. Кузнецов И. А. Русская урожайная статистика 1883–1915 гг.: источник в контексте историографии // Экономическая история: ежегодник. 2011–2012. М.: РОССПЭН, 2012. С. 190–228.

21. Любова О.В., Катаржнова Д.Н. Тематика и идейно-патриотическая направленность цикла «В голодный год» В.Г.Короленко // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2017. №4. С. 1–10.
22. Манкевич М.К. Сельскохозяйственное производство и продовольственное обеспечение населения Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... к. и.н. Екатеринбург, 2012. 29 с.
23. Мещерякова А.О. Деятельность Воронежского Епархиального комитета во время голода 1891–1892 гг. // «Ищите же прежде Царствия Божия и правды его» (Мф. 6:33). Материалы XII Междунар. форума. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т им. П.П.Семенова-Тян-Шанского, 2017. С.290–291.
24. Минаков А.С. Крестьянское движение весной 1902 г. и формирование аграрной политики В.К.Плеве // Вестник гуманитарного образования. 2019. №3(15). С. 7–14.
25. Минаков А.С. Отчетность регионального руководства по «Общему наказу гражданским губернаторам» 1837 г. // История государства и права. 2011. №6. С.32–35.
26. Миронов Б.Н. «Самодержавие есть гражданская война со всеми ее бедствиями»: борьба общественности с монархией // Россия и мир: панорама исторического развития. Сб. статей. Екатеринбург: Волот, 2008. С.639–648.
27. Миронов Б.Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX вв.? // Уральский исторический вестник. 2008. №3. С.83–95.
28. Миронов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Изд. 3, испр. и доп. Т.2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 582 с.
29. Мокроносова О.М. Благотворительные организации во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Южного Урала: дис. ... к. и.н. Оренбург, 2002. 262 с.
30. Наумова О.А. Роль сестер милосердия казанской общины Российского Общества Красного Креста в помощи населению в годы неурожая, голода и эпидемий // Теория и практика общественного развития. 2013. №8. С.219–221.
31. Нефедов С.А. Об экономических предпосылках русской революции // Общественные науки и современность. 2005. №3. С.90–91.
32. Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М.: Изд. дом «Дело», 2017. 429 с.
33. Николаева О.Ю. Деятельность благотворительных организаций по борьбе с голодом 1891–1892 гг. на территории Оренбургской губернии // Вестник Ленинградского государственного университета им. Пушкина. Т.4. История. 2014. №2. С.132–133.
34. Островский А.В. Зерновое производство в конце XIX – начале XX в. СПб.: ООО «Полтора», 2013. 414 с.
35. Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2016. 431 с.

36. Пантелеев И. В. Социальные, нравственно-этические и религиозные аспекты статей Л. Н. Толстого «О голоде» и «Голод или не голод?» // «Ищите же прежде Царствия Божия и правды его» (Мф. 6:33). Материалы XII Междунар. форума. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 114–116.

37. Панькина Е. А. Статья Л. Н. Толстого «О голоде» как прецедентный текст региональной направленности // Русская классика: проблемы понимания и языкового своеобразия. Сб. науч. статей по итогам XV Барышниковских чтений. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. С. 210–212.

38. Пислегин Н. В. Социальная активность и общественные организации Вятско-Камского края в XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №25(279). История. Вып.52. С. 31–38.

39. Понарин П. В. Православное духовенство в условиях голода 1891–1892 гг. в губерниях Центрально-Черноземного региона // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2016. №4. С. 53–58.

40. Пьянков С. А. Сельская хлебозапасная система Пермской губернии накануне голода 1891 года // Историко-педагогические чтения. 2013. №17. С. 519–526.

41. Роднов М. И. В поисках золотого ключика // Историческая экспертиза. 2017. №2(11). С. 228–235.

42. Синельников С. П. Русская православная церковь и голод 1891–1892 гг. // Волга. 1999. №12. С. 60–61.

43. Струмилин С. Г. К реформе урожайной статистики // Плановое хозяйство. 1924. №4–5. С. 58–65.

44. Фортунатов А. Ф. Урожай ржи в Европейской России. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 254 с.

45. Черных В. Д., Борисова А. А. Меры социальной поддержки населению Воронежской губернии в преодолении голода 1891–1892 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. С. №7(45). С. 206.

46. Чирков М. С. Лев Толстой и самарское земство в борьбе с голодом в начале XX в. // Многоликий Толстой. Материалы Четвертой Международной научно-практической конференции. Самара: Б/и, 2012. С. 158–162.

47. Чудов С. И. Система продовольственной безопасности Российской империи на Европейском Севере в XVIII – начале XX в. Сыктывкар: Изд-во Коми республиканской академии государственной службы и управления (КРАГСнУ), 2020. 242 с.

48. Яковлев Е. В. Влияние чрезвычайных ситуаций на повседневную жизнь населения Тамбовской губернии второй половины XIX – начала XX вв., и деятельность властей и общественности по их предотвращению и преодолению последствий: дис. ... к. и. н. Тамбов, 2004. 352 с.

49. Gregory P. Economic growth of Russian empire (end of XIX – beginning of XX century). New estimates and calculations (Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003. 255 с.)

50. Robbins R.G. Famine in Russia. New York and London: Columbia University Press, 1975. 259 с.

Для воевавших война никогда
не кончается.

Курцио Малапарте

Дипломатия – больше,
чем просто профессия:
это образ жизни.

Чарлз Фриман

Олег Чернов

ДИПЛОМАТ НА ВОЙНЕ:

**Н.В.ЧАРЫКОВ
И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА
1877–1878 гг.**

ЛЮДИ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК

94(47):327

В центре внимания автора статьи – участие кадрового дипломата, сотрудника центрального аппарата Министерства иностранных дел Российской империи Николая Валерьевича Чарыкова в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. На основе делопроизводственных и эпистолярных материалов из фондов РГИА, РГВИА, РГАДА и ЦГАСО, а также комплекса мемуаров Н.В.Чарыкова рассмотрены элементы его мировоззрения, мотивы участия в войне, события и итоги войны в репрезентации и интерпретации Н.В.Чарыкова, система взаимодействия между МИД и Военным министерством.

The article is devoted to the study of the participation of a career diplomat, an employee of the central office of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, Nikolai Valeryevich Charykov, in the Russian-Turkish war of 1877–1878. Based on the archival materials of the RGIA, RGVIA, RGADA and TsGASO, as well as a set of memoirs by N.V.Charykov, the elements of his worldview, the motives for participation in the war, the events and results of the war in the representation and interpretation of N.V.Charykov, the system of interaction between the Ministry of Foreign Affairs and the Military Ministry.

Ключевые слова: Н.В.Чарыков; Министерство иностранных дел; Военное министерство; российская дипломатия; внешняя политика; документы личного происхождения; Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Key words: Tcharykow N.V.; Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire; Russian diplomacy; foreign policy; documents of personal origin; Russo-Turkish War 1877–1878.

E-mail: chernov@list.ru

Дипломатия призвана решать международные вопросы путем переговоров, обеспечивая мирное урегулирование конфликтов. Ситуацию, когда дипломат берет в руки оружие и принимает участие в военных действиях, следует признать весьма необычной. Именно таким случаем было непосредственное участие молодого российского дипломата, секретаря Канцелярии МИД, выпускника Царскосельского лицея Николая Валерьевича Чарыкова в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Впоследствии Н.В. Чарыков продолжил дипломатическую службу и занимал на пике своей карьеры посты товарища министра иностранных дел и чрезвычайного и полномочного посла в Турции [9; 10]. Кроме того, он вел серьезную исследовательскую деятельность в области исторической науки [11].

Н.Ф.Чарыков в период военной службы. Фото с фронтисписа:

Tcharykow N.V. Glimpses of High Politics Through War & Peace, 1855–1929. The Autobiography of N.V.Tcharykow, Serf-owner, Ambassador, Exile. London: New York: Macmillan, 1931. 333 p.

Военная служба Н.В. Чарыкова почти не отражена в публикациях историков. Между тем существует целый ряд разнообразных источников, которые позволяют восполнить этот пробел. Официальное делопроизводство и частная переписка, проливающие свет на упомянутый сюжет, рассредоточены по ряду федеральных и региональных архи-

вов. Соответствующие материалы имеются в фондах РГИА, РГАДА, РГВИА и ЦГАСО. Кроме того, ценная информация содержится в автобиографии Н. В. Чарыкова, а также его воспоминаниях о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Реконструкция биографий представителей высшей бюрократии пореформенной России, как правило, требует комплексного анализа разноплановых источников. При этом объективное раскрытие этапов карьеры сановника возможно лишь через соотнесение их с социально-политической атмосферой эпохи в контексте поведенческих установок изучаемой фигуры [7]. В этом отношении «военные» страницы биографии Н. В. Чарыкова ярко иллюстрируют ценностные ориентации заметной части его современников.

Случай участия дипломата в войне сам по себе неординарен, а применительно к Н. В. Чарыкову нелогичен в ракурсе его предшествующей и последующей биографии. Для того, чтобы точнее понимать мировоззрение Н. В. Чарыкова, уместно обратиться к раннему периоду его жизни. Еще будучи школьником, Чарыков в одном из писем к отцу назвал войну «глупостью». Идеалом для него был А. М. Горчаков, решивший проблему отмены нейтрализации Черного моря дипломатическим путем [4, л. 231].

Чарыков отмечал: «свою карьеру как взрослый человек я начал в самый разгар другой активной политической либеральной пропаганды, которая предшествовала русско-турецкой войне 1877–1878 годов за освобождение и продолжалась после ее окончания» [13, с. 65].

Он вспоминал об атмосфере, которая была в Москве: «Город кипел энтузиазмом в связи с поддержкой наших братьев-славян, которые восстали в сербских провинциях Босния и Герцеговина против султана... К ним присоединились Сербия и Черногория... Улицы Москвы и общественные места были переполнены девушками и юношами со значками со славянскими синим, белым и красным цветами, собиравшими деньги для повстанцев и для помощи тысячам русских добровольцев, отправлявшихся в Белград, где сербской армией командовал... генерал... Черняев» [13, с. 65]. Чарыков называет центром агитации Московский славянский комитет и лично его главу – И. С. Аксакова. Лично симпатизируя Аксакову и деятельности Славянского комитета, Чарыков не вступил в его состав по причине корпоративной солидарности. Проблема была в том, что МИД достаточно часто был объектом критики со стороны Славянского комитета. Чарыков принимал неформальное участие в деятельности Славянского комитета и в Петербурге. Там, помимо всего прочего, был фак-

тор влияния его отца – В.И. Чарыкова. В целом же, он подчеркивал, что славянофильские и либеральные идеи Аксакова были ему «очень близки, тем более потому, что его семья тоже происходила из нашей Самарской губернии» [13, с. 67].

1 июня 1877 г. Н.В. Чарыков был назначен третьим секретарем канцелярии Министерства иностранных дел [1, л. 1]. По его мнению, это бесповоротно закрепляло за ним статус русского дипломата, а, значит, делало его будущее обеспеченным. Он полагал, что, «попав в ряды дипломатов, можно быть уверенным в своем дальнейшем продвижении, главное – не делать грубых ошибок, а если приложить труд и талант» (что он и собирался сделать), можно было добиться блестящих успехов.

Несмотря на назначение в канцелярию, Чарыков, по его словам, «скорее, как и многие другие служащие Министерства иностранных дел, вызвался добровольцем на фронт» [12, с. 74]. Дипломатическую службу пришлось на время отложить: началась русско-турецкая война, «борьба двух храбрых наций, которые стали противниками, не став врагами и которые не раз были марионетками в чьих-то руках» [15, р. 109]. При этом он увидел, что «ни император, ни его канцлер, ни один из министров не желали войны» [13, с. 70].

В письмах к отцу Чарыков отмечает, что война ложится тяжелым бременем не только на военных, но и на гражданских лиц. Оставаться дальше в стороне он не может: гвардия мобилизована, созван первый разряд ополчения и «ныне наступает решительный момент в теперешней борьбе, от которой зависит исход этой войны», а главное – решается судьба Восточного вопроса [5, л. 55]. В литературе отмечается, что к моменту начала русско-турецкой войны выросло поколение, которое воспринимало эту войну как крестовый поход против турок за освобождение братьев-славян [14, р. 288].

Н.В. Чарыков прошел необходимые испытания, предусмотренные для гусара, и, в частности, «выдержал экзамен в седле на своем коне» [15, р. 110]. 29 июля 1877 г. он был принят в лейб-гвардии гусарский Его Величества полк под командованием Б.Е. Мейендорфа на правах охотника I разряда, пользующегося правами вольноопределяющегося [2, л. 2; 3, л. 11]. «Я одел алый доломан и высокий гусарский кивер моего полка» [15, р. 110], – вспоминал он позднее.

Чарыков полагал, что дипломатическая карьера его не пострадает, ибо, как он писал отцу, «при начале мирных переговоров я снимаю мундир и беру за перо... ты же, если ты меня любишь – и, как я полагаю,

уважаешь, – ты не откажешься благословить меня на дело, которое, в сущности, велико и свято. Ты сам любишь нашу родину и сам для нее немало поработал, дай же и мне потрудиться для нее, пока я молод, там, где теперь всего нужнее живые силы» [5, л. 58].

После недельного форсированного перехода Чарыков со своим полком оказался на румынской границе. В Бухаресте в то время был сам канцлер Горчаков. Чарыков нанес ему визит. «Он и барон Жомини казались довольно печальными, провожая меня в путь», – вспоминал позднее молодой дипломат-воин.

Условия были тяжелые, многие страдали от жажды. Дождавшись прибытия начальника дивизии генерала И. В. Гурко, войска двинулись вперед – через Александрию и Зимницу на Дунай. Но прежде солдаты выслушали напутственную речь генерала Гурко. Его слова до глубины души поразили Чарыкова. «Я не надеюсь, что вы все вернетесь обратно, иначе это означало бы, что вы не будете воевать», – сказал И. В. Гурко. Чарыков вспоминал, что эти слова заставили слушателей серьезно отнестись к экспедиции и никоим образом не поколебали их уверенности в том, что «мы должны выиграть войну» [15, р. 110]. Собственно, и сам Чарыков понимал всю серьезность происходящего: на случай своей гибели он сделал завещание, в котором предоставлял отцу права на все свое имущество, «движимое и недвижимое» [13, с. 224].

В октябре войска прибыли на место боевых действий. Чарыков писал, что они попали в тяжелое положение. «Более недели я провел под дождем в грязи – в палатке из шести солдатских полотнищ». Вместе с ним жили вольноопределяющиеся Соловьев и Бобринский [5, л. 95].

За два дня до первого боя Н. В. Чарыков «прошел элементарный военный экзамен» [14, р. 111], что предоставило ему право командовать небольшими подразделениями солдат и быть унтер-офицером. 9 октября 1877 г. он был произведен в унтер-офицеры [2, л. 11 об.]. Кроме того, ему было положено жалование в 276 рублей в год, суточными – 26 рублей [2, л. 11].

Первые бои Николай принял вместе с полком под Телише и Плевной. Ночью русские войска двинулись к укреплениям, которые турки устроили на возвышенности по Софийскому шоссе. Чарыков шел в разведывательном отряде, который, обнаружив неприятеля, отошел для прикрытия артиллерийской батареи. Однако был тяжело ранен командир взвода Трепов. Новым командиром был назначен Чарыков.

Зверства «башибузуков» настолько впечатлили Чарыкова и его товарищей, что они приняли твердое решение не попадать в плен. На этот случай сам он «хранил всегда в... кармане маленький револьвер» [15, р. 113]. Кроме того, Чарыков привез из Петербурга маленький телескоп, через который наблюдал панораму боя при Телише. Под его командованием взвод удержал позиции. 16 октября 1877 г. Телиш был взят. «Когда война закончилась, гвардейским гусарам была дарована золотая пряжка... с надписью "За Телиш"» [15, р. 123]. В итоге Плевна была блокирована большой ценой. «Потери были большими, – отмечал Чарыков, – так как генерал Гурко не жалел... войск» [15, р. 118].

Освобожденное от османского господства болгарское население приветствовало русские войска. «При нашем приближении мужчины, женщины и дети устремились встречать нас с хлебом, птицей, медом и всем, чем могли. Они тогда целовали наших коней и... наших солдат» [15, р. 122].

Дальнейшая служба Чарыкова была отмечена наградами. За дело при деревне Чурьяк он был награжден орденом св. Георгия IV степени [1, л. 3; 2, л. 11 об.]. Этот эпизод нашел отражение в воспоминаниях Чарыкова, специально посвященных рекогносцировке русских войск у Чурьяка.

Поводом к работе над мемуарами стала книга английского полковника Беккера, находившегося в то время на службе в турецкой армии. Прочитав эту книгу, Чарыков заметил, что «нашел много неточностей в описании рекогносцировки, которую Беккер-паша произвел против нас по направлению к Чурьяку, 12 (24) декабря 1877 г.» [12, с. 1].

Чарыков отметил, что селение Чурьяк было расположено на южном склоне главного Балканского хребта, в непосредственной близости от Софийского шоссе. По ситуации на 11 декабря в Чурьяке находились несколько гусарских, драгунских и уланских взводов, а также болгарские добровольцы. В общей сложности число воинов едва превышало сто человек. Несмотря на то, что Н.В. Чарыков имел звание унтер-офицера, ему было поручено командование третьим взводом второго эскадрона. Прибывший поздно вечером полковник генерального штаба К.Н. Ставровский привез приказ генерала Гурко произвести на следующий день несколько рекогносцировок «для окончательного обследования путей из Чурьяка в Софийскую долину» [12, с. 2]. Был составлен план, согласно которому каждый взвод получил свое задание. «Мы должны были занять три разных пути, ведущих в Софийскую долину» [15, р. 127].

Лейб-гусарский взвод под командованием Чарыкова получил задачу контролировать дорогу на Потоп. Вскоре в районе Потопа показались люди. С целью выяснить, что это за люди, Чарыков в сопровождении унтер-офицера и рядового отправился на разведку. На краю деревни Потоп они заметили турецкие войска, которые, как выяснил Чарыков из книги Бекера, также проводили рекогносцировку у Чурьяка и намеревались выбить оттуда русские войска. Учитывая численное соотношение, установленное Чарыковым – «численность всего турецкого отряда нельзя принять менее, как в шестьсот человек, то есть раз в пять сильнее нашего» [12, с. 5], – они вполне могли бы это сделать.

Много позднее он вспоминал, что «скоро мы услышали, что турецкий горн пехоты объявил о нашем присутствии, и враг сразу открыл огонь. Этот обстрел не был столь энергичным, как тот, который встретил нас в Телише, но был все же довольно сильным, и пули падали в снег вокруг нас с шипящим звуком» [15, р. 128].

Турецкий отряд открыл огонь по русским разъездам, однако Бекер-паша с самого начала неверно оценивал ситуацию. Приняв взвод лейб-гусар за «казачий пост» и предположив наличие «более значительного пикета», он не решился на лобовую атаку. При этом в своей книге он пишет, что между русскими и турецкими войсками «завязалась перестрелка». Между тем Чарыков отмечает, что «за весь этот день мы не сделали ни одного выстрела» [12, с. 6]. Тем не менее, опасаясь атаки турок, Чарыков выставил цепь в виде пяти постов по два человека и наблюдал за турками до сумерек.

Но атаки не последовало. Полковник Беккер отметил, что видел, как «несколько казаков», сев на коней близ мельницы, двинулись вперед для поддержки своего разъезда, находившегося на дороге. По мнению Чарыкова это был их гусарский взвод. Далее Беккер отмечает, что «целый эскадрон казаков» появился на улице Чурьяка и «две роты русской пехоты» подошли к нему в подкрепление. Между тем, по словам Чарыкова, «ничего подобного паша видеть не мог...», к тому же, «принимая за эскадрон... взвод астраханских драгун». Продолжая заблуждаться по поводу численности русских войск, Беккер пришел к убеждению, что «Чурьяк занят батальоном пехоты и полком казачьей кавалерии» [12, с. 7]. А потому, опасаясь русской атаки, Беккер сам атаковать не решился и, более того, приказал занять оборону.

Собственно говоря, большего русское командование и не хотело. Как, спустя годы, выяснил Чарыков у Ставровского, «все наши рекогносци-

ровки этого дня были задуманы...с целью лишь замаскировать ту, которую он сам тогда сделал для выяснения капитального вопроса: есть ли в тылу Чурьяка турецкий лагерь» [12, с. 8]. А точнее – «был ли турецкий укрепленный лагерь вне форта Арабконак» [15, р. 131]. «Вслед за этой рекогносцировкой переход через Балканы... был совершен» [12, с. 8].

Сам переход через Балканы шел под девизом «козел прошел здесь, следовательно, артиллерия может также пройти» [15, р. 128] и был связан с чрезвычайными трудностями, риском и проявлениями братства. Каждый нес на себе патроны, а кто и динамит. При этом, желая избежать обморожения, солдаты грелись у костров, не снимая с себя боевой арсенал. «Каждый... получил трехдневный паек в виде ржаного сухого печенья. Кроме этого, я сохранил консервную банку щей и немного рома в моей фляжке. Мой ординарец Щесюк и я в течение нашего марша ели и пили вместе, как братья» [15, р. 133]. Он вспоминал, что «спал в разрушенной болгарской хибаре, на глиняном полу, без печи или какого-либо огня, и укрывался только своим солдатским пальто» [15, р. 134]. Нельзя не отметить, что Чарыков самостоятельно оплачивал многие текущие расходы, для чего сначала взял кредит, а затем получал деньги через отца [13, с. 232].

15 декабря 1877 г. Чарыков сообщал отцу из Зимницы: «Здоров, получил письмо; телеграфирую при каждой возможности; писал, нахожусь [в] Орхание; жду посылки Винтулова» [2, л. 54].

2 января 1878 г. в боях при деревне Строево он был ранен двумя пулями в правое плечо [1, л. 3]. «Когда приближались к болгарской деревне Строево, – вспоминал много позднее Чарыков, – мы услышали стрельбу... В деревнях нам говорили, что враг за Строево... мы атаковали их во взводной колонне... я увидел трех турок, целящихся в меня. Я внезапно почувствовал тяжелый удар в мое правое плечо, как если бы большой камень попал в меня. Пуля..., очевидно предназначавшаяся для моей грудной клетки, вошла... в мою правую руку» [15, р. 137].

Раны не были особо опасными, но ситуация усложнялась невозможностью получения необходимой медицинской помощи. Ситуация не улучшилась и когда раненых привезли в Филипполи. Часть этого города была еще занята турками, и обоз болгарских крестьян, перевозивших раненых русских солдат, в числе которых был и Н.В. Чарыков, обстрелял неприятель. Болгарские крестьяне скрылись, но «их крепкие волю довели... нас... до города» [15, р. 139].

Не дождавшись прибытия докторов, Чарыков отправил на их поиски Щесюка. Тот нашел нескольких врачей, «но они сказали ему, что у них

три тысячи раненых, и не могли ничего сделать для нас. Они дали ему, однако, немного ваты и... бинтов». Спасло то, что раны Чарыкова были сквозными, и воспаление имело вялотекущий характер [15, p.139].

В Филипполи его навестил коллега по Министерству иностранных дел М.Н.Гирс, который также «поступил на время войны в Уланский полк охотником», то есть добровольцем [4, л. 82об.]. От него Чарыков получил «немного чистого белья, долгожданный подарок» [15, p.142]. Уже в Бухаресте им занялись доктора – Свенцицкий и Богданов. Рану удалось вылечить, но «в течение приблизительно двадцати лет я чувствовал значительную боль от моей шеи до моих кончиков пальца всякий раз, когда случалось, что я входил в холодную комнату», – вспоминал он позднее [15, p.142].

За этот бой Чарыков был награжден орденом св.Георгия III степени и произведен в корнеты [1, л.2; 2, л. 11]. Причем корнетом он стал без полагавшегося на данный случай экзамена, а «за отличную службу против турок» [15, p.142].

Коллеги по Министерству иностранных дел и его родные не имели о нем сведений, начиная с декабря предыдущего года. Наконец 21 января пришла долгожданная весть. Дипломатический агент в Бухаресте сообщил: «Чарыков жив, здоров и произведен в офицеры» [3, л.53].

Наконец 29 января дал о себе знать и сам Н.В.Чарыков: «Благополучно прибыл в Тырново. Под Филипполем легко ранен в правое плечо. Еду в Россию; в Минске буду около 10 февраля. ...Представлен за Чурьяк в офицеры и Георгию» [3, л.61].

Его поздравляли с наградой коллеги из Министерства иностранных дел – В.Н.Ламздорф, А.В.Винтулов, Т.А.Жерве. Орден ему вручил сам принц Ольденбургский. В числе раненых офицеров Н.В.Чарыков был принят императором [4, л.8]. С тех пор министр иностранных дел, канцлер А.М.Горчаков называл его: «Мой гусар» [15, p.110].

О своих впечатлениях от встречи с Н.В.Чарыковым в описываемый момент вспоминал позднее и Б.В.Лопухин, который был позднее высокопоставленным чиновником МИД: «В Чарыкове... я без труда узнал раненого в турецкую войну гусара с рукою на перевязи, которому в 1878 г. за обедом у моей тетушки О.И.Батуриной тетушка и моя мать поочередно нарезали кушанья в тарелке. Он вежливо благодарил и что-то такое рассказывал... Я любовался его гусарскими жгутами и восхищался его геройством» [12, с.181].

11 апреля 1878 г. заместитель министра иностранных дел Н.К.Гирс направил запрос начальнику Главного штаба Ф.Л.Гейдену, в котором

указал: «Бывший секретарь канцелярии министерства иностранных дел, а ныне служащий корнетом в лейб-гвардии Гусарском... полку Чарыков, находящийся в С.-Петербурге для излечения раны, просит о прикомандировании его для занятий к министерству иностранных дел, впредь до выздоровления. ...Не встречается ли со стороны военного ведомства препятствий к удовлетворению просьбы корнета Чарыкова?» [2, л. 1, 1 об.].

24 апреля был получен ответ, который гласил, что «Высочайше решено... Чарыкова... прикомандировать к Министерству иностранных дел». При этом речь о полном возвращении Чарыкова в МИД не шла. Так, Ф.Л.Гейден просил уведомить Главный штаб о времени выздоровления Н.В.Чарыкова «для... отправки сего офицера к месту служения» [2, л. 3, 3 об.].

Как отмечал командир полка барон Мейендорф, Н.В.Чарыков «участвовал во всех делах и сражениях западного отряда» [2, л. 12 об.]. Это же нашло отражение и в его личном деле с указанием датировки: «находился в походе против турок с 3 августа 1877 г. по 2 сентября 1878 г.» [1, л. 1].

По окончании войны встал вопрос о возобновлении Н.В.Чарыковым дипломатической службы. Причем автоматическое возвращение в канцелярию было невозможно. В результате это стало предметом переписки между МИДом и Военным министерством.

25 ноября 1878 г. Н.К.Гирс вновь обратился к Ф.Л.Гейдену с соответствующими разъяснениями. В частности, он указывал, что «корнет Чарыков находился прежде на службе в министерстве иностранных дел, а в 1877 г. поступил в военную службу охотником на военное время» [2, л. 5, 5 об.].

Н.К.Гирс уведомлял, что предполагает назначить Н.В.Чарыкова «на вакантное место второго секретаря канцелярии...» и в связи с этим ходатайствовал о том, чтобы Гейден сделал «распоряжение о переводе Чарыкова на службу в министерство иностранных дел с переименованием в гражданский чин». Видимо, во избежание возможных препятствий Н.К.Гирс предварительно обращался по данному вопросу к Александру II. Во всяком случае он подчеркнул, что «Государю Императору благоугодно было... разрешить мне войти в сношение с вашим сиятельством по сему предмету» [2, л. 5 об.].

5 января 1879 г. был получен долгожданный ответ, который гласил, что «на увольнение корнета... Чарыкова, с переименованием в прежний чин титулярного советника и с переводом в министерство иностранных

дел... препятствий не встречается» [2, л. 9]. В результате Н.В.Чарыков был «Высочайшим приказом переименован в прежний чин титулярного советника» [2, л. 13].

Продолжая в это время формально состоять на военной службе, Чарыков вернулся де-факто в канцелярию Министерства иностранных дел. При этом он рассчитывал получить должность второго секретаря канцелярии МИД. «Вакансия есть, – писал он, – так как Извольский уехал в Филипполи секретарем генерального консула князя Церетелева» [5, л. 44]. 7 января 1879 г. Н.В.Чарыков возвратился на гражданскую службу в прежнем чине титулярного советника. А 15 января 1879 г. он был назначен вторым секретарем канцелярии министерства иностранных дел и вскоре произведен в коллежские асессоры [1, л. 3].

Как дипломата его интересовали политические итоги войны, которые для России оказались далеко не самыми удачными. Н.В.Чарыков внимательно следил за ходом событий на Берлинском конгрессе. Он считал необоснованными надежды на какие-либо преференции для России. По его мнению, правы оказались те, чьи ожидания ограничивались минимумом невыгод, «проистекающих из нашего военного положения настоящего времени» [5, л. 22].

В своих воспоминаниях Н.В.Чарыков высказывает ряд соображений по этому поводу. Прежде всего, он отвечает на вопрос, почему Россия не взяла Константинополь. Первая и основная причина, по его мнению, заключалась в том, что «эта война... была для России войной освободительной, а не завоевательной...» Кроме того, Россия не стремилась к окончательному разрушению территориальной целостности Турции, а желала лишь освобождения христиан и укрепления своего влияния на Балканах. Чарыков отмечает, что отношения России и Турции не были враждебными: «начиная с первого русско-турецкого союза 1798 г. против Франции, постоянная цель российской политики состояла в том, чтобы поддерживать с Турцией отношения дружественного соседа и даже защищать ее нашей армией и флотом против ее врагов. Это случилось во время вторжения Наполеона в Египет, когда объединенные силы русских и турок выбили французов с Ионических островов, которые были тогда провозглашены под объединенным суверенитетом Царя и Султана. Вновь, в 1832 г., когда египетский паша, по наущению Франции, напал на султана и приближался к Константинополю, император Николай I послал российский армейский корпус к Босфору и заключил в 1833 г. соглашение с султаном относительно союза, открывая

Проливы еще раз исключительно российским военным, для лучшей защиты Турции» [15, p.144].

Кроме того, условия Рейхштадтского соглашения 1876 г. между Россией и Австрией не позволяли это сделать, так как в соответствии с ним Константинополь становился в итоге «свободным городом» [15, p.145]. В военном отношении был упущен момент: войти в город «на плечах» отступающих. Сами русские войска были измотаны тяжелейшим переходом через Балканы и не имели достаточного количества боеприпасов на тот момент. Доставка же их в ближайшее время была невозможна. Были большие потери в личном составе. Чарыков отмечал, что в его собственном взводе на начало января имелось «только восемнадцать сабель, оставшихся из тридцати двух».

Однако все это можно было бы преодолеть, если бы международное положение России было не столь сложным. Чарыков обращал внимание на то, что «Россия в начале 1878 г. была полностью изолирована и видела противостоящую европейскую коалицию, возглавленную Великобританией и Австро-Венгрией и тайно поддержанную Бисмарком» [15, p.146]. Более того, положение усугублялось и тем, что финансовая система России находилась в то время «в руках берлинских банкиров, через которых, под влиянием Бисмарка мы не имели бы успеха» [15, p.146–147].

Девятнадцать лет спустя после окончания войны, будучи дипломатическим агентом России в освобожденной Болгарии, Чарыков проделал тот же путь из Софии в Чурьяк, следуя через Потоп. «Характер местности не изменился, – вспоминал он, – только взамен горной тропы проложена от софийского шоссе вплоть до Чурьяка хорошая колесная дорога, из чурьякского ручья проведены оросительные каналы, а холмы по ущелью, в том числе и тот, с которого я смотрел на наступление турецкой пехоты, засеяны хлебом... был ясный солнечный день, и жители спокойно готовились к жатве в тиши обеспеченной безопасности и мира» [12, с.8].

Подводя итог своему участию в русско-турецкой войне, Н.В. Чарыков подчеркивал, что благодаря подвигу русской армии, балканские славяне получили благоприятные возможности для самостоятельного развития и благополучия. В мемуарах и эпистолярном корпусе историков Чарыкова содержатся его размышления по поводу дифференциации войн на освободительные и завоевательные. Русско-турецкая война была освободительной, чем и объяснялось стремление начинающего дипломата отправиться на передовую. «...Не время изучать

политику, когда нужно одерживать победы» [7, с. 221], – так он объяснял отцу свое решение.

Изучение участия Н.В.Чарыкова в русско-турецкой войне позволило внести уточнения в понимание вопросов о кадровом составе МИД России, о взаимодействии МИД и Военного министерства и сложностях перевода из одного ведомства в другое и обратно, о мотивах участия русских дипломатов и, в целом, русских добровольцев в Освободительном движении на Балканах. Это дополняет представление о самой русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в контексте балканской политики и, в целом, внешней политики Российской империи.

Библиографический список

1. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф.405. Оп.528. Д.230.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф.400. Оп.9.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.180. Оп.9. Ед.хр.26.
4. Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.143. Оп.1. Д.77.
5. ЦГАСО. Ф.143. Оп.1. Д.80.
6. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб.: Нестор–История, 2009. 536 с.
7. Минаков А.С. Высшая бюрократия в России начала XX в.: источниковедческие и методологические проблемы изучения // Проблемы социально-экономической и политической истории Сибири XX – начала XXI веков. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию д.и.н., проф. М.М.Хатылаева / Отв. ред. С.И.Боякова. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова, 2012. С.77–82.
8. «Не время изучать политику, когда нужно одерживать победы»: Н.В.Чарыков на русско–турецкой войне 1877–1878 гг. Письма к отцу // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2011. М.: Дом русского зарубежья им. А.Солженицына, 2011. С.217–245.
9. Чернов О.А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В.Чарыкова. Самара: Изд-во ПГСГА, 2010. 223 с.
10. Чернов О.А. Ранние годы российского дипломата и ученого Н.В.Чарыкова. По документам Центрального государственного архива Самарской области // Вестник архивиста. 2012. №4. С.292–299.
11. Чернов О.А. Эпоха и личность Петра I в исследованиях Николая Валерьевича Чарыкова // Вестник МГИМО Университета. 2022. Т.15. №5. С.7–26.

12. Чарыков Н.В. Рекогносцировка у Чурьяка: (Из воспоминаний). СПб: Тип. т-ва А.С.Суворина «Новое время», 1913. 8 с.

13. Чарыков Н.В. Беглый взгляд на Высокую политику. М.: Викмо-М: Русский путь, 2016. 414 с.

14. McDonald D. A lever without a fulcrum: domestic factors and Russian foreign policy, 1905–1914 // *Imperial Russian foreign policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P.268–360.

15. Tcharykow N.V. Glimpses of High Politics Through War & Peace, 1855–1929. The Autobiography of N.V.Tcharykow, Serf-owner, Ambassador, Exile. London: New York: Macmillan, 1931. 333 p.

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECC.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киоске ИРИ РАН
по адресу ул. Дмитрия Ульянова, д.19,
тел. 8-499-126-94-18**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2023.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 10.07.2023. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,5 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 193321**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

Наши авторы

Костырченко Геннадий Васильевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Рублев Дмитрий Иванович

кандидат исторических наук, доцент Факультета
государственного управления Московского государственного
университета имени М.В.Ломоносова, ведущий специалист
Российского государственного архива
социально-политической истории

Козлов Сергей Алексеевич

доктор исторических наук

Бахтурина Александра Юрьевна

доктор исторических наук, профессор,
Государственный академический университет
гуманитарных наук (ГАУГН), г. Москва

Сазонова Дарья Юрьевна

Аспирант 3 курса ИРИ РАН

Рогожина Ангелина Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Орловский
государственный университет имени И.С.Тургенева»,
доцент кафедры истории России

Чернов Олег Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры
отечественной истории и археологии; Самарский
государственный социально-педагогический университет
(г. Самара, Российская Федерация)

Our authors

Kostyrchenko Gennadii Vasil'evich

D.Sci., historian, leading researcher, FGBUN Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Rublev Dmitrii Ivanovich

Ph.D., historian, Associate Professor, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Leading Specialist of the Russian State Archive of Social and Political History

Kozlov Sergey Aleksandrovich

D.Sci, historian

Bakhturina Aleksandra Yur'evna

D.Sci, historian,
State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow

Sazonova Dar'ya Yur'evna

postgraduate student of IRI RAS

Rogozhina Angelina Sergeivna

Ph.D., historian, assistant professor Orel State University

Chernov Oleg Aleksandrovich

D.Sci, historian, Professor of Domestic History and Archeology Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

3. 2023 may–june

Labels and Myths

Gennady Kostyrchenko

Hungary – 56 in the life of Yuri Andropov and
in view of the Jewish question _____ 6

Dmitry Rublev

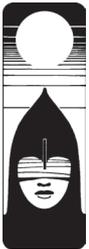
Anarchist, Diplomat, Archive director:
Life and Socio-Political Activities of I.M.Geytsman _____ 40

Resources of Nation

Sergey Kozlov

Outstanding Agrarian Innovators of Russia
in the 19th – Early 20th Centuries. “Every
Success in Industry... is a Precious Acquisition
for Society”: Efim Stepanovich Karnovich
(1793–1855) _____ 78

National Doctrine

Aleksandra Bakhturina

Warsaw Governor-General G.A.Skalon
and Government Policy in the Kingdom
of Poland in the Early 20th Century _____ 114

Pages of History

Dar'ya Sazonova

Features of the Formation of the
Departments of Russian History
in the Capital's Universities Under
Nicholas I _____ 130

Angelina Rogozhina

Food Policy of Russia in the Second
Half of the 19th Century: Problems
and Solutions _____ 146

Topical Archive

Oleg Chernov

Diplomat at War: N.V.Charykov
and the Russo-Turkish War
of 1877–1878. People from Notes ____ 166

РОССИЯ XXI